

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
Высшего профессионального образования
**«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
(ВлГУ)**

Педагогический институт
Исторический факультет
Кафедра всеобщей истории

**Исторический опыт
мировых цивилизаций и Россия: материалы международной научно-
практической конференции,
14 ноября 2014 г.**

Владимир 2015

ББК 63.3 (О)
УДК 94 (100)

Рецензенты:

Борисова И.Д., к.и.н., д. юрид. н., проф.
Новиков С.С., д.и.н., доцент.

Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия: материалы международной научно-практической конференции, 14 ноября 2014 года/ отв. ред. И.К. Лапшина, О.В. Захарова; Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. - Владимир: Транзит-ИКС, 2015. - 204 с.

ISBN 978-5-8311-0911-5

Сборник содержит тексты докладов и сообщений участников Международной научно-практической конференции «Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия», проведенной кафедрой Всеобщей истории ВлГУ имени А.Г. и Н.Г. Столетовых в ноябре 2014 г. Представленные материалы отражают современные подходы к изучению разнообразных тенденций цивилизационного развития Запада, Востока и России.

В сборник включены исследовательские проекты студентов, специализирующихся по истории стран Запада и Востока. Материалы даются в авторской редакции.

Редакционная коллегия:

Лапшина И.К., д.и.н., проф., - отв. редактор
Захарова О.В., к.и.н., доцент - зам. отв. редактора

© ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, 2015
© Редакционная коллегия, коллектив авторов, 2015
© ООО Издательство «Транзит-ИКС», 2015

Содержание

Раздел I. Материалы международной научно-практической конференции «Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия».

<i>К читателю</i>	6
<i>Аронина Н.В.</i> Княгиня З.А. Шаховская в Бельгийском Конго: испытание эмиграцией (1926-1928 годы).	8
<i>Афонькина Е.В.</i> Отражение исторической памяти в археологических источниках: методологический аспект.	12
<i>Гайкин В.А.</i> Первая мировая война и корейские «гастарбайтеры» в Японии.	16
<i>Гуреев М.С.</i> Процесс дипломатического урегулирования конфликта в Северной Ирландии правительством Э. Блэра (1997-1998 гг.).	20
<i>Данилова В.Ю.</i> Роль России в Первой мировой войне: анализ школьных учебников по всеобщей истории.	25
<i>Дэвис Дон Е.</i> Новая фабрика холодной войны.	28
<i>Журавлев Д.А.</i> Вестернизация элит: экономический, политический и ценностно-культурный аспекты.	33
<i>Ионова Е.Н.</i> К вопросу о политических предпочтениях латиноамериканского электората 1980-х-1990-х годов.	41
<i>Кеткова И.В.</i> Политическое учение Локка в контексте российского либерализма.	46
<i>Ковалёв М.А.</i> Этические и эстетические теории ранних британских консерваторов (Дэвид Юм и Эдмунд Бёрк).	51
<i>Кумсков В.В.</i> Образование как социальная политика в концепции Джона Дьюи.	58
<i>Лабутина Т.Л.</i> Просветительская концепция образования в Англии и России: общее и особенное.	61
<i>Лапина И.К., Ищенко А.А.</i> К вопросу о роли «фактора США» в формировании новой российской идентичности.	74

<i>Ловягин Н.В.</i> Земские учреждения начала XX века в оценке британской прессы.	81
<i>Макеев Д.А., Черемных С.А.</i> Становление медико-санитарной службы Египта в период британской оккупации (1882 – 1914 гг.).	85
<i>Никонов О.А.</i> Первые российско-иранские медицинские контакты (вторая половина XIX века).	91
<i>Новиков С.С.</i> К 25-летию распада Югославского государства (1990-1992 гг.): как это произошло.	95
<i>Осяев А.Г.</i> Влияние внешней политики России на внутреннюю политику Швеции в период 1721-1809 годов.	109
<i>Портнягин. Д.И.</i> Представления британских политических, дипломатических и разведывательных кругов о целях внешней политики СССР в первые годы после второй мировой войны.	112
<i>Портнягина Н.А.</i> Либеральный ответ на вызов политической модернизации: кадеты и октябристы против террора в революции 1905-1907 гг.	123
<i>Скоробогатых Н.С.</i> Первая мировая война и проблемы становления национального самосознания австралийцев.	128
<i>Стрелец М.В.</i> Российский вектор внешней политики правительственных кабинетов А. Меркель в ФРГ: сравнительный анализ коалиционных договоров.	131
<i>Черноперов В.Л., Усманов С.М.</i> Размышления о Европе Юргена Хабермаса.	138
<i>Щербаков В.Ю.</i> Итальянцы в ФРГ: проблема интеграции.	142

Раздел II. Студенческая наука.

<i>Агафонов А.Р.</i> Регламентация отношений в среде самурайского сословия Японии в первой половине XVII века. (Научный руководитель – к.и.н., доцент Н.В. Аронина).	151
<i>Алексеева Е.В.</i> Внешний вид жителей Экваториальной Африки (по	

материалам путешествия В.Л. Камерона 1876 года). (Научный руководитель – к.и.н., доцент Н.В. Аронина).	155
Анчикова Ю.А. «Партия власти» в парламенте в контексте религиозной политики Елизаветы I. (Научный руководитель – к.и.н., доцент А.Г. Лапшин).	159
Еропова Е.В. Женщины Германии в годы Первой мировой войны. (Научный руководитель – д.и.н., профессор И.К. Лапшина).	163
Живулько Е.О. Социально-экономическое развитие Эфиопии в начале XX века глазами иностранцев. (Научный руководитель – к.и.н., доцент Н.В. Аронина).	169
Макарова Н.П. Повседневная жизнь русских эмигрантов в Тунисе (20 – 30-е годы XX века). (Научный руководитель – к.и.н., доцент Н.В. Аронина).	172
Орлов С.К. Реформы папы Льва XIII как основа социальной политики католической церкви. (Научный руководитель – д.и.н., профессор И.К. Лапшина).	176
Шапвалова А.Э. Путь к власти и период регентства Цы Си. (Научный руководитель – к.и.н., доцент Н.В. Аронина).	181
Раздел III. ВУЗ и школа: первый опыт научных изысканий.	
Кованов Д.С., Кованов Е.С. Спорт и политика. (Научный руководитель - Курасов С.А., аспирант кафедры истории России ВлГУ, учитель МБОУ СОШ № 15 г. Владимира).	188
Краскин М.Р. Особенности конституционной монархии Лихтенштейна. (Научный руководитель - Курасов С.А., аспирант кафедры истории России ВлГУ, учитель МБОУ СОШ № 15 г. Владимира).	191
Матросов Е.О. Новые подходы в исследовании холокоста. (Научный руководитель - Курасов С.А., аспирант кафедры истории России ВлГУ, учитель МБОУ СОШ № 15 г. Владимира).	194
Сведения об авторах.	201

К читателю.

14 ноября 2014 г. во Владимирском государственном университете имени А.Г. и Н.Г. Столетовых прошла Международная научно-практическая конференция «Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия», организованная кафедрой Всеобщей истории. В работе конференции приняли участие представители ведущих академических и образовательных учреждений России: Института всеобщей истории РАН, Института востоковедения РАН, Института региональных проблем (г. Москва), Санкт-Петербургского государственного университета, Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, Ивановского государственного университета, Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, Южного Федерального университета, Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, учителя г. Владимира, аспиранты и студенты. На пленарном заседании были заслушаны доклады Генерального директора Института региональных проблем (г. Москва) Дмитрия Анатольевича Журавлева, д.и.н., профессора кафедры Всеобщей истории ВлГУ и ведущего научного сотрудника ИВИ РАН Татьяны Леонидовны Лабутиной, декана исторического факультета ЯрГПУ, д.и.н., профессора Андрея Борисовича Соколова, заведующего кафедрой всеобщей истории и международных отношений ИГУ, д.и.н. Василия Львовича Чернопёрова и д.и.н., профессора кафедры всеобщей истории и международных отношений ИГУ Сергея Михайловича Усманова.

В центре внимания участников конференции оказались проблемы, вызывающие не только пристальный исследовательский интерес, но и общественно-политические дискуссии. Среди них - вопросы вестернизация политической элиты и ее влияние на общественное развитие; межцивилизационных отношений и эволюции взаимовосприятия Запада,

Востока и России; проблемы модернизации политических структур в странах Запада и Востока и современных политических реалий России; эволюции международной политики; демографических тенденций и межэтнических конфликтов в современном мире; исторического опыта и новых тенденций в государственной социальной политике. Представленные доклады и сообщения дали богатый материал для дальнейших размышлений об основополагающих трендах в развитии современного мира и историческом фундаменте происходящих процессов, о неразрывной связи существующих общественно-политических реалий с исторической традицией и социо-культурными особенностями различных социумов, стран и регионов.

Отдельно в год столетия начала Первой мировой войны была выделена тема Великой войны как события мировой истории, ее отражения в исторических документах, художественной культуре, на страницах школьных учебников, по которой был проведен Молодежный круглый стол с участием молодых ученых, студентов и учащихся школ г. Владимира. На круглом столе с докладами выступили победители инициированного кафедрой Всеобщей истории межвузовского конкурса исследовательских проектов по истории Первой мировой войны.

Надеемся, что представленные в сборнике материалы будут интересны не только специалистам-историкам, преподавателям, студентам и аспирантам, но и более широкому кругу читателей, интересующихся вопросами российской и зарубежной истории.

*Зав. кафедрой Всеобщей истории,
д.и.н., профессор И. К. Лапина*

КНЯГИНЯ З.А. ШАХОВСКАЯ В БЕЛЬГИЙСКОМ КОНГО: ИСПЫТАНИЕ ЭМИГРАЦИЕЙ (1926-1928 ГОДЫ)

Аронина Н.В.

*Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир,
Россия, natalya.aronina@mail.ru*

Княгиня Зинаида Алексеевна Шаховская (1906-2001 гг.) – журналист, критик, поэт, прозаик – личность легендарная среди представителей «первой волны» русской эмиграции. Её мемуары, впервые объединённые в одно издание под названием «Таков мой век», были выпущены к столетию со дня рождения автора. Впервые они печатались ещё в 1964-1967 годах во французской периодике отдельными выпусками. Большой интерес для нас представляют воспоминания княгини, связанные с периодом её жизни в Бельгийском Конго.

В конце 1926 г. З.А. Шаховская вместе с супругом переехала из Парижа в Брюссель, где жила её мать, но и там оказался «очередной кризис и безработица» [2: 261]. Зинаиде было 20 лет, её супругу Святославу Малевскому-Малевичу (ставшему впоследствии одним из видных деятелей евразийского движения) – 22. Как отмечает писательница в своих воспоминаниях, они «разлучились с цивилизацией именно тогда, когда больше всего в ней нуждались» [3: 289]. Общую жизнь молодые люди начали при «неблагоприятных предзнаменованиях»: «Не могло быть и речи, чтобы русский эмигрант с паспортом Нансена создал себе положение в Европе. Значит, осталось Конго, где мой кузен Алексей жил уже два года» [3: 286].

По замечанию исследователя В.К. Ронина, африканские владения Бельгии – Конго и подмандатная территория Руанда-Урунди (сегодняшние Руанда и Бурунди) – были особенно привлекательными для изгнанников, потерявших всё на Родине, поскольку они были более доступны для иностранцев: бельгийцы составляли там всего 60-65 % белого населения [1]. Выходцам из России легче было здесь добиться равного положения с другими европейцами, чем в колониях Франции или Великобритании. Кроме этого, условия контрактов в

Бельгийском Конго были зачастую выгоднее, чем в соседней Французской Экваториальной Африке [1].

Супруги обосновались в городе Матади, который находится в преддверии Конго. У эмигрантов мужчин здесь была работа, а в качестве развлечения питьё, карты и сплетни [3: 301]. Святослав устроился агентом бельгийской хлопковой компании, приняв на себя обязанности главы семьи. Княгиня же «жила безнадёжной, безрадостной жизнью», «толстела, тупела, задыхалась в своей пустыни» [3: 311], целыми днями «томила одна-одинёшенька в своей кроличьей клетке» [3: 290]. Библиотеку Шаховской заменил забытый каким-то путешественником «Граф Монте-Кристо» [3: 311]. Радио не работало, не было и кино и других привычных развлечений. Единственной отдушиной стал туземный рынок, куда Шаховская ходила на заре, до появления «всеуничтожающего солнца». Больше всего изматывала жара. В порту температура достигала 73° по Цельсию, а вода в водопроводе – 43° [3: 289]. Даже ночью было так же жарко, как днём. Только ночью жар спускался не с неба, а шёл с камней и раскалённой земли. Приходилось ложиться спать, «тщательно закрывшись москитной сеткой, которая не пропускала вдобавок ни малейшего дуновения воздуха. Между матрасом и простынёй стелились тонкие циновки, ничуть не спасавшие нас от липкого пота» [3: 304]. Жара просто убивала, и Шаховская, как и большинство из её окружения, «рисовала круг и розу месяцев – время, которое мне осталось провести в аду Матади, – зачёркивая красным карандашом каждый прошедший месяц» [3: 304].

Бытовые условия также оставляли желать лучшего. В порту уже было электричество, в отличие от района, где обосновались супруги. Им пришлось жить «в эпоху керосиновых ламп и без водопровода» [3: 293]. Жёлтую и грязную воду из реки приносили им каждый день заключённые. Для питья её необходимо было пропустить через самый примитивный фильтр. Единственным удобством была дорожная ванна: «Принесённая утром вода спустя два часа становилась тёплой. Чтобы обезопасить себя от паразитов, мы растворяли в воде марганцовку» [3: 293].

Самую настоящую беспощадную войну приходилось вести с насекомыми, червями, джиги (крошечными клещами), коричневыми тараканами: «Жирные, отвратительные и не желавшие умирать под струёй инсектицидов, они сжирали всё, что находилось на их пути, выпивали чернила, грызли дерево и бумагу. О том, чтобы ходить босиком, даже в доме, не могло быть и речи, – клещи ввинчивались в кожу больших пальцев или под подошву... Нитевидные черви ... заражали воду, их эмбрионы проникали в кровь и возбуждали болезнь, становившуюся преддверием слоновой» [3: 309].

Ещё опаснее насекомых были невидимые микробы. Почти каждый день хоронили кого-нибудь из белых, умерших от жёлтой лихорадки. И тогда «унылое Матади» становилось совсем «мрачно-угрюмым» [3: 310]. Зинаиде посчастливилось избежать заражения, но именно в период эпидемии у неё случился сильнейший приступ малярии [3: 310].

Питались супруги в основном консервами и фруктами (бананами, лимонами, папайей, авокадо, манго и ананасами). Никаких овощей не было. Молоко, мясо и масло получали только из консервных банок. Свежее мясо приходило, «как письма, только с пароходами» [3: 293-294]. Вообще приход парохода всегда становился приятной удачей. Зинаида и Святослав были знакомы со всеми капитанами, и их общество позволяло «хоть немного почувствовать Европу» [3: 304].

У княгини было двое слуг-мужчин: по её замечанию, «слишком мало, чтобы заслужить уважение» [3: 296]. Один готовил и стирал, другой был посыльным. Отметим, что в Матади женщины не работали у белых ни в качестве слуг, ни няньками [3: 296].

Для того, чтобы быть в более тесном общении с неграми, Зинаида Шаховская стала учить местный язык «киконго». Каждое слово в нём имело множество смыслов. Из-за трудностей в языке общение с неграми было довольно скудным [3: 294].

Чтобы восполнить недостаток в общении с людьми, княгиня общалась с животными, «которых любила с детства с какой-то особой жалостью и

чувством вины, узнав из катехизиса, что вся тварь страдает вместе с человеком, пав с ним вместе в первородный грех, обречённая на страдания и смерть» [3: 304]. Узнав про интерес княгини к животным, туземцы стали приносить ей из джунглей разных зверей. Белые здесь чаще всего заводили обезьян, но они слишком напоминали Зинаиде «детей-сироток с грустным-прегрустным взглядом» [3: 305]. Кроме этого, она осознавала, что для того, чтобы обезьянка ничего не крала у соседей, «пришлось бы её сажать на цепь» [3: 305]. Совсем маленькими принесли княгине гиен, и она даже не поняла, что это гиены, а приняла их за щенков с густой шерстью. Их нестерпимый запах невозможно было выносить, и, как только они подросли, Шаховская приказала своему слуге отнести их в джунгли [3: 305]. Одно время она хотела завести «молоденького крокодильчика» и даже купила крокодиловое яйцо, положила его под курицу-наседку, но крокодил всё не появлялся. Уже позднее Зинаиде объяснили, что яйцо следовало «всеёго-навсёго закопать в песок на солнце» [3: 307].

Как видно, город Матади воплощал для З.А. Шаховской уныние и опустошённость. Пребывание в Конго стало для молодых супругов испытанием. Меньше всего, как отмечает Шаховская, они походили на «грязных колонистов» [3: 290]. Несмотря на то, что в Африке княгиня провела совсем немного времени, по её воспоминаниям можно составить довольно яркое представление о тех проблемах, с которыми пришлось здесь столкнуться эмигрантам в 20-е годы XX века, и о способах адаптации русских на чужбине.

Примечания.

1. Ронин В. Русское Бельгийское Конго в годы войны – URL: <http://magazines.russ.ru>. (Дата обращения: 15.09.2012).
2. Ронин В.К. «Русское Конго»: 1870-1970: Книга-мемориал. В 2 т. Т. 1. М., 2009.
3. Шаховская З.А. Таков мой век. М., 2008.

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.

Афонькина Е.В.

*Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир,
Россия, Afonkina_ekaterina@mail.ru*

Понятие «археологические источники» принадлежит к числу фундаментальных понятий археологии, с его помощью, определяются многие другие понятия, делаются выводы [5].

В археологии к детальной разработке понятия «археологический источник» подошли и со стороны теории, и со стороны методики исследований: в научной практике более наглядно и непосредственно ощущается потребность в методических предписаниях, чем в тех теоретических разработках [3].

Таким образом, можно сделать вывод, что археологические (вещественные) источники — это орудия производства и созданные с их помощью: постройки, оружие, украшения, предметы бытового обихода всё, что является результатом деятельности человека. Необходимо обратить внимание на то, что археологические источники, не содержат точной информации об исторических событиях периода бытования изучаемых вещей, и основанные на них исторические выводы являются результатом научной реконструкции.

Как было отмечено выше, археологические источники, являются основной базой получения теоретической и практической информации о социальной политической и экономической сторонах жизни общества в рассматриваемой период. Расширение исторических знаний в каждой из этих областей важно для верного всестороннего понимания эволюционного развития государства.

С методической точки зрения археологические источники и информация которую они в себе несут, достаточно мало задействованы в школьном курсе истории. Данной ситуации есть ряд объяснений.

- Изучение археологических источников часто считается прерогативой высшего образования. Это объясняется сложностью изучаемого материала.

- Изучение археологических источников, как материальных носителей информации, затрудняется их недоступностью для школьного образования, исключение составляют предметы, представленные в экспозициях музеев.

Еще одной проблемой возникающей в процессе изучения вещественных данных полученных в процессе археологических исследований, является сложность их содержательной интерпретации.

Но, несмотря на это, в современной методике преподавания истории можно отметить достаточно четкую тенденцию применения археологических источников, в образовании и воспитании школьников [4].

Образовательный потенциал применения вещественных источников на уроке истории нашёл свое отражение в термине «педагогическая археология», который раскрыл Д.В. Бровко в своей статье «Феномен педагогической археологии» [1].

В системе преподавании истории можно выделить два основных направления применения методики изучения археологических источников: это урочная система, и система дополнительного образования школьников.

Изучение археологических источников на уроках истории начинается с курса истории Древнего мира и предполагает введение основных понятий, связанных с археологией. Учащихся знакомят с понятиями «археологические раскопки», «культурный слой», упоминают основные типы археологических памятников. В курсе истории России с древнейших времен до конца XVIII века учащихся знакомят с бытовой, стороной жизни русичей. Учителя знакомят учеников с реконструкцией одежды, бытовой утвари и оружия наших предков. Опора на наглядность и активную работу зрительного анализатора позволяет школьникам понять основную специфику бытовой жизни общества в рассматриваемый период.

Учебник для 10 класса знакомит учащихся с археологическими источниками с точки зрения рассмотрения вопросов периодизации истории. Практически в каждой главе этого учебника отмечается вклад археологии в открытие информации о древнейших людях и их образе жизни [2].

Достаточно часто можно встретить уроки и игры по таким темам: «Археологическое наследие Г. Шлимана», «Археологические исследования г. Трои», в рамках курса краеведения: «Археологическое исследование Сунгирской стоянки». В рамках изучения периода новой истории упоминается археологическая экспедиция в Египет Наполеона Бонапарта.

Еще одним способом включения археологических знаний в курс истории средней школы является составление кроссвордов, проведение эвристических бесед со школьниками, цель которых, реализация воспитательного и образовательного потенциала курсов истории и археологии.

Говоря о системе дополнительного образования школьников применительно к методике изучения археологических источников можно выделить следующие направления:

- школьная археологическая экспедиция;
- археологический кружок;
- посещение археологических экспозиций в историческом музее.

Максимально сложной для реализации из этих направлений является выездная школьная археологическая экспедиция. Трудности организации обуславливаются возрастом учащихся, сферой их интересов, доступностью объектов археологических исследований, в работе которых можно принять участие.

Занятия в кружке ставят своей целью знакомство школьников с одним из интереснейших периодов в истории человечества – с «миром древностей».

Археологические кружки, организованные при школах можно разделить на две категории на основе возрастов участников. Археологические кружки для учащихся среднего и старшего звена.

Главная задача археологических кружков для старшеклассников – научно-исследовательская деятельность в рамках изучения памятников археологии.

В археологических кружках для среднего школьного в основном занимаются учащиеся V-VII классов. Объем изучаемого материала в этих

кружках можно ограничить проведением экскурсий в исторический музей, походами на археологические, архитектурные памятники с целью общего знакомства с ними.

Во время занятий учащиеся работают с подлинными предметами, готовят и обсуждают на заседаниях кружка собственные доклады на археологические темы.

Для подведения итогов работы в рамках дополнительного образования и с целью привлечения интереса к археологии как к самостоятельной науке со стороны всех учащихся школы проводятся вечера и конференции.

Несмотря на то, что археология не является самостоятельным предметом, включённым в Государственный образовательный стандарт, ее интеграция в блок исторических дисциплин является необходимым, с целью повышения уровня знаний, расширения исторического кругозора школьников, и формирования логичности процесса восприятия информации.

Примечания.

1. Бровка Д.В. Феномен педагогической археологии // Уссурийский краеведческий вестник. Вып. 3. Уссурийск, 2004.
2. Загладин Н.В., Симония Н.А. Учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений. История России и мира с древнейших времен до конца XIX века. М., 2008.
3. Клейн Л.С. Археологические источники. Ленинград 1978.
4. Мезенцев А.Л. Археология и формирование интереса к истории у школьников // www.rezerv.narod.ru.
5. О методологии археологической науки и ее проблемах // Советская археология 1969, № 3.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И КОРЕЙСКИЕ «ГАСТАРБАЙТЕРЫ»

В ЯПОНИИ

Гайкин В.А.

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, unara49@mail.ru*

Исчезновение Кореи с политической карты мира в 1910 г. в результате аннексии и включение её в состав Японии не дало корейцам автоматически всех прав японского гражданина. Хотя после аннексии они и стали считаться «японскими подданными», но с немаловажным уточнением – «этнические корейцы», что подчёркивало их неравнозначность японцам. Их права были ограничены и регулировались различными указами и подзаконными актами. Как отметил американский исследователь Edward W. Wagner, «корейские подданные Японии... не пользовались правами и привилегиями японских граждан [7: 9].

Во время первой мировой войны бурное развитие экономики Японии, поставлявшей оружие, снаряжение, промышленные товары для воюющих держав, в 1914-1918 гг. требовало значительных трудовых ресурсов, которые пополнялись пришлым корейским населением. У японцев появилась возможность переложить на ввезённых из Кореи «гастарбайтеров» работу по известной формуле «3 Д» - dirty, dangerous, difficult (грязная, опасная, тяжёлая). Только в первом полугодии 1917 г. оргнабор корейцев на различные предприятия Японии по их заявкам осуществлялся 21 раз. Мужчин было затребовано 4220 чел., женщин – 2370 чел. всего – 6590 чел. [5: 55].

Основная часть корейских иммигрантов направлялась на самый большой и промышленно развитый остров Японии Хонсю. В ноябре 1917 г. чиновники министерства торговли и сельского хозяйства провели обследование рабочей силы в районе Кансай. Согласно полученным данным, корейские «гестарбайтеры» трудились здесь на металлургических заводах, текстильных фабриках, судостроительных верфях. В префектуре Осака на заводе «Кидзу кодзё» (компания «Сэтцу босэки») работали 1911 корейцев, на сталелитейном

заводе «Сумитомо» -1916 корейских рабочих. В префектуре Хёго на судовой верфи «Кавасаки» – 1914 чел., сталелитейном заводе «Кобэ сэйтэцусё» – 1916 корейских «гестарбайтеров» [5: 55, 56].

Осака становился центром корейской диаспоры в Японии. Газета «Осака майнити симбун» 26.12. 1917 г. писала: «Во всей префектуре Осака около 2000 рабочих корейцев, три четверти из них фабричные рабочие и грузчики. В самом городе Осака 1500 корейских рабочих. Около 90% корейцев – мужчины, женщин 150 – 160 чел., которые в основном работают на ткацких фабриках. Много, до 200 чел. в день, требуется подсобных рабочих на металлургические заводы, землекопов, зарплата которых составляет 50 – 60 сэн, строителей с низкой квалификацией на сооружение портов, дорог, укрепление берегов рек» [5: 56, 57].

В быстро индустриализирующейся Японии росла потребность в угле и как следствие численность шахтёров. Значительную часть новых рабочих мест на шахтах стали занимать корейские иммигранты. К концу 1-й мировой войны в 1918 г. число корейцев-шахтёров в Японии достигло 2480 чел., что составляло 11,1% численности корейцев в Японии (22411 чел.) Как отмечали специалисты японской компании «Хоккайдо танко кабусики кайся» («Хокутан»), «корейцы послушны, сильны физически, после обучения они в квалификации не уступают японцам» [2: 230].

Угольные месторождения в Японии это в основном Хоккайдо (второй по величине остров Японии). На Хоккайдо первые 10 корейцев были ввезены из Владивостока в 1916 г. для работы на шахтах компании «Хокутан» [2: 225]. Компания «Хоккайдо кисэн кабусики кайся» с 1917 г начала осуществлять вербовку «гестарбайтеров» в Корею для работы на шахтах этого острова. Большинство корейцев работало на шахтах, находившихся в г. Юбари и его окрестностях.

Специфический менталитет японцев, иерархичность их мировидения отразилась на отношении к рабочим – иммигрантам. По мнению авторов, выполненного в МИДе Японии исследования «Положение корейцев в Японии в

1925 г.» (Тайсё дзюённэн тю ни окэру дзайрю тёсэндзин но дзёкё), «японцы рассматривали корейцев как низшую расу. Корейцы всегда чувствовали себя в Японии чужими». Зарплата корейцев была гораздо ниже оплаты труда японца, выполнявшего ту же самую работу в том же самом объёме. Так в 1917 г. в префектуре Фукуока на стекольном заводе «Осато» средняя зарплата рабочих японцев составляла 35 сэн, корейцев – 25 сэн. В порту г. Осака японцы - докеры зарабатывали в месяц 1 иену 20 сэн – 1 иену 30 сэн, корейцы – 90 сэн [5: 61].

Экономическая рецессия в Японии после окончания Первой мировой войны ударила в первую очередь по корейским трудовым мигрантам, ставшими амортизационным ресурсом, подпадавшим под сокращение и спасавшим от увольнения японских рабочих. Существование армии безработных поддерживалось благодаря, масштабным программам общественных работ, связанных с реализацией градостроительных проектов, строительства административных зданий, сети санитарно-гигиенических сооружений, шоссе и железных дорог. Мэрии японских городов уже с 1923 г. рассматривали корейцев как основной контингент для (не фабричных) подённых работ. Как констатировал чиновник мэрии Осака: «Рынок подённого труда невозможно представить без корейских трудовых мигрантов» [4: 6].

В 1928 г. 54,7% подённых чернорабочих на стройках программы общественных работ в Токио были корейцами [6: 78]. Примерно такая же ситуация была по всей стране – в Иокогама, Нагоя, Осака, Киото, Кобэ. Корейские иммигранты стали доминировать на объектах программы общественных работ «В секторе неквалифицированного строительного труда корейские подёнщики абсолютно необходимы. Реализация строительных проектов в рамках программы общественных работ без корейской рабочей силы была бы трудноосуществима» [1: 36].

Инструментом социального управления корейскими подёнщиками, обеспечивавшим их выход на рынок труда были рабочие общежития (хамба). «Хамба – это управляемое корейцем, общежитие для корейских рабочих, которое одновременно является для них и минибиржей труда. Японских

строительных рабочих и разнорабочих обычно ищут в так называемых родобэя (рабочее общежитие), корейских чернорабочих, как правило, в хамба» [3: 43]. Специалисты по социальноэкономической истории Японии отмечают, что хамба и её внутренняя иерархия (воспроизводившая средневековую японскую систему ояката) была основным паттерном организации рабочих в горнорудной и строительной отраслях в новое время. Аналогичная (полуколониальная) система торговли существовала в 18 веке в регионах Британии - Южном Уэльсе, населённом валлийцами и Шотландии, где она была запрещена указом правительства Британии только в 1831 г.

Результатом колониальной эксплуатации корейских строителей было создание в Японии между двумя мировыми войнами так называемой *built environment* – инфраструктуры экономического развития: городская инфраструктура (благоустройство городских территорий, муниципальное строительство), инженерная инфраструктура (канализация, водопровод, электросети), транспортная инфраструктура (автодороги, ж.д. магистрали).

Общая протяжённость канализационных сетей выросла с 2000 километров в 1912 г. до 20000 километров в 1935 г. В одном только Токио – с 1000 км. в 1912 г. до 5000 км. в 1935 г. В Осака за тот же период рост с 116,5 километров до 2 200 км. [16, с.69]. Между 1912 г. и 1937 г. протяжённость железных дорог увеличилась с 3000 км. до 10000 км. Количество железнодорожных станций – с 477 до 4255 [8: 69].

Примечания.

1. Кётоси кёйкубу сякайка. Кётоси ни окэру хиятои родося ни кансуру тёса (Социальный сектор отдела образования мэрии Киото. Обследование положения подёнщиков в Киото). Киото. 1931. Цит. по: Kawashima Ken C. *The proletarian gamble. Korean workers in interwar Japan.* Durham and London, 2009. P. 73.

2. Кувахара Садахито. Киндай Хоккайдоси кэнкю дзёсэцу (Введение в изучение современной истории Хоккайдо). Саппоро, 1982.

3. Мусанся симбун. 25.07.1928.

4. Осака си сякайбу тэсака. Хиятои родося мондай (Сектор обследований социального отдела мэрии Осака. Проблемы подённых рабочих). 1924, март. С. 6. Цит. по: Kawashima Ken C. The proletarian gamble. P. 5.

5. Пак Кэн сик. Дзайнити тэсэндзин ундоси (Общественно-политическая история корейцев в Японии). Токио, 1979.

6. Токёси сякайкёку. Токёси сякайкёку нэмпо 1929 нэндо (Управление по социальной работе мэрии Токио. Ежегодник за 1929 год). Токио, 1929. С. 78. Цит. По: Kawashima Ken C. The proletarian gamble. P. 71.

7. Edward W. Wagner. The Korean minority in Japan 1904-1950. New York, 1951.

8. Kawashima Ken C. The proletarian gamble. Korean workers in interwar Japan. Durham and London, 2009.

**ПРОЦЕСС ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ
КОНФЛИКТА В СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ
Э.БЛЭРА (1997-1998 гг.).**

Гуреев М.С.

*Тульский институт экономики и информатики,
г. Тула, Россия, m.gureev9@gmail.com*

Современная геополитическая ситуация, сложившаяся в современном мире (конфликт на юго-востоке Украины, обострение столкновений между Израилем и Палестиной) вновь заставляет обратиться к проблеме межэтнических конфликтов и пути их разрешения.

Конфликт в Северной Ирландии, имеющий под собой многовековую историю, границы которого практически не выходили за пределы шести графств на северо-востоке острова Ирландия, является одним из классических примеров проявления национализма «нации без государства». И.М. Мусаев в своей диссертации «Национализм в современной Европе: эволюция идей и политической практики» ольстерские противоречия относит к категории

конфликтов «разделённых» народов. В качестве подтверждения этого положения автор отмечает: «Сложившиеся границы государств не совпадают с этническими, например: Страна Басков разделена между Испанией и Францией, Ирландия – между Лондоном и Дублином, Тироль – между Италией и Австрией. А отсюда и питательная среда для идеологии, базирующейся на стремлении к территориальному единству, культурной, языковой или религиозной общности «разделённых» народов»[1: 171]. В Северной Ирландии фактор «разделённого» народа оказался многократно усиленным конфессиональными противоречиями между католиками и протестантами.

История процесса мирного урегулирования в Северной Ирландии - классический пример комплексного подхода по достижению мирного решения одного из крупнейших этнополитических конфликтов дипломатическими методами и средствами.

Начало мирного процесса было вызвано непрекращающейся вооружённой борьбой крупнейшей террористической националистической группировки – Ирландской республиканской армии, выступающей за отделение Северной Ирландии от Великобритании и воссоединение Ольстера с его исторической родиной – Республикой Ирландия, и юнионистскими террористическими группировками.

1 мая 1997 г. начался новый этап в процессе мирного урегулирования. В ходе всеобщих выборов в парламент жители Великобритании в подавляющем большинстве отдали свои голоса лейбористской партии и её главе – Т. Блэру. Со сменой в 1997 году консервативного правительства на лейбористское переговорный процесс удалось ускорить и довести до логического завершения. Правительство Т. Блэра подтвердило свою приверженность позиции предыдущих консервативных кабинетов в отношении Северной Ирландии как неотъемлемой части Великобритании [2: 145]. В то же время оно предъявило твердые требования ведущим североирландским партиям о достижении межобщинного согласия и разоружении

военизированных формирований. В том же году в Ирландии победила коалиция Фианна Фойл во главе с Б. Ахерном.

С сентября 1997 г. переговорный процесс в Северной Ирландии был представлен практически всеми политическими силами. До этого главным камнем преткновения был вопрос о допуске партии Шинн Фейн к обсуждению мирного урегулирования. Организация представляла собой политическое крыло Ирландской республиканской армии. В работе «Пути к урегулированию конфликта в Северной Ирландии» даётся исчерпывающий анализ программных документов и заявлений всех представленных на переговорах сторон.

Шинн Фейн назвала свою программу «Принципы и Потребности». В ней партия доказывала, что она включилась в переговоры с целью отстаивания республиканской позиции. В этом документе Шинн Фейн признала, что развитие союза между Британией и Северной Ирландией является прямым препятствием и вмешательством в право жителей Ирландии самим определить их путь развития. Признавая потребность в объединении с целью установления согласия между двумя североирландскими традициями, Шинн Фейн имела целью вынесения проблем Ольстера на обсуждение всей Ирландии. Основа для мира и стабильности, по мнению партии, - суверенное, объединённое и независимое Ирландское государство [4, 5]

Включение Юнионистской партии Ольстера (ЮПО) в переговоры сразу вызвало негативную реакцию со стороны радикальных представителей юнионистской общины – Демократическая юнионистская партия Я. Пэйсли и Юнионистская партия Соединённого Королевства Б. Маккартни. В своей программе, которую ЮПО представила на многопартийных переговорах, единственным средством исправления ситуации было сохранение союза с Великобританией, что естественно разрушало все предложения, высказанные Шинн Фейн. ЮПО утверждала, что «союз с Великобританией – это Союз, который в сердцах и умах юнионистов. Британскость – это сердце юнионистской философии, чувство принадлежности; это чувство того, что мы

нечто большее, чем шесть графств на северо-восточной оконечности нашего острова» [4, 6].

Социал-демократы во главе с Дж. Хьюмом снова придавали особое значение своей точке зрения, заключающейся в том, что необходимо в равной степени учитывать права юнионистов и националистов для выработки решения об эффективной политической, символической и административной идентификации обеих общин, что будет являться ключом к успешным переговорам [4, 6].

Можно сделать вывод о том, что три основные политические партии Северной Ирландии, участвовавшие в трёхсторонних переговорах, видели будущее Ольстера как совместное существование юнионистов и националистов на одной территории, то есть можно видеть реализацию принципа согласия, который был положен в основу многопартийных переговоров.

В январе 1998 г. Т. Блэр и Б. Ахерн, подготовили свои собственные «основные элементы соглашения». Цель данных документов состояла в том, чтобы в определённой мере сфокусировать переговоры после их возобновления, так как приближался срок истечения переговорного процесса, намеченный на 10 мая 1998 г.

Начало 1998 г. связано с обоюдной эскалацией террористической активности, как с националистической, так и с юнионистской стороны, так и с усилением активности переговорного процесса. 12 января 1998 г. после рождественского перерыва британское и ирландское правительства опубликовали документ под названием «Основные части соглашения». Наиболее важной частью этого документа были предложения о создании органа по передаче части властных полномочий от Британии к Северной Ирландии. Предполагалось создание Ассамблеи Северной Ирландии, Министерского Совета «Север - Юг», Совета Островов [6, 3].

В начале апреля 1998 г. контакты по линии Лондон-Белфаст-Дублин стали ежедневными. Ситуация находилась под контролем со стороны Б. Клинтона. В ночь с 9 на 10 апреля им были проведены телефонные переговоры

с участниками переговоров [3: 881]. 10 апреля 1998 г. было объявлено о том, что все стороны пришли к общему соглашению. Официальный документ, отражавший позиции всех сторон получил название Белфастское Соглашение (Соглашение Страстной Пятницы).

Предполагалось, что данный документ содержит в себе главное ядро мирного урегулирования – компромисс между позициями основных участников переговоров. Но противоречия, которые так не смогли преодолеть партии, нашли своё отражение и в тексте документа, имплементация которого растянулась больше, чем на десятилетие. Т. Блэр в своих мемуарах говорит о том, что «Хотя у нас в руках была карта, до конца путешествия оставалось много миль» [5: 125].

Примечания.

1. Мусаев И.М. Национализм в современной Европе: эволюция идей и политической практики. Дисс... докт. полит. наук. Спб., 2003.

2. Бодякина Т.П. Британская политика в Северной Ирландии в период правления кабинетов М. Тэтчер и Дж. Мейджора. Дисс... канд. ист. наук. М., 2000.

3. Клинтон Б. Моя жизнь. М., 2005.

4. Farren S., Mulvihill R.F. Paths to a settlement in Northern Ireland. Colyn Smithe Limited, 2000.

5. Blair T. The Journey. My political life. KNOPF Publishers, 2010.

6. A Chronology of the Conflict – 1998. – URL: <http://www.cain.com/>.

РОЛЬ РОССИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ:

АНАЛИЗ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ ПО ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Данилова В.Ю.

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,

г. Владимир, Россия, fasikcat@yandex.ru

Цель данной работы – рассмотреть, как представлена роль России в Первой мировой войне в школьных учебниках по всеобщей истории для 8 – 9 классов. Для достижения цели был проанализирован текст и методический аппарат соответствующих современных учебников, рекомендованных Министерством образования и науки РФ. Текст учебников позволяет поставить следующие вопросы:

1. Кто виноват в развязывании Первой мировой войны? Авторы всех учебников обращают внимание на то, что и страны Тройственного союза, и страны Антанты накануне войны преследовали свои территориальные интересы и были потенциально готовы к конфликту. Что касается России, то она не прочь была присоединить Галицию, а также строила планы по установлению контроля над черноморскими проливами [1: 41; 3: 12, 15; 4: 40]; через влияние на Балканском полуострове Россия стремилась выйти в бассейн Средиземного моря [5: 9]. При этом Н.В. Загладин отмечает, что ни одна из ведущих стран мира не хотела выглядеть виновником развязывания войны, поэтому она началась только месяц спустя после убийства Франца-Фердинанда [2: 245]. Таким образом, хотя решающая инициатива исходила от стран австро-германского блока, страны Антанты и Россия в их числе также несли ответственность за начало войны. Следует отметить, что в учебнике Л.Н. Алексашкиной один из вопросов после параграфа предлагает ученикам ответить, кто развязал Первую мировую войну и аргументировать свой ответ [1: 49].

2. Какова была роль России в боевых действиях Первой мировой войны и как складывались отношения России с союзниками по Антанте? Насчет кампании 1914 г. авторы учебников единодушно подчеркивают, что

наступление русских войск? начатое в августе-сентябре 1914 г. по просьбе союзников, хотя в России еще не была закончена мобилизация, помогло Франции избежать быстрого разгрома и сорвало германский план «молниеносной войны» [1: 43; 2: 250; 4: 43]. При этом только в учебнике О.С. Сороко-Цюпы отмечается, что Франции помогла и Англия, особенно на море [4: 43].

Про отношения союзников в 1915 г. есть информация в двух из рассмотренных нами учебников. Л.Н. Алексашкина говорит о том, что в 1915 г., когда Германия успешно наступала на Восточном фронте, Англия и Франция не спешили помочь России наступлением на своем фронте [1: 44]. В учебнике Е.Ю. Сергеева текст о боевых действиях Первой мировой войны написан нейтрально, роль России в войне специально не подчеркивается, однако после параграфа приведен красноречивый отрывок из источника – высказывание британского премьера Д. Ллойд Джорджа о ходе войны в 1915 г. В нем говорится о том, что русские войска отступали только из-за недостатка винтовок и снарядов, и при этом ни Англия, ни Франция не помогли им боеприпасами. Русские офицеры, по мнению Д. Ллойд Джорджа, справедливо упрекали англичан в равнодушии [3: 30].

Про роль России в кампании 1916 г. Л.Н. Алексашкина говорит, что в марте 1916 г. по просьбе французского командования русские войска начали наступление у оз. Нарочь и г. Двинска, что отвлекло значительные силы немцев [1: 45]. В учебниках Н.В. Загладина и О.С. Сороко-Цюпы подчеркивается, что Брусиловский прорыв русских войск в Галиции помог англо-французским войскам устоять под Верденом и начать наступление на Сомме [2: 256; 4: 46].

Примечательный факт, который касается отношений между странами Антанты в ходе Первой мировой войны, приводится в учебнике Н.В. Загладина. В феврале 1915 г. Англия и Франция совершили попытку захватить черноморские проливы. Англичане и французы высадили десант на полуострове Галлиполи, вблизи Стамбула. В случае успеха этой операции, то есть захвата черноморских проливов, на которые издавна претендовала Россия,

страны Антанты получали возможность влиять на ее политику после завершения войны. Однако отвлечение полумиллионной англо-французской армии на второстепенный фронт не дало никаких результатов. В январе 1916 г. союзникам, понесшим большие потери, пришлось эвакуировать войска. Инициатор Галлиполийской операции, будущий премьер-министр Великобритании У. Черчилль вынужден был оставить пост военно-морского министра [2: 254–255].

Вопрос о роли России (Восточного фронта) в Первой мировой войне разнообразно представлен в методическом аппарате учебников – в вопросах и заданиях после параграфов. В учебнике Н.В. Загладина ученикам задается вопрос: «Какую роль сыграл Восточный фронт на первом этапе войны?» [2: 252]. В учебнике Л.Н. Алексашкиной тот же вопрос носит более полемический характер: «Согласны ли вы с мнением некоторых историков, что Восточный фронт был второстепенным?» [1: 49]. В учебнике Е.Ю. Сергеева ученикам предлагается поразмышлять над такими вопросами: «Каков вклад России в победу Антанты?» и «Какой фронт был решающим на каждом из этапов Первой мировой войны? Свой ответ аргументируйте» [3: 29]. Поскольку, как уже отмечалось выше, текст данного учебника не дает оценок действий союзников, ученикам необходимо самостоятельно проанализировать ход боевых действий и определить роль России в войне.

Наконец, в учебнике Н.В. Загладина приведена статистическая таблица «Воюющие страны и их потери», где указано число мобилизованных и потери убитыми и ранеными для стран антигерманского блока и Центральных держав. Ученикам предлагается сопоставить уровень военных усилий и потерь стран-участниц войны и ответить на вопрос, какие государства внесли наибольший вклад в победу над Германией [2: 266]. Из таблицы видно, что самое большое количество солдат мобилизовала Россия, и она же понесла наибольшие потери как убитыми, так и ранеными и пленными.

Подводя итоги, можно сказать, что современные учебники по всеобщей истории для 8 – 9 классов, излагая события Первой мировой войны, уделяют

достаточное внимание роли России в войне, используя для этого и текст параграфов, и фрагменты из источников, и методический аппарат. Важно, что вина за развязывание войны не возлагается на какое-либо одно государство: ученики должны понимать, что в любом конфликте ответственность несут все участвующие стороны. Что касается отношений России с союзниками по Антанте, то в учебниках подчеркивается их сложность и неоднозначность: Россия выполняла свои обязательства и помогала союзникам, тогда как Англия и Франция в большей мере преследовали свои интересы.

Примечания.

1. Алексашкина Л.Н. Всеобщая история. XX – начало XXI века. 9 класс. 12-е изд. М., 2012.
2. Загладин Н.В. Всеобщая история. История нового времени. XIX – начало XX века. 8 класс. 10-е изд. М., 2010.
3. Сергеев Е.Ю. Всеобщая история. Новейшая история. 9 класс. Под ред. А.О. Чубарьяна. 5-е изд. М., 2011.
4. Сороко-Цюпа О.С., Сороко-Цюпа А.О. Всеобщая история. Новейшая история. 9 класс. М, 2011.
5. Шубин А.В. Всеобщая история. Новейшая история. 9 класс. М., 2010.

НОВАЯ ФАБРИКА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ.

Дэвис Дон Е.

Университет штата Иллинойс, Нормал, США,

ddonald46@gmail.com

В недавней статье, опубликованной в «Нью-Йорк Таймс», Серж Шмеман говорит о событиях в Украине, в особенности в Крыму, как о возобновлении холодной войны. Он пишет: «На протяжении последнего времени полемика была богата типичными для дискурса холодной войны категориями конфронтации, доверия, наказания, санкций, победителей и проигравших». И

Восток, и Запад способствуют только осложнению кризиса в Украине, превращая его в демонстрацию своих силы, как утверждает Генри Киссинджер в своей авторской колонке. По его словам, поведение России ведет только к ее дальнейшей изоляции, а «для Запада демонизация Владимира Путина представляет собой не политику, а оправдание отсутствия таковой»».

Опять же, мы сталкиваемся с массивной кампанией американских и российских СМИ, ведущейся под знаменем холодной войны, или под тем, что мы можем обозначить как вновь изобретенное для этого понятие «холодновойнизм». Данная кампания заставляет нас обратиться к вопросу происхождения и истории самого этого термина. Уолтер Липман популяризовал понятие «холодная война» в своем сборнике статей, который он написал для «Нью-Йорк Хералд Трибюн» и озаглавил как «Холодная война: Исследование внешней политики США» (1972). Липман подверг критике идею «сдерживания», а также другие «наводящие на размышления» слова, которые использовались с тех пор, как в лексикон вошли «карантин» (Вудро Вильсон), «барьер» (Великобритания), «санитарный кордон» (Франция).

Интерес американских историков к отношениям Вудро Вильсона с Россией усилился вместе с публикацией книги Эплмэна Уильямса «Американо-Российские отношения, 1781–1947» (1952). Без сомнения, эта публикация была обусловлена обострением холодной войны и инициированием Джорджем Кеннаном идеи «сдерживания». По прошествии лет, многочисленные работы дополнили противоположные воззрения Уильямса и Кеннана: Уильямс настаивал, что холодная война началась в 1917–1918 гг.; по мнению Кеннана, ее начало приходится на период окончания Второй Мировой войны. Каждая из этих двух противоположных трактовок обросла разнообразными ярлыками: реалистическая и идеалистическая, ортодоксальная и ревизионистская. С этими обозначениями часто идентифицировались, с одной стороны, те, кто желал гармонизации отношений с Россией, а с другой, кто стоял на агрессивной позиции. Ученые с обеих сторон назывались «прагматистами», «апологетами», «сочувствующими», «правоверными», «сомневающимися», «непримиримыми»,

«мягкими», «твердыми» - это лишь немногие из тех малоподходящих терминов. И как раз тогда, когда мы думали, что холодная война завершилась к 1991 г., данные ярлыки снова начинают появляться в 2014 году.

Для кого-то это может показаться неожиданным, но администрация Вудро Вильсон использовала ту же тактику холодной войны, которая отстаивается и возобновляется сегодня вокруг проблемы Крыма: идеологическая война, шпионаж, вооруженное сопротивление, блокада, экономическая изоляция, замораживание активов, отмывание денег, отказ в визах, карантин. Тем не менее, Вильсон не инициировал гонку вооружений. Он также настаивал на самоопределении и территориальной целостности. Возникает головоломка: как примирить между собой эти идеалы с вмешательством во внутренние дела другой страны? Это вылилось в историю, полную противоречий. Проповедь свободы и демократии часто идет рука об руку с грязными уловками. Вильсон избежал де-факто признания Советской России и изолировал ее. Именно Госсекретарь в администрации Вильсона Бэйнбридж Колби объявил политику непризнания, которая была расширена до экономической изоляции в 1920–21 гг. и прекращена президентом Франклином Рузвельтом, когда он официально признал Советскую Россию в 1933 году. Вильсон, возможно, даже проводил «секретную войну», как утверждает Дэвид Фоглсонг в своей книге «Тайная война Америки против большевизма: Вмешательство США в Российскую Гражданскую войну, 1917–1920» (1995).

Те из нас, кто классифицирует «холодновойнизм» как идеологию, такую же, как империализм, коммунизм, славянофильство, панславизм, экспансионизм, революция, и так далее – ищут его происхождение и объяснение в долгой истории России, а не только в современном соперничестве. Авторы работ, в которых наиболее ярко выражена идея о более раннем происхождении холодной войны, до конфронтации послевоенного периода, придерживаются сходной с Уильямсом точки зрения (Джон Ф. О'Коннор, Андрэ Фонтэн, Фредерик Л. Шуман, Д.Ф. Флеминг, Дэвид Горовиц). Уильямс утверждал, что Америка была намерена заставить СССР принять

принципы свободы торговли и инвестиций в пределах российской сферы влияния. Тем не менее, попытка «открыть двери», как писал Уолтер ЛаФебер в книге «Америка, Россия и Холодная война, 1945–1966» (1967), только закончилась поражением дипломатии. Точно также ни привела к успеху и «атомная» дипломатия Трумэна, как считает Гар Альперовиц в своей работе «Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам» (1965).

Эти ревизионистские подходы расходились с так называемыми «ортодоксальными» работами, начиная с труда «Длинная телеграмма» Джорджа Кеннана (май 1945) и его «Мемуаров, 1925–1950» (1967), книг его биографа Джона Льюиса Гэддиса «Стратегии сдерживания» (2005) и «Теперь мы знаем» (1997). Ряд исследований оправдывает американскую политику со времен обнародования и утверждения кеннановской доктрины сдерживания, которая должна была противопоставить что-то тому, что Артур Шлезингер в статье в «Foreign Affairs» (осень 1967) называл «сталинской паранойей и негибкостью». Норман А. Грэбнер в работе «Дипломатия холодной войны, 1945–1960» (1962) и Кристофер Лэш в статье «Холодная война: переосмысление» (Нью-Йорк Таймс Мэгэзин, 14 января 1968) предостерегали, что многие американские и российские свидетельства остаются закрытыми и поэтому окончательное суждение о происхождении холодной войны выносить еще рано.

Мы можем заменить «коммунизм» «царизмом» и увидим такое же негативное отношение со стороны Америки, как считают Дэвис и Трани в своей монографии «Искаженные зеркала: американцы и их отношения с Россией и Китаем в двадцатом веке» (2009). В 1990-х годах, после распада Советского Союза, российские архивы на короткое время стали более открытыми, и Дэвис и Трани смогли исследовать их на предмет того, какое отношение имеет президент Вильсон к происхождению холодной войны. Ни один из документов не указывал убедительно на участие Америки в инициировании холодной войны. Тем не менее, были свидетельства того, что представителю американского Красного Креста Рэю Роббинсу удалось найти приемлемый

консенсус с советской властью, но он так и не был принят Вашингтоном, и, возможно, был бы отвергнут им в любом случае. Все зависело от того, сумеет ли Роббинс стать посредником заключения соглашения, которое удержит большевиков в Первой мировой войне и предотвратит заключение сепаратного мира с Германией и ее союзниками. Самым важным было признание большевистского правительства и оказание помощи державами-союзниками. Перспективы прорыва в ходе Брест-Литовских переговоров оставались возможными, если предложенные Германией условия мира были бы слишком тяжелыми, а союзники смогли бы предложить Ленину справедливую сделку. Признание и серьезная помощь были необходимыми элементами этой сделки. В 1917 году у Вильсона было несколько альтернатив взаимодействия с большевиками. Посол Дэвид Р. Франсис поддерживал политику наблюдения и выжидания, которую проводили Вильсон и Госсекретарь Роберт Лансинг. Генерал Уильям В. Джадсон, американский военный атташе, и Роббинс предпочитали, чтобы США протянули большевикам «оливковую ветвь» мира, надеясь удержать Россию в войне или на нейтральной стороне. Вильсон ультимативно отверг идею «оливковой ветви». Это способствовало заключению Брестского мира. Он развязал руки Центральным державам и помог им сконцентрировать свои силы для окончательного удара против Франции. И германская авантюра приблизилась к своему успеху. Вильсон считал, что он все еще может игнорировать большевиков и в то же время гарантировать самоопределение и территориальную целостность России. Он ошибся. Холодная война началась. (Дэвис и Трани. Первая холодная война).

Несмотря на различия, существующие между американскими исследователями по вопросу политики холодной войны, большинство специалистов по России соглашаются, что большевики разрушили возможность более успешного развития России. Это представители так называемой англо-американской «тоталитарной» школы советологии. Начиная с 1940-х годов, данная школа придерживается мнения, что у большевиков был зачаток тоталитаризма и что из этого зародыша впоследствии вышел развитой

тоталитаризм. Можно представить, как это «превалирующее» мнение нравится современным «вновь рожденным» поборникам холодной войны. Их отличительной характеристикой является глубоко подозрительное восприятие России и даже, при случае, самого русского характера. Это стало доминирующим мотивом отношения Америки к России в 20 веке, наряду с «ортодоксальной» позицией, согласно которой холодная война началась в 1943–1945 гг. С этим отношением не смогла покончить даже метаморфоза Рональда Рейгана в сторону консенсуса, с его заявлением о том, что СССР больше не является «империей зла». Сейчас мы можем только наблюдать возрождение данных взглядов по мере того, как «фабрика холодной войны» выпускает в свет «путинизм» российской политики в отношении Украины. И, снова, ревизионистская аргументация проигрывает «ортодоксии».

(Пер. А.В. Борзова, И.К. Лапшиной).

ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ ЭЛИТ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЦЕННОСТНО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ.

Журавлев Д. А.

Институт региональных проблем, г. Москва,

Россия, dmitri1963@mail.ru

Вестернизация элит стала предметом рассмотрения экспертного сообщества последние двадцать пять лет. Во многом причиной повышения интереса к этому явлению стал крах биполярного мира. С одной стороны, возникновение одно полярного мира резко подстегнула процесс вестернизации – число желающих присоединится к победителю резко возросло. С другой стороны, при отсутствии сдерживающего влияния другого полюса, влияние западных настроений в обществе и особенно в элите на принятие политических и экономических решений резко возросло. Ярким примером этого может служить современная Европа. Определяющее влияние США на

принятие политических и экономических решений в Европе вызвано не экономическим могуществом США – Европа в экономике может на равных конкурировать с Соединенными Штатами, а искренней верой подавляющего большинства политического класса Европы, что иного пути, кроме как в фарватере США у Европы просто нет. Сегодня очевидно, что вестернизация общества в целом и элиты в частности, является одним из факторов, определяющих вектор развития современного общества. Но если это так, то необходимо понять суть этого процесса, его причины, этапы, сферы на которые этот процесс действует и результаты к которым он приведет (может привести). В нашем докладе мы попытаемся дать набросок ответов на эти вопросы.

Определение понятия. Под вестернизацией элит мы понимаем сознательное принятие элитой западных (в современных условиях американских) культурных, экономических политических и социальных стандартов и норм, перенос западных (американских) институтов и подходов и методов решения на не американскую почву, что приводит к изменению сознания людей, подвергшихся вестернизации, и принятию ими выше перечисленных норм как абсолютных ценностей и главного регулятора жизни – практически религии.

Мы вынуждены подчеркивать американские корни вестернизации потому, что процессу вестернизации был подвергнут сам Запад и в первую очередь Европа, и сегодня эталонные нормы, институты и экономический уклад самого Запада – это нормы, институты и экономический уклад США.

Причем нужно иметь в виду что экономический уклад политические институты и общественные нормы взаимосвязаны настолько тесно, что не возможно понять, что порождает нормы - экономический уклад или наоборот. В некоторых случаях так, а в других иначе. В 1940-е годы первичным было воздействие на экономику. Сегодня главное - нормы и принципы, хотя нужно учитывать, что экспортные нормы и внутренние нормы американского общества совпадают далеко не всегда. Поэтому под вестернизацией мы будем понимать именно американизацию всех сторон жизни общества

История процесса. Мода на американский стиль жизни возникала в Западной Европе периодически на протяжении второй половины XIX века. Но периоды данного увлечения были кратковременны, а увлечение Америкой не носило нормативного характера. Все изменилось после Первой мировой войны. Американская эпоха процветания породила стремление части экономической элиты к использованию американских подходов к ведению бизнеса – в первую очередь либерализации экономики, в остальном вестернизация сводилась к принятию тех или иных бытовых аспектов жизни США. Политической системы процесс не коснулся вообще, ценностная основа общества если и изменилась то в очень незначительной части и у незначительной части людей, менее всего этому ценностному воздействию была подвергнута сама элита, поэтому, за очень короткое время экспорт американского образа жизни был остановлен.

Ее новый всплеск произошел после Второй мировой войны. США через финансовую систему стало стержнем западной экономики, что естественным образом привело к превращению американских экономических принципов и подходов в эталонные. Главной сферой вестернизации стала экономика, а Бреттон-Вудская финансовая система сделала диктат США в экономике абсолютным. Вестернизация других сфер стала следствием вестернизации экономики. Страны - союзницы США стали перенимать черты жизни своего лидера. Американские политические нормы стали проникать в политические системы других западных стран, так же стали внедряться ценностные нормы, в первую очередь либерализм. Причем надо учитывать, что западный мир в это время расширился – процесс вестернизации затронул все страны, находящиеся под влиянием США: Японию, Южную Корею, Ирак, Иран, Грецию, и даже некоторые страны Африки. Правда степень вестернизации была разной: в Японии она носила во многом внешний характер, а в соседней Южной Корее произошли глубинные преобразования самой модели жизни.

Но и здесь успех был не долговечным. Причина хрупкости полного американского доминирования была именно в том, что основной сферой вестернизации была именно экономика. Элиты стран-союзников не горели

желанием передать власть и собственность – то, что делало их элитами – заокеанскому партнеру. По мере восстановления экономик собственных стран они превращались в последовательных и бескомпромиссных противников вестернизации. Элиты западноевропейских стран стали бороться за экономическую, а в некоторых случаях – за политическую самостоятельность, одновременно с этим они сознательно выдавливали американские ценности. Именно поэтому в западной Европе с начала пятидесятых годов начался антизападнический процесс, самым ярким примером которого может считаться Франция при де Голле. Генерал вывел Францию из военной организации НАТО обзавелся собственным ядерным оружием, изъял доллар из золото-валютных запасов Франции, субсидировал промышленность и начал активное сотрудничество с СССР. Не меньшее значение имел тот факт, что правительство де Голля активно поддерживало национальную культуру и в первую очередь национальный кинематограф, используя его как эффективный заслон импорту американских ценностей во Францию. Похожие процессы с меньшей интенсивностью и не столь последовательно шли и в других странах Запада (ФРГ, Великобритания). В результате в 1960-е – 1980-е годы уровень вестернизации союзников США был относительно невысок. Влияние США чувствовалось во внешней политике и массовой культуре, но и в той, и в другой сфере оно не было определяющим.

Вторая волна имела ещё один новый аспект. Вестернизация смогла проникнуть в страны, не находившиеся под прямым влиянием США – страны «социалистического лагеря» и в первую очередь СССР. Конечно, США не имели существенного влияния на экономику и политическую систему социалистических стран. Поэтому единственным реальным каналом вестернизации стали ценности: через пропагандистскую систему – в первую очередь радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа» – США вносили свои ценности за «железный занавес». Элита социалистического лагеря вела против этого борьбу. С одной стороны, проводились кампании по борьбе с низкопоклонством перед Западом (пик пришелся на 1940-е – 1950-е годы); с

другой стороны, проводились мероприятия по техническому препятствию передачи сигнала. Пик этих мероприятий пришелся на 1970-е – первую половину 1980-х годов. И вот парадокс: успехи вестернизации в социалистическом лагере были куда прочнее, чем на территории союзников США. Но если вдуматься, то большого парадокса здесь нет. Ограниченность возможностей США и необходимость сосредоточиться на ценностном аспекте предопределили большую эффективность американских усилий. С одной стороны, действия США не ставили на прямую под удар монополию советской элиты на власть и собственность, поэтому советская элита боролась с ними более формально, чем по сути. С другой стороны, пропагандистскую борьбу государству-монополисту трудно выиграть, так как оно отвыкает от борьбы, а население пытается услышать правду «из-за бугра». В результате и на Западе и на Востоке ситуации совпали: в политической и экономической сферах вестернизация не состоялась, в ценностной же сфере вестернизационные идеи охватили образованную молодежь и превратились в бомбу замедленного действия.

Вестернизации 1980-х годов выглядела как естественная смена поколений. Леволлиберальное студенчество 1960-х стало элитой, и его идеология стала идеологией общества. Но качество системы изменилось существенно. Студенты 60-х смешав коммунизм, маоизм и либерализм в своей голове, воспринимали свои взгляды как рациональную систему – то с чем возможно спорить и в чем необходимо убедиться, и кроме того студенты 60-х были последовательными противниками американского гегемонизма. Они сегодня воспринимают свои либеральные взгляды как религию, в которой не нужно никого убеждать и ни чего доказывать, а нужно принять и подчиниться. При этом эталоном реализации либеральных идей и естественным и единственным лидером мира могут быть только США. Такой дрейф от рациональной идеологии к религии не был случайным и не может быть объяснен сменой поколений. Отчасти такая абсолютизация норм может быть объяснена победой США в холодной войне – коммунизм и СССР повержены,

либерализм и США победили естественно, соответственно и страна, и ее идеология признаются передовыми и эталонными.

Но надо принять во внимание и другой момент. Мировоззренческие основы современной европейской элиты закладывались задолго до краха СССР, возникновение однополярного мира могло усилить религиозность их либерализма, но не создать её. Должны быть другие факторы, и на наш взгляд они кроются в развитии самой либеральной идеологии. Практическим же следствием превращения либерализма в религию Европы стала умственная и нравственная деградация европейской элиты и в особенности её политического сегмента. Сравнения Саркази с де Голлем, а Меркель с Аденауэром вряд ли будут в пользу современных политиков. И это, к сожалению, естественно. Для того, чтобы исполнять религиозные нормы, рациональное мышление не необходимо. Идеология, превращенная в религию, продуцирует деградацию рассудка. Что касается моральной деградации, то для современного либерализма грань между моралью и аморальностью условна. В результате политики Европы глупеют и мельчают. Именно они, их вера в миссию США и неизбежность американского лидерства, а не экономическая необходимость, намертво привязывают Европу к Америке.

В социалистическом лагере все было значительно острее. Здесь новая волна приняла форму революций. Но вот два интересных аспекта. Во-первых, революциям не предшествовал экономический кризис, наоборот кризис становился результатом революции (в СССР – перестройки). Во-вторых, революции всегда проводились сверху. Но что заставляло верхи проводить эти революции, если экономического кризиса не было, а вся полнота власти была в её руках? Если вспомнить историю конца СССР, то мы увидим, что руководство страны проводило реформы, которые вносили в жизнь СССР все больше западных элементов: хозрасчет, рынок, частную собственность на средства производства в экономике; переход к западным политическим институтам в политике; западные стандарты в культуре. Это не случайно: среди молодого поколения советской элиты презрение к своему и восхваление

западного к середине 1980-х годов стало нормой. И для того, чтобы началась перестройка, достаточно было, чтобы представители этого поколения получили высшую власть. Лишь в том случае, когда вестернизации подвергается сама элита, удастся вестернизировать само общество.

Почему возможна опережающая остальное общество вестернизация элиты? Можно назвать несколько причин. Первая – экономические успехи США, высокий уровень потребления и лидирующая роль в мировой экономике. Сторонники вестернизации придерживаются той позиции, что очевидные успехи США убедили элиты Запада и Востока в том, что американский путь есть наиболее эффективный путь развития общества.

Причина вторая – пропаганда. Более умеренные поклонники вестернизации говорят о том, что элиты других стран пытаются воспроизвести не реальные США, а идеальный образ, поэтому все большее расхождение идеального образа и реальности не мешает вестернизации.

Причина третья – глобализация как не очевидная форма могущества США. Глобализация из процесса создания мировой экономики превращается в процесс распространения американской экономики на весь мир. В результате все остальные страны вынуждены занять оставшиеся места в уже существующей экономической системе, вписаться в нее, а значит занять подчиненное положение, не зависимо от своего экономического потенциала. Более того, вписавшись в систему, эти страны вынуждены поддерживать её даже в ущерб собственным интересам, так как кризис системы принесет ещё больший ущерб. Правила экономической игры - это правила лидеров, и по ним они всегда выигрывают. Самый точный аналог этой мировой экономики – казино, в котором Запад – хозяин, а все остальные страны – игроки. Независимо от умения играть и от своего экономического потенциала игроки, в конечном счете, всегда проигрывают казино, но при этом они не заинтересованы в его закрытии, так как им тогда негде будет играть. Нынешняя глобальная экономика становится основой для формирования миропорядка, адекватно отражающего национальные интересы США, и для американских претензий на

мировое лидерство. Таким образом, вестернизация продуцируется самой экономикой.

Причина четвертая – либерализм и его эволюция. Данная причина нам представляется основной: система ценностей, которая, транслируясь вовне, продуцирует глубинную вестернизацию. Ценности – самый эффективный способ контролировать людей и принуждать их действовать в своих интересах. США продемонстрировали преимущество либерального общества и стали реальным эталоном либерализма. Для того, чтобы механизм сработал, должен был измениться мир и измениться сам либерализм. Но изменение господствующей идеологии обычно происходит через её отрицание. Опыт США показал, что свобода не делает человека субъективно счастливым, социальные проблемы не исчезают, а лишь меняют форму. В политике либерализм не смог предотвратить мировую войну, в экономике, которая считается вотчиной либерализма, последовательное применение либеральных подходов привело к экономическому кризису 20-х – 30-х годов XX-го века. Классический либерализм был отброшен. Мир вернулся уже к другому либерализму, где экономическая свобода от государства заменяется абсолютной свободой от общества, от других людей: традиции, мораль, даже закон не могут меня ограничивать. Меняются и методологические основы: рациональность, логика – это тоже ограничитель, долой и их. Но если нет логики, у вас появляется религия. Абсолютная истина не нуждается в доказательствах, она нуждается в поклонении.

Таким образом, можно утверждать, что неолиберализм – это религия XXI-го века, которая оказалась прекрасным инструментом вестернизации. Неолиберализм транслирует американские ценности, требует отказаться от таких пережитков, как национальные интересы, национальное своеобразие и так далее, то есть, от всех механизмов, защищающих от ценностной и культурной экспансии. Современная политическая элита западных стран находится не столько в политической или экономической зависимости от США,

сколько в психологической. О таком уровне влияния США ещё четверть века назад могли только мечтать.

Инфантильная по сути и иррациональная по методу неолиберальная элита обречена на интеллектуальную и нравственную деградацию. И эта деградация обостряет неадекватность реакции на вызовы. Но в этой неадекватности таится надежда. Неадекватная политическая элита провоцирует собственную смену, приход к власти здоровых элементов, которыми могут быть только консерваторы, не по названию, а по сути, их главное отличие – непринятие неолиберализма. Собственно, нечто подобное произошло в нашей политической элите в начале 2000-х годов. Оперу эта политическая элита может иметь в экономической сфере, в первую очередь в реальном секторе. Так что возможность для преодоления неолиберализма есть, хотя трудности, встающие на этом пути, огромные.

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЯХ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОГО ЭЛЕКТОРАТА 1980-Х-1990-Х ГОДОВ

Ионова Е.Н.

*Владимирский Государственный Университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
(Педагогический институт), город Владимир, Россия, e-mail:Kricity_en@mail.ru*

Электоральный состав Соединенных штатов традиционно состоял из белых избирателей, афроамериканцев и латиноамериканцев, тех групп, которые могли влиять на исход выборов. Общей тенденцией в 1980-х-1990-х годах было возрастание численности и роли латиноамериканских избирателей при сокращении активности белого населения. В рассматриваемый период Латиноэлекторат являлся вторым после афроамериканцев крупнейшим этническим меньшинством в США. В 1980 году доля его от всех зарегистрированных избирателей страны составила 2,84%, а от общей явки на президентских выборах 2,64% [1]. С каждой последующей избирательной гонкой

испаноязычные граждане прибавляли по 0,5% - 1,0% на итоговом голосовании. Отмечено, что на выборах президента США данный электорат был чуть более активен, чем на выборах в Конгресс. Доля прироста их в 1980-х-1990-х годах от общего числа зарегистрированных избирателей с каждыми новыми президентскими выборами колебалась от +0,2% до +1,09%, в Конгресс +0,8%. Почти с нулевым приростом прошли президентские выборы 1992 года и в Конгресс в 1990 году. Напротив максимумы по обеим позициям были зафиксированы в 1996 году и 1998 году соответственно [1]. Динамика роста Латинос-электората на каждых последующих выборах по сравнению с предыдущими представлена в таблице 1.

Таблица 1. Прирост латиноамериканского электората на президентских выборах и в Конгресс 1980-2002

Периоды (в годах)	Президентские выборы	Годы	Выборы в Конгресс
1980-1984	0,43%	1982-1986	0,88%
1984-1988	0,59%	1986-1990	0,12%
1988-1992	0,2%	1990-1994	0,68%
1992-1996	1,09%	1994-1998	0,96%
1996-2000	0,67%	1998-2002	0,84%

Рассчитано по: Latino Voter Statistics 1972-2012. William C. Velasquez Institute. http://wcvi.org/latino_voter_research/latino_voter_statistics.html

В среде Латинос-электората сохранялся огромный потенциал, выразившийся в разнице между зарегистрированными избирателями и незарегистрированными гражданами. С 1980 по 1984 годы он составил 2,5 миллиона человек, в 1986 году – 3 миллиона человек, в 1994 году – 4,8 миллиона человек и в 2000 году 5,6 миллиона человек, являясь третьей после белых и афроамериканцев силой роста [1]. Однако уже в 2008 году латиноамериканцы вырвались вперед с перевесом в 375,000 человек, имея 7,929,000 потенциальных избирателей. На 2012 год они продолжали удерживать второе место.

Иная картина наблюдалась в Техасе и Калифорнии. Здесь на фоне увеличения количества латиноамериканских избирателей, не происходило снижение активности белого населения. Оно если и не росло так быстро как первые, то сохраняло стабильные показатели. При учете более высокой плотности населения в Калифорнии и большей численности всех избирателей, доли испаноязычного электората в обоих штатах вполне сопоставимы. На фоне почти одинаковых показателей зарегистрированных Латинос, увеличившихся за 20 лет почти в три раза с 695,000-700,000 человек в 1980 году до 1,919,000-1,905,000 человек в 2000 году, примерно в 1,5-2 раза испаноязычные граждане Техаса превзошли своих соплеменников в Калифорнии по влиянию на результаты президентских выборов [2]. В обоих штатах в 1980-х-1990-х годах отмечалось увеличение зарегистрированных на выборах латиноамериканцев, особенно интенсивно после 1992 года.

Расхождение демократов и республиканцев по ключевым вопросам положения латиноамериканцев США (знание английского языка, пограничный контроль на мексикано-американской границе, двуязычное образование) определили интерес этой категории электората к Демократической партии. Исторически Калифорния и Флорида не поддерживали демократов. После продвижения анти-иммиграционного законодательства и ужесточения иммиграционного контроля в Калифорнии в 1992 году, инициированного республиканским губернатором штата Питом Уилсоном, реакция возросшего Латинос электората выразилась в их быстрой мобилизации на выборах и целенаправленной поддержке Демократической партии. Таким образом, переход Калифорнии от республиканцев в стан демократов после 1992 года произошел под влиянием латиноамериканского избирателя и его борьбы с анти-иммиграционными предложениями. Подобная ситуация произошла во Флориде, в которой помимо блокирования анти-иммиграционных настроений примешивался фактор разнополярности внутри самих латиноамериканцев и усиления одного из электоральных блоков. Техас продолжал поддерживать Республиканскую партию. Несмотря на высокий процент проживавших там

латиноамериканского электората, явка их была не достаточной для изменения хода голосования. При этом Латинос-избиратели Техаса обладали почти миллионным потенциалом голосов. Именно иммиграционный вопрос может в будущем изменить там электоральный расклад и стать ключевым для латиноамериканцев штата, чтобы пойти на выборы. В 2012 году 61% латиноамериканцев Техаса не голосовали на выборах. Во многом это объясняется тем самым условным делением штатов на республиканские и демократические. Однако если бы не проголосовавшие латиноамериканцы Техаса пришли на выборы, то стали бы такой же влиятельной силой как во Флориде, явка которых традиционно высока, не ниже 70%. Результаты президентских выборов 2012 года показали важность голоса каждого избирателя и в этой связи особое внимание обеих партий стал привлекать сегмент испаноязычного электората. Складывающаяся новая демократическая коалиция представляет угрозу для будущего Старой Великой Партии, в которой ее основа белое население начинает сокращаться [3]. Хотя большинство латиноамериканцев предпочитают демократов, около трети их может проголосовать за республиканцев при определенных условиях. Сконцентрировавшись в таких штатах как Калифорния, Техас, Нью-Йорк, Флорида и Иллинойс латиноамериканский электорат требует от политиков особого к себе подхода и изучения интересов составляющих его групп на фоне общего падения электората с 1990 годов. История показала, что многие кандидаты просто игнорировали латиноамериканский сегмент [4]. Республиканцы уже не могут рассчитывать на безоговорочную поддержку всего латиноамериканского электората Флориды. Им приходится находить подход к избирателям Майями, Орландо, Тампа и принимать во внимание точки зрения кубинцев, пуэрториканцев, колумбийцев, никарагуанцев, доминиканцев и других латиноамериканцев. С изменением демографического состава страны партии должны адаптироваться к новым реалиям. Выборы 2008 и 2012 годов показали, что победы Демократической партии не являются исключением в электоральных настроениях латиноамериканцев, а скорее

показывают новое правило. Именно демографический состав страны как решающий фактор определяет вектор электоральных настроений. Сегодня республиканцы стоят на перепутье и выбор, и сделанный ими выбор повлияет на исход последующих выборов. Дальнейшая настойчивость и консерватизм в своей иммиграционной политике могут привести их политическому самоубийству.

Увеличение роли латиноамериканского электората в 1980-х-1990-х годах позволило им участвовать в политической жизни США и избирать своих кандидатов в государственные органы штата и федерального центра, а также усиливать свое присутствие в рядах общественно-политических организаций по всей стране.

Примечания.

1. Latino Voter Statistics 1972-2012. William C. Velasquez Institute. [Электронный ресурс] – URL: http://wcvl.org/latino_voter_research/latino_voter_statistics.html (дата обращения: 3.02.2015).
2. Texas Latino Voter Statistics 1980-2012. William C. Velasquez Institute. [Электронный ресурс] – URL: http://wcvl.org/latino_voter_research/latino_voter_statistics/tx_lv.html; (дата обращения: 3.02.2015).
3. Juan Williams: Obama's Daunting Demographic Message for the GOP Nationwide during the past four years, four million Latino has been added to the polls. By Juan Williams // The Wall Street Journal Nov.7, 2012.
4. Schmal John. A History of Presidential Election and the Latino Vote. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.hispanicvista.com/> (дата обращения: 17.10.2014).

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ ЛОККА В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА.

Кеткова И.В.

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород,
Россия, iketkova@mail.ru*

Английский политический опыт привлекал внимание и русских государственных деятелей, и мыслителей, начиная с первых дипломатических контактов, но особенно в переломные для России и Англии периоды. Наследие английского либерализма, сначала в терминах вигизма, было не только предметом изучения. Оно органично вошло в разработку политической модели применительно к российским условиям XIX века, а у представителей правовой школы начала XX века оказалась включенной в более широкие сферы общественного сознания.

Локк ввел в оборот политического мышления категории и постулаты, которые затем обрели собственную историческую судьбу. Феномен индивидуализма прочно занимает место в основе онтологического базиса любой либеральной теории [1: 12]. Индивид воспринимается Локком как фундаментальная величина определяющего значения. Проблема соразмерности индивида и общества решается Локком через анализ разных аспектов философского и политического содержания такого явления как свобода личности. Свобода настолько естественно связана с ней, что она "не может расстаться со свободой, не поплатившись за это своей безопасностью", утверждает он [3: 275]. Универсальность категории свободы в понимании Локка не исключает, а, напротив, предполагает необходимость ее границы. Исторические представления Локка о переходе человека к общественному состоянию через частичный отказ от своих естественных прав служат ему для подтверждения неизбежности ограничения свободы в обществе. Свобода как категория имеет правовой и этический аспект, обусловленный отнюдь не только собственным выбором. Для Локка личный выбор, несомненно, составляет сущностную характеристику понятия свободы, однако он никогда не

трактовал ее как беспричинное волеизъявление. Исходное понятие индивидуума у Локка формировало и его отношение к важнейшим социальным явлениям. Так, происхождение собственности и ее значение философ рассматривал преимущественно как атрибут действий и труда отдельной личности, проявление ее природных способностей [3: 279], притом, ее автономность предполагает наличие социальных сцеплений. Отсюда его толкование неизбежности социального неравенства, predetermined природой человека. Вот почему процесс выбора, свободного волеизъявления Локк трактует, прибегая к определенному коду общественной системы в виде "согласия", которое из инструмента процедуры превращается в его трактате в понятийное обобщение.

Итак, свобода во-первых, по мысли Локка, сопутствует жизнедеятельности, способности человека решать практические проблемы. Во-вторых, она интерпретируется как свобода воли, т.е. выбора, делающая возможным для него изменить положение вещей, предпочитая один вариант действия другому. Именно свобода стимулирует волю, появление которой возможно только там, где индивид полностью освобожден от препятствий, сдерживающих его потребности. Локк предполагает возможность таких условий, которые необходимо будут ограничивать свободу.

Для Локка функцию универсальной границы призван исполнять закон. Свобода индивида в условиях общественной системы обязывает его жить в соответствии с постоянным законом, общим для каждого в этом обществе, законом природы и законом, установленным властью. Равенство перед законом придает смысл понятию справедливости. Не менее важна регулирующая роль договора между индивидом и государством. Итак, очевидны два момента, характеризующие состояние свободы: следовать собственному желанию во всех случаях, когда это не запрещено законом, и – не быть зависимым от неопределенной, неизвестной, самовластной воли другого человека [3: 275]. Продуктивная сила закона исторически связана с появлением организованного общества, полагает Локк, и понимание им общих правил выводит их далеко за

рамки сугубо политического содержания. По мнению философа это – кодифицированные общечеловеческие ценности, выработанные на протяжении всей жизни человеческого общества, начиная с естественного состояния. Относительно политических инструментов, гарантирующих от узурпации власти, то, по мысли Локка, им должен стать принцип разделения властей и создание механизмов, сдерживающих деспотию.

Не менее важная роль регулятора в правовом государстве принадлежит такому инструменту как договор между индивидом и обществом. Посредством договора индивид уступает часть своих естественных прав, но приобретает права гражданские. При этом принцип "согласия" процессуально материализует отношения между личностью и государством, обеспечивая самостоятельность автономной личности в ее связи с обществом и государством. Таким образом, можно выделить узловые политико-правовые постулаты: 1. Соразмерность категорий индивид и общество. 2. Содержательное пространство первой категории включает проблему свободы и ее проекцию в понятие свободной воли, свободного выбора, усвоение моральных ценностей, условия ограничения свободы, "согласия" как функции свободы. 3. Содержание понятия общества как системы социальных связей предполагает истолкование феномена закона с точки зрения ограничения свободы, Наконец, соотношение общества и государства, овеществленное в договоре.

Специфика русской либеральной концепции хорошо просматривается в ходе полемики известного правоведа и мыслителя Б.Н.Чичерина с философом славянофильской традиции Вл. Соловьевым. Суть сводилась к противопоставлению значения этико-нравственных начала, с одной стороны, и правовых норм, с другой в понимании основ государственного устройства [6: 75]. Оба автора исходили из примата личности, как исходной точки, но Соловьев придавал нравственному закону силу первоначала в общественном устройении, а Чичерин находил ее в соблюдении норм права. Соловьев полагал, что идея добра, усвоенная как нравственный постулат, обеспечит и

возможность свободного волеизъявления и правильное восприятие норм права. Чичерин отводил свободе роль демиурга всех общественных проекций личности, в т.ч. и условия нравственного выбора. Чичерин неоднократно обращается к Локку за поддержкой. Но у Локка нет категорической оппозиции включению нравственных ценностей в фундамент политической теории. Свобода волеизъявления предопределена и усвоением идеи добра, и рациональностью выбора, и пониманием ограничений свободы. Как "сыну двух революций" Локку оказался доступным такой диапазон политического мышления, который позволил не избегать проблемы сопротивления власти в случае нарушения ею договора, что позволило Новгородцеву отметить у Локка влияние левеллеровских воззрений. [5: 84]. Чичерин истолковал данную позицию Локка как недопустимый анархизм "панагериста революции" [7: 354]. Не оценил Чичерин у Локка и продуктивное содержание категории "согласие".

Поражение революции 1905 года, сознание ответственности как ее духовного руководителя заставило либеральную интеллигенцию аналитически осмыслить багаж политических знаний и "вернуться к формуле не учреждения, а люди" [4: 3]. Поиск выхода из духовного кризиса отразили страницы сборника "Вехи". По сути это было продолжением полемики между Соловьевым и Чичериным, но теперь маятник качнулся в другую сторону. Разочарование коснулось веры в потенциальную силу чисто правовых инструментов, признавалось теоретическое и практическое первенство духовной жизни. Авторы указывали на неудовлетворенную потребность в целостном общественно-философском мирозерцании. Любовь к уравнительной справедливости, свойственной русской интеллигенции, парализовала любовь к истине, - писал С. Булгаков. При отсутствии сильного философского течения заимствование западных норм носило внешний характер [2: 28]. С. Булгаков, как и В. Соловьев выстраивает вертикаль общественной жизни, где тысячелетний человеческий опыт творит норму, которая эмпирически воспринимается отдельной свободной личностью как автономная сила. При всем различии в оттенках понимания соотношения свободной

личности и государства авторы сходятся в оценке низкого уровня правосознания российской интеллигенции. Прямо или косвенно авторы соотносят свои представления с постулатами Локка. Кистяковский трактует закон и конституцию как компромисс, необходимо учитывающий требования различных партий, социальных групп и классов. Низкий уровень правосознания в России он объясняет ошибочным восприятием права как отвлеченное правило, а не как правовое убеждение, требующее мобилизации духовных сил. В преодолении разрыва этики и права он видел историческую миссию русской интеллигенции.

Соотнося западный опыт с российским, авторы отмечали, что само понятие европейского индивидуализма развивалось постепенно, проходя через гуманизм, реформацию к просветительству, когда усваивались новые формы, не отбрасывая, но переживая, преодолевая прежние.

Примечания.

1. Arbaster A. The Rise and Decline of Western Liberalism. Oxford, 1984. P. 12.
2. Вехи. Сб. статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 28.
3. Локк Дж. Два трактата о правлении. Соч. в 3-х т. М., 1961. Т. 3.
4. Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 3.
5. Новгородцев П.И. Учение нового времени. XVI-XVIII в. М., 1901. С. 84.
6. Чичерин Б.Н. О книгах Владимира Соловьева «Оправдание добра, нравственность и философия», «Право и нравственность. Очерки из прикладной этики» // Философские науки. 1989. № 9. С. 75.
7. Чичерин Б.Н. Собственность и государство. М., 1883. Ч. 2. С. 354.

ЭТИЧЕСКИЕ И ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ РАННИХ БРИТАНСКИХ КОНСЕРВАТОРОВ (ДЭВИД ЮМ И ЭДМУНД БЁРК.)

Ковалёв М.А.

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,

г. Владимир, Россия, mkovalyov.89@mail.ru

Говоря о формировании социально-политических взглядов, ставших в дальнейшем основой классического консерватизма, нельзя не затронуть этико-эстетическую проблематику. Любая идеология является теоретическим осмыслением интересов, чаяний и предрассудков определённого класса [3: 46]. Однако эта ментальная подоплёка имеет и более непосредственное – общественно-нормативное – выражение. Формируя в значительной степени образ жизни, стиль поведения, этикет, нравственная и тесно связанная с ней эстетическая стороны принимают, таким образом, большое участие в складывании классового самосознания в целом и политической идеологии в частности. Поэтому весьма характерно, что в 40-50-м гг. XVIII века, параллельно с оформлением новой классовой структуры и новой политической реальности [19: 1], возникает и необходимость теоретического осмысления этики и эстетики. Партия тори, находившаяся в этот период в оппозиции, в дальнейшем сможет прийти к власти благодаря теоретической платформе, способной консолидировать правящий класс на новой основе [7: 62]. Торийские интеллектуалы середины века посвятили себя не только критике правящего режима и выработке политических идей, но и формулированию норм поведения и идеалов, отвечавших запросам времени.

Указанный период был в значительной степени переломным для британского Просвещения: творцы «августинского века» уже сошли с исторической сцены, а новые таланты, чья деятельность выпадет в основном на вторую половину XVIII в., ещё только набирали силу. Фундаментальное исследование на тему эстетики принадлежит молодому Э. Бёрку - «Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного», изданное в 1756 г. [2] В связи с ним следует также рассмотреть

некоторые его эссе, написанные в промежутке между 1750 и 1756 гг.: «Идеал женщины», «Истинный джентльмен», «Здравомыслящий человек», «Хороший человек» [1]. Другим теоретиком эстетики является Д. Юм, которому принадлежит целая серия эссе, вышедших в 1741-1742 гг.: «О возникновении и развитии искусств и наук», «О красноречии», «О норме вкуса», «О простоте и изощрённости [литературного] стиля», «О совершенствовании в искусствах», «О трагедии», «Об утончённости вкуса и аффекта» [11, 12, 13, 14, 15, 16, 17]. Многочисленные рассуждения на данную тематику имеются также в его «Исследовании о принципах морали» 1751 г. [10]. В отечественной литературе данные вопросы специально рассматривались во вводных статьях и приложениях к изданию источников: «Эстетика Давида Юма и Адама Смита» И. С. Нарского [8], «Эдмунд Бёрк как эстетик» и ««Записная книжка» Э. Бёрка» Б. Мееровского [4, 5], в диссертациях: «Эстетические взгляды Эдмунда Бёрка» Т. Л. Ницинской и «Истоки предромантических идей в английской литературной критике XVIII века» И. А. Тютюнник [9, 10].

Юм не создал специального сочинения, посвящённого этике или эстетике; весьма многочисленные сведения по данным вопросам содержатся в различных его работах. Э. Бёрк отмечал, что прежде, чем приступить к этому вопросу, следует создать теорию аффектов [1: 41] – Юм, начавший творить десятилетием раньше, строил свои концепции на базе исследования человеческих аффектов. Поэтому следует иметь в виду, что целостной эстетической теории у шотландского философа нет, хотя имеются многочисленные рассуждения на данную тему. Бёрк же выступает в данном случае его продолжателем [5: 17-18].

В первую очередь Юм строго разграничивает и даже противопоставляет аффект и вкус. Точнее, вкус и аффект для него имеют одно содержание, однако первый – усмирённая и облагороженная форма второго [17: 485-486]. Вопрос собственно о норме вкуса ставится автором прямо, но на него даётся двоякий ответ. С одной стороны, прекрасное гнездится не в вещах, а в самом человеке, в характере восприятия, т.е. является субъективным. С другой – существуют

сугубо объективные критерии, такие как здравый смысл и целесообразность [13: 634]. Здесь сразу же напрашивается вывод, что вкус – понятие сложное, специфика которого состоит в гармоничном сочетании разнородных элементов. Сам философ заявляет в качестве эстетического идеала – что для него характерно как для мыслителя в целом – «золотую середину» и простоту [14: 348, 350]. Более того, подчёркивает, что речь идёт не в данном случае не об обыденном, но о естественном, т.е. согласном с глубокими принципами природы [13: 346]. С этими соображениями, очевидно, связано и его высокое мнение о народном творчестве [8: 286]. Категория простоты подразумевает также скромность, чистоплотность, благопристойность, манеры [10: 261, 264, 265].

Понимание красоты как диалектического единства чувственного и рационального подтверждается рядом смежных соображений. В первую очередь следует отметить отношение Юма к красноречию: по его мнению, в Англии оно деградировало из-за засилья здравого смысла. Вместе с тем, иррациональный компонент также не должен доминировать, но следует умеренно сочетать методичность изложения мысли с импровизацией [12: 365-369, 372]. Далее, автор приписывает республиканской форме правления рациональность, а монархической – иррациональность. Дело в том, что при республике граждане решают все вопросы сообща, для чего необходимо ясное изложение и аргументация. При деспотии же, напротив, большое влияние приобретают люди, которые могут своими искусствами принести удовольствие монарху и его двору. Как монархия и республика уравниваются в смешанном правлении, аналогичным образом чувства и разум гармонично сочетаются в процессе познания [11: 548-551]. Наконец, затрагивая проблему роскоши, автор не находит в ней ничего предосудительного. Стремление к обогащению естественно для человека [15: 383, 391]. Юм утверждает, что «татары чаще грешат животным обжорством, устраивая пиры из дохлой конины, чем европейцы с их изысканной кулинарией» [15: 386]. Аффект в данном случае у европейцев и азиатов один, но в чём же различие между

утончённым вкусом одних и варварским – других? Очевидно, в разумном оформлении этого аффекта.

Завершая рассмотрение взглядов Дэвида Юма, следует остановиться на вопросе о цели красоты. И. С. Нарский отмечает непоследовательность авторской позиции, который, с одной стороны, разграничил разумный и чувственный элементы, тем самым вообще «упразднил» феномен вкуса, с другой стороны – отождествил прекрасное с полезным, сделав первое лишь эмоциональным переживанием последнего [8: 280, 284]. Безусловно, у Юма имеет место прямолинейность: красота существует для пользы. Искусство передаёт аффект, содержащийся в нём, зрителю. Например, созерцание приятных пасторальных сцен наполняет смотрящего соответствующими впечатлениями и доставляет ему удовольствие [10: 224]. Вместе с тем, среди признанных образцов прекрасного немало трагических и даже устрашающих мотивов и сцен. Сам автор затрудняется в разрешении такого противоречия, хотя и оговаривается что переживание любых сильных чувств приятно [16: 353]. Решение данной проблемы предложит уже Э. Бёрк, однако и на данном уровне анализа проблемы видно, что эстетика в понимании Юма строится на диалектике индивидуально-чувственного и универсально-рационального. Применительно к реалиям человеческой жизни такой подход предполагает умеренность, утончённость, но не развращённость, богатство без кричащей роскоши. Социальное значение подобных взглядов можно признать аристократическим, индивидуально-потребительским, однако обращаясь к корпоративной солидарности.

Позиция Э. Бёрка выражена в форме философского трактата, где мысль развивается последовательно по строгому плану, а также присутствует понятийный аппарат. Поэтому его идеи можно изложить довольно сжато. Важно, что автор даёт определение вкуса, который, по его мнению, представляет собой способность судить о достоинствах произведений искусства [2: 48]. Т.е. здесь методологически разграничиваются субъект и объект эстетических отношений. Они формируют сложный комплекс

взаимоотношений, который служит цели доставления человеку удовольствия. Уже здесь видно различие рациональной и чувственной составляющие, но автор прямо оговаривает: вкус складывается из разума и чувств [2: 59].

Мыслитель подчёркивает, что пропорциональность или целесообразность сами по себе не создают красоту, потому что не возбуждает аффектов [2: 129, 132]. Эстетическое же понимается им двояко, что и было отражено в названии трактата: во-первых, всё, что связано со слабостью, тонкостью, неуловимостью («прекрасное»); во-вторых, всё, связанное с силой и мощью («возвышенное») [2: 84, 150]. То и другое имеют ярко выраженный аффективный характер. Таким образом, у Эдмунда Бёрка мы встречаем уже вполне зрелую эстетическую теорию, которая подразумевает следующие принципы: солидное значение чувственной составляющей, что выразилось в её дифференциации, подчинённое значение разума по отношению к ней. Данные положения коррелируют с зарождавшимся предромантизмом [6: 202-203].

Картина была бы неполной без рассмотрения тех практических наблюдений, которые отразились в «Записной книжке» Бёрка. В свете вышеизложенных взглядов интересно его эссе «Идеал женщины», посвящённый, вероятно, его жене. Прежде всего, он отмечает, что универсальных критериев быть не может, а женщина создана не для восхищения многих, а для счастья одного. Он предписывает ей такие качества как скромность, благожелательность, нежность, восприимчивость, а также проницательность, но не ум. В целом советует придерживаться «золотой середины». Другое важное эссе отражает представления автора о хорошем человеке: тот, по его мнению, должен руководствоваться чувством, а не логикой, обладать воображением и широтой души, быть непосредственным, мягким, религиозным. В других сочинениях Бёрк малопривлекательно отзываясь о «здравомыслящем человеке» - судя по всему типичном дельце. А также с мягкой иронией описывает джентльмена: повесы, но не распутника, остряка, но не эрудита, чьи качества проявляются не в деловитости, а в непринуждённости [1]. Очевидно, Бёрк делает своим идеалом человека средних качеств, всецело

руководствующегося своими внутренними (аффективными) побуждением, однако весьма внимательного к общественным условностям и чувствам ближнего.

Таким образом, исследования Дэвида Юма и Эдмунда Бёрка в области этики и эстетики представляют собой в целом единую, законченную и обоснованную теорию. Она базировалась на диалектике чувственного и рационального, индивидуального и социального, субъекта и объекта искусства. Прекрасное понимается как объект потребления, а потому определяется стихийными пристрастиями индивида, которые призвано удовлетворить. Вместе с тем оно зависит от высоких аристократических стандартов, задаваемых рациональными принципами [8: 275]. Отражая аналогичные процессы в социальной и политической сферах, культура британского «высшего общества» к середине XVIII в. вобрала в себя и творчески переработала значительную долю буржуазного индивидуализма. Однако осталась по-прежнему аристократической. Можно сказать, что нравственные и эстетические взгляды консерваторов внесли значительный вклад в формирование общественных идеалов, тем самым способствовав консолидации господствующего класса на новой основе.

Примечания.

1. Бёрк Э. «Залог успеха – не наличие, а отсутствие таланта...». Ранние эссе. – URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2008/1/be12.html>. (Дата обращения: 28.08.2014).
2. Бёрк Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного. М., 1979.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. М., 1955. С. 7-544.
4. Мееровский Б. В. «Записная книжка» Э. Бёрка // Бёрк Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного. М., 1979. С. 199-200.

5. Мееровский Б. В. Эдмунд Бёрк как эстетик // Бёрк Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного. М., 1979. С. 14-38.
6. Мейнеке Ф. Возникновение историзма. М., 2004.
7. Нарский И. С. Философия Давида Юма. М., 1967.
8. Нарский И. С. Эстетика Давида Юма и Адама Смита // Френсис Хатченсон. Давид Юм. Адам Смит. Эстетика. – М., 1973. С. 270-299.
9. Ницинская Т. Л. Эстетические взгляды Эдмунда Бёрка. Дисс. канд. филос. наук. М., 1981.
10. Тютюнник И. А. Истоки предромантических идей в английской литературной критике XVIII века. Дисс. канд. филол. наук. Киров, 2005.
11. Юм Д. Исследование о принципах морали // Юм Д. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. – М., 1996. С. 177-317.
12. Юм Д. О возникновении и развитии искусств и наук // Юм Д. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. – М., 1996. С. 537-560.
13. Юм Д. О красноречии // Френсис Хатченсон. Давид Юм. Адам Смит. Эстетика. – М., 1973. С. 361-373.
14. Юм Д. О норме вкуса // Юм Д. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. – М., 1996. С. 622-642.
15. Юм Д. О простоте и изощрённости [литературного] стиля // Френсис Хатченсон. Давид Юм. Адам Смит. Эстетика. – М., 1973. С. 346-351.
16. Юм Д. О совершенствовании в искусствах // Френсис Хатченсон. Давид Юм. Адам Смит. Эстетика. – М., 1973. С. 373-377.
17. Юм Д. О трагедии // Френсис Хатченсон. Давид Юм. Адам Смит. Эстетика. – М., 1973. С. 352-361.
18. Юм Д. Об утончённости вкуса и аффекта // Юм Д. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. – М., 1996. С. 484-487.
19. Williams B. The Whig Supremacy. 1714-1760. – Oxford, 1952.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В КОНЦЕПЦИИ ДЖОНА ДЬЮИ.

Кумсков В.В.

*Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
г. Ярославль, Россия, kumskov15@mail.ru*

В современном российском обществе увеличивается количество социальных конфликтов, обусловленных социальным, этническим и религиозным неравенством. Черeda столкновений, в основе которых лежат межнациональные отношения, прокатилась по стране в течении нескольких последних лет. Такие понятия как толерантность и гражданственность практически не находят отражения в современном нам обществе. В связи с этим встает закономерный вопрос о том, каким образом можно прийти к осознанию в обществе необходимости взаимоуважения и понимания.

В первую очередь решение этих проблем видится через воспитательную работу в школе. Чтобы понять возможности системы образования в борьбе против расового и социального неравенства, можно обратиться к идеям американского философа и педагога Джона Дьюи, идеи которого, по мнению Лауры Таннер, опередили свое время, и в полной мере стали реализовываться в США лишь в 1990-х годах [1: 67]. Важным элементом его концепции является жесткая критика американской системы образования за ее оторванность от социальных реалий времени.

Еще на рубеже XIX-XX веков он поставил вопрос о необходимости преодоления классовых и расовых предрассудков, господствовавших в американском обществе. Он писал: «Полностью ли мы свободны от расовой нетерпимости и можем ли мы гордиться тем, что достигли абсолютной демократии? Наше отношение к неграм, антисемитизм, растущая враждебность к иммигрантам, и есть ответ на это вопрос» [3: 86]. Вину Дьюи возлагал на систему образования, которая, на его взгляд, культивировала лишь пассивную терпимость к людям «иногo» происхождения. Опираясь на философию прагматизма, Дьюи справедливо считал, что становление у молодого поколения

системы взглядов невозможно обеспечить путем непосредственной передачи убеждений и знаний, достичь этого можно только лишь при посредничестве социальной среды. По его мнению, проявление в обществе социальных конфликтов в первую очередь обусловлено социальной изоляцией: отсутствием контактов или отношений между представителями различных социальных групп [5: 26]. При этом не столь важны гарантии гражданских свобод, свободы вероисповедания, слова и собраний, как свобода коммуникации в повседневной жизни. Главным барьером в этом выступает страх, ненависть, подозрительность. Такие барьеры разрушают условия демократического образа жизни эффективнее, чем открытое насилие в отношении населения.

В связи с этим борьбу против расовых и классовых предрассудков он напрямую связывал с демократизацией системы образования. В своих педагогических трудах он выступал с жесткой критикой традиционного школьного обучения, считая его существенным препятствием в развитии демократии. Критикуя традиционные методы школьного обучения, он считал их несостоятельными, в первую очередь, за их отрыв от реальности. По мнению Дьюи, в школе должна быть полностью воссоздана реальная жизнь, школьная жизнь детей должна восприниматься не как подготовка к взрослой жизни, а как жизнь сама по себе: «Я считаю, что истинное образование происходит, когда способности ребенка пробуждаются под действием требований социальных ситуаций, в которые он попадает»[2: 3]. Цель образования, которое при таком подходе является отражением социальных проблем общества, состоит в установлении «школьной демократии». Поэтому он считал чрезвычайно важным разрушить классовый и расовые барьеры в школе, тем самым открывая возможность ученикам расширять свои горизонты и обогащать себя знаниями за счет большего контакта с представителями других культур [1: 68]. Школа по Дьюи должна стать тем местом, где социальные конфликты переносятся в атмосферу дискуссии и разумного обдумывания. Дети не склонны к выстраиванию барьеров между собой; их объединяют совместная игра, увлечение, работа, и задача образования сводится к тому, что бы не допустить

возведения этих барьеров взрослыми. Средством решения этой задачи является активизации учебного процесса. В этом контексте американский педагог призывал отказаться от традиционной классно-урочной системы обучения и заменить ее выполнением различных комплексных исследовательских проектов, имеющих практическую значимость. Необходимым условием такой деятельности является мотивация учащихся на осознание и принятие ценностей совместной жизни представителей различных этнических и классовых групп, с пониманием общего блага, не просто как совокупности частных интересов, а как некой общей цели, соответствующей потребностям общества в целом [6: 28].

В качестве успешного примера подобного подхода к организации образовательной деятельности Дьюи указывал на опыт Советского Союза. После своего визита в СССР в 1928 году, где он посетил ряд школ и образовательных учреждений, в своей статье «Впечатления о Советской России» он писал: «Свобода от расовых и национальных предрассудков, характерная для режима, является одним из важнейших активов большевистской пропаганды в образовании» [4: 169]. Американский ученый крайне высоко оценил успехи советских педагогов в области реформы системы образования, указывая на ее прогрессивный, гуманистический характер.

Итак, Дьюи видел в образовании инструмент социальных преобразований. Реформы, которые предлагали прогрессивные педагоги, были призваны способствовать если не уничтожению, то смягчению социальных противоречий и проблем.

Примечания.

1. Tanner L. Dewey's Laboratory School: lesson for today. N.Y., 1997
2. Дьюи Д. Моя педагогическая вера // Свободное воспитание. 1913-1914. №1.
3. Дьюи Д. От ребенка к миру, от мира к ребенку. М., 2009.
4. Дьюи Д. Впечатления о Советской России // Хрестоматия по истории школы и педагогики России первой трети XX века. М., 2009.

5. Дьюи Д. Демократия и образование. М., 2000.
6. Мошер Р., Кенни Р., Гаррод Э. Воспитание гражданина, демократические школы. М., 1996.

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В АНГЛИИ И В РОССИИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Лабутина Т.Л.

*Институт всеобщей истории РАН, г. Москва,
Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
г. Владимир, Россия, tlabutina2007@yandex.ru*

Одной из составляющих идеологии просветительского движения XVIII века являлась образовательная программа. Просветители придавали большое значение необходимости образования подрастающего поколения, поскольку были убеждены, что от должного воспитания детей зависит благополучие и процветание нации. Наиболее полно программа воспитания и образования юношей была представлена в книге английского философа Джона Локка «Мысли о воспитании» (1690 г.). Написанная на основе собственных педагогических наблюдений в бытность Локка гувернером в семье графа Шефтсбери, книга имела неограниченное значение для современников. Во многом указанный труд сохранил свою актуальность до сего дня.

Хотя просветитель в своем произведении рассматривал вопросы, как воспитания, так и образования, однако явное предпочтение он отдавал воспитанию (об этом говорит и название книги). Учение необходимо, считал Локк, но оно стоит на втором плане. Первоочередной же целью процесса обучения должно стать воспитание ребенка, формирование в нем личности. Для этого необходимо позаботиться о физическом и нравственном здоровье воспитанника. Наиболее важным Локку представлялось признание и уважение в каждом ребенке личности. «Мы должны видеть в наших детях, когда они вырастут, - писал он, - существа, подобные нам самим, с теми же страстями и

желаниями», для чего необходимо с самого начала разработать тактику поведения воспитателя с воспитанником [5: 87]. Локк указывал на влияние среды на подрастающее поколение и подчеркивал силу примера в воспитательном процессе. На его взгляд, дети в большинстве своем руководствуются примером, они лучше понимают «то, что видят, чем то, что слышат». В воспитательном процессе Локк считал необходимой систему наказаний и поощрений. Он был убежден, что очень строгие наказания не только не приносят пользу, но, напротив, наносят большой вред воспитанию.

В целом программа нравственного воспитания Локка исходила из конкретных задач формирования личности джентльмена, крепкого телом и сильным духом, наделенного всеми необходимыми качествами для будущей предпринимательской и коммерческой деятельности [4: 159-164]. Особую ценность представляли в программе просветителя предложения, направленные на воспитание в ребенке высоких моральных качеств: честности, справедливости, искренности, добропорядочности, вежливости.

Как уже отмечалось, процессу образования подрастающего поколения Локк отводил второстепенное место. В своей образовательной программе он давал ряд конкретных советов, когда и как начинать обучение детей. Навыкам чтения, считал он, следует обучать как можно раньше, сразу же, как только ребенок научится говорить. Локк предостерегал воспитателей от принуждения детей к чтению, полагая, что этим можно только вызвать у них отвращение к процессу образования. Обучение чтению желательно превратить в игру, сделав развлечением для ребенка. После того, как ребенок научится читать, можно переходить к обучению письму и рисованию. Иностранные языки также лучше всего изучать в ранние годы. Курс предметов, предложенный Локком, включал арифметику, геометрию, географию, хронологию, латынь, греческий и французский языки, историю, скоропись. Кроме того, предлагалось обучение этике, гражданскому праву, натуральной философии, риторике и логике, изучение законов и конституции Англии.

Судя по перечисленным предметам, просветитель задавался целью предоставить воспитанникам самое широкое образование, которое включало бы в себя реальные практические знания, а также подготавливало молодых людей к общественной и научной деятельности. Этой же цели служили рекомендации просветителя в отношении того, какие книги следует читать молодым людям. Поскольку главное предназначение джентльмена Локк усматривал в его «служении обществу», то потому считал, что юноша обязан изучать «нравственные и политические» вопросы. Для этого следует штудировать книги древних и современных философов, а также Новый завет, содержащий сведения об «истинной морали». Чтобы подготовиться должным образом к политической карьере, надо помнить, что политика состоит из двух различных частей: «первая касается возникновения общества, происхождения и пределов политической власти, вторая – искусства управления людьми в обществе» [6: 611]. Знания об этих предметах можно почерпнуть из исторических книг. Особенно полезны джентльмену книги по отечественной истории, считал Локк. Кроме того, он рекомендовал произведения «юристов прошлого». Обращает на себя внимание тот факт, что среди перечисленных авторов книг, рекомендуемых к чтению просветителем, наряду с именами таких мыслителей, как Ливий, Туллий, Гукер, Пуфендорф, Локк называл своих современников, в том числе тех, кто прославился республиканскими взглядами (О. Сидней, Дж. Тиррел).

Большое значение в подготовке молодых людей к политической деятельности просветитель придавал тому, чтобы, прежде всего, научить их «управлять собой». Для этого необходимо знание людей и умение разбираться в их характерах, привычках, поведении, что, бесспорно, приходит со временем, по мере приобретения житейского опыта. Вместе с тем, большую пользу в этом могут сыграть книги, «помогающие проникнуть в человеческую природу». К таковым Локк причислял книги «о страстях и о том, что вызывает их» (произведения Аристотеля, Горация), сатирические произведения, поэзию и художественную прозу. Примечательно, что в список рекомендуемой

литературы, необходимой джентльмену «для познания человеческой природы», просветитель включал наряду с произведениями, обличающими пороки людей, также книги, чтение которых доставляло положительные эмоции, «развлечение и удовольствие». К последним Локк, к примеру, причислял «Дон-Кихота» Сервантеса. Наконец, список рекомендуемой для чтения литературы завершало перечисление различных словарей, сведения из которых, как считал просветитель, всегда могли пригодиться в практической деятельности молодого джентльмена, какую бы ее сферу он для себя ни избрал.

Как видно, образовательная программа, представленная Локком, отличалась прагматическим характером. Главной целью обучения просветитель считал не столько обучение молодежи «всему познаваемому», сколько стремление разбудить в молодых людях любовь и уважение к знаниям, поставив их «на верный путь к приобретению знаний и самосовершенствованию» [6: 613-614].

Большое значение в образовательном процессе Локк придавал развитию в детях так называемых «внешних талантов». Он считал необходимым обучать их танцам, музыке, верховой езде и фехтованию, живописи. Особую ценность в программе Локка представляли, на наш взгляд, его предложения об обучении детей каким-либо ремеслам. Локк считал: подготавливая юношей к государственной, общественно-политической или коммерческой деятельности, для тех, кому придется вести «сидячую или кабинетную жизнь», необходимо такое упражнение, «которое в одно и то же время давало бы развлечение их душам и занятие их телу» [5: 245]. К подобному типу «упражнений» просветитель относил садоводство или иные сельскохозяйственные работы, считая это наиболее пригодным для сельского джентльмена, а также различные работы по дереву (плотничество, столярные и токарные работы). Допуская, что родителей-аристократов могут привести в шок одни лишь слова «ремесло» и «ручной труд», если их применить в отношении к их чадам, Локк предлагал их детей обучать столь необходимому для всех видов деятельности занятию, как счетоводство. Как видно, просветитель придавал большое значение в деле

формирования гармонично развитой личности сочетанию умственного и физического труда.

Завершаться процесс образования должен в заграничных путешествиях. Локк полагал, что во время таких путешествий юноша сможет не только ознакомиться с достопримечательностями той или иной страны, усовершенствовать свои познания в языках, но и сравнить законы и обычаи этих стран с теми, которые существуют у него на родине. А это, в свою очередь, позволит ему выявить как «естественные и моральные преимущества», так и «изъяны» в государственном устройстве Англии, а также предоставит возможность обмениваться с иностранцами мнением, извлекая из подобных бесед полезные сведения.

Предложенная Локком образовательная программа предусматривала по преимуществу индивидуальный процесс обучения. Просветитель отдавал явное предпочтение домашнему, а не школьному образованию. Главной фигурой в воспитательно-образовательном процессе, по мнению Локка, становился не школьный учитель, а гувернер. Естественно, содержать воспитателя для своих детей могли только состоятельные люди, представители имущих слоев Англии. И потому вся образовательная программа Локка отличалась ярко выраженной социальной направленностью. Просветитель являлся сторонником строгой иерархии в отношении к тем, кому предоставлялось образование. «Я думаю, - писал он в своем трактате о воспитании, - что принц, дворянин и сын обыкновенного джентльмена должны получать различное воспитание» [5: 253]. Что же касается детей из неимущих слоев населения, то их просветитель попросту исключал из своей программы. Впрочем, подобной социальной ограниченностью отличались образовательные проекты всех просветителей.

Дидактическое произведение Дж. Локка в России впервые было издано в переводе в 1759 г. под заглавием «О воспитании детей господина Локка». В 1787 г. локковский труд был переиздан Н. Новиковым. И как предполагала исследовательница Е.П. Зыкова, к моменту написания своей статьи «О смысле слова воспитание» (1783 г.) известная представительница российского

Просвещения Екатерина Романовна Дашкова «вероятно, уже имела это сочинение Локка в оригинале»[2: 100]. В действительности, с трудом Дж. Локка во французском издании Дашкова познакомилась много раньше. Так, в письме к К. Вильмот «с размышлениями о вопросах воспитания» от 15 ноября 1805 г. она вспоминала, что озадачилась проблемами воспитания, когда стала в 16 лет матерью, и именно тогда принялась читать все, «что о воспитании было писано»[1: 219]. Следовательно, «Мысли о воспитании» Дж. Локка были изучены ею еще в юном возрасте, свои же взгляды на данный предмет Е.Р. Дашкова высказала значительно позже, в упомянутой выше статье, а также в ряде писем к сыну и другим корреспондентам.

В какой мере учение Дж. Локка о воспитании и образовании оказалось созвучным дидактической концепции Е.Р. Дашковой? Что было общего, и чем различались рассуждения по данному предмету в трактовке двух просветителей? Прежде всего, попытаемся выявить схожие черты в их образовательных программах. Из переписки с ректором Эдинбургского университета, в котором обучался сын Екатерины Романовны, Вильямом Робертсоном выясняется, что Дашкова, как и Локк, отдавала воспитанию предпочтение перед образованием. Так, в письме от 9 октября 1776 г. она утверждала, что «более озабочена нравственным состоянием и душевным складом своего сына, чем могла бы когда-либо быть озабочена уровнем его познаний» [1: 236]. Подобно Локку, Дашкова делит воспитание на физическое, нравственное и школьное или классическое, подробно останавливаясь в своей статье «О смысле слова..» на характеристике каждого из них. Говоря о физическом воспитании, она, как и Локк, упоминает «простую пищу», «простое и покойное платье», движение, пребывание на свежем воздухе и труд. Одним словом, это те компоненты, которые сделают детей «телом крепкими и здоровыми». «Польза оного ощутительна не только относительно долголетию, - писала Дашкова, - но таковое воспитание служит соделывать... людей способными к большим предприятиям, геройским подвигам и к непоколебимой твердости в предпринятом»[1: 125]. К нравственному воспитанию, на ее взгляд,

следует приучать, когда дети «к терпению, к благосклонности и к благоразумному повиновению» приучены.

Что же, на взгляд Дашковой, включало в себя нравственное воспитание детей? «Любовь к правде и к Отечеству, почтение к законам церковным и гражданским, почтение и доверенность к родителям, омерзение к эгоизму», а также человеколюбие, добродетель, храбрость - вот те основные критерии, которые положены в основу нравственного воспитания сограждан. В основании же всех добродетелей покоится справедливость.

Обращаясь к третьему виду воспитания – школьному или классическому, Дашкова перечисляет те предметы, которые необходимы для освоения юношам. И здесь мы находим схожие с локковскими предметы: латынь, греческий, немецкий, английский и французский языки. Дашкова добавляет еще «совершенное познание природного языка». В перечень предметов обоих просветителей входят: логика, риторика, история, география, высшая математика, нравственная философия, юриспруденция, химия, физика. Вместе с тем, Дашкова в отличие от Локка не просто перечисляла предметы, которые следовало изучать юношам, но и в какой последовательности это лучше всего делать[1: 237-238]. При всей схожести трактовки классического образования в работах Локка и Дашковой выявляется существенное различие, заключающееся в том, что английский просветитель ратовал за домашнее, а Дашкова отдавала предпочтение школьному образованию. Вместе с тем, она, как и Локк, не исключала из воспитательного процесса наличие гувернера, «сведущего в науках» и «строго честных правил».

Подобно Локку, Дашкова полагала, что «воспитание более примерами, нежели предписаниями, преподается», и что оно «ранее начинается и позднее оканчивается, нежели вообще думают»[1: 124]. Также, как и английский просветитель, Екатерина Романовна была убеждена в необходимости завершения образования в путешествиях за границей. Причем в отличие от Локка она очень подробно останавливалась на данном сюжете. В одном из писем к сыну она давала свои рекомендации, с какой целью следует посещать

зарубежные государства, что необходимо в них посмотреть, как вести себя среди иностранцев. «Не забудь, - напоминала Дашкова сыну, - что ты едешь не для одного удовольствия, у тебя нет пустого времени... Все, что ты вычитал о правах, характерах и образе правления других народов, теперь можешь поверить собственным опытом и таким образом из юношеского возраста вступить на поприще мужа»[1: 242]. Дашкова советовала сыну общаться с людьми образованными, при этом «не столько самому толковать, сколько слушать и расспрашивать других». На ее взгляд, «у путешественника должны быть постоянно открыты и глаза и уши», чтобы узнать как можно больше о стране пребывания.

Дашкова давала сыну конкретные советы по пододу того, на что ему следовало обратить внимание. Свойство и форма правления, законы, нравы, народонаселение, торговля, географические и климатические условия, иностранная и внутренняя политика, произведения, религия, обычаи, источники богатства, «действительные и мнимые средства общественного кредита», подати, пошлины и «различные условия различных сословий» - вот те предметы, которыми ни один путешественник не должен пренебрегать, «если только он не хочет остаться тупым и бессмысленным зрителем.. не способным ни к умственному, ни к нравственному совершенству»[1: 242-243].

Важным для путешественника Дашковой представлялось его собственное поведение в чужой стране. Она была убеждена в том, что вступив «в период юношеской жизни», молодому человеку более всего «надобно дорожить общественным мнением, то есть внимательно следить за своими поступками, словами и действиями». Поэтому Дашкова советовала сыну в сношениях с иностранцами «воздерживаться от оскорбительных сравнений», полагая, что «если хвалить или осуждать отдельного человека насчет другого чрезвычайно обидно, то непростительно грубо и несправедливо судить об одном народе по мерке другого». В этой связи Екатерина Романовна рекомендовала сыну «воздерживаться от слишком резкой критики чужих нравов, обычаев и в особенности религий». Примечательно, что особое внимание Дашкова уделяла

отношению юноши к религиозным пристрастиям иностранцев. «Относительно религиозных мнений, где бы ты ни соприкасался с ними, должен уважать их, - советовала она сыну. – Серьезное или шуточное опровержение их, каковы бы они ни были, оставляет по себе самое горькое и оскорбительное впечатление на человеке и никогда не забывается»[1: 243-245].

Как видно, в образовательных концепциях просветителей двух стран было немало общего. В то же время вряд ли можно говорить о полной рецепции локковского учения в работах Дашковой. В ее дидактической программе можно найти немало отличий от педагогических постулатов Локка. Е.П. Зыкова обращает внимание на два важных момента. Во-первых, в мышлении Дашковой появилось новое, историческое измерение, которое, во-вторых, соединилось с попыткой осознать, что же реально дали русской культуре контакты с Европой [2: 100]. В известной статье «О смысле слова «воспитание» Дашкова обращается к предыстории понятий о воспитании, которые существовали в России на протяжении нескольких поколений. Прадеды наши, писала Екатерина Романовна, считали воспитанием обучение своих детей Псалтырю, счету, а также верности царю и «закону повиновения». На взгляд Дашковой, подобное воспитание «едва воспитанием назваться может, ибо должность гражданина и право естественное юношеству было неизвестно». Кроме того, на заграничные путешествия «с намерением просвещаться, перенимать хорошее», был наложен запрет. Деды наши, продолжала Дашкова, воспитание понимали уже несколько иначе. Детей учили уложению, артикулу со сказкой Бовы королевича. Некоторые обучали арифметике. Хотя это, по мнению автора статьи, и нельзя было считать воспитанием, были в образовательном процессе той поры и свои положительные черты: «воспитанники тогдашние не стыдились еще быть русскими». Все переменилось к худшему, когда в России начали перенимать европейские обычаи. «Отцы наши воспитать уже нас желали как-нибудь, только чтоб не по-русски и чтоб чрез воспитание наше мы не походили на россиян, - с горечью констатировала Екатерина Романовна. - Тогда танцмейстеры, французские

учители или мадамы, по их мнению, все воспитание совершали, хотя с улиц парижских без пропитания шатающиеся или от заслуженного в Отечестве своем наказания укрывающиеся оными воспитательницами по большей части бывали»[1:120-121]. Дашкова выступала с резкой критикой подобного воспитания детей, считая его вредным. «Воспитание, которое мы детям своим даем, еще более разнствует с воспитанием, кое прапрадеды дедам нашим давали, - признавала она. - Мы еще более удалились от справедливого смысла, заключающегося в слове воспитание, прибавя к разврату, который учителя и мадамы в сердца детей наших сеют, разврат, которому предаются дети наши, путешествуя без иного намерения, кроме веселия, без рассудка, без нужного примечания, и погружая себя в Париже или в Страсбурге только в праздность, роскошь и пороки, с истощенным телом, с истощенным смыслом и кошельком домой беспоправочны возвращаются». Дашкова приходила к заключению, что получив такое воспитание, молодые люди «не в поле, не в совете или служении Отечеству ... себя отличить и посвятить хотят». Танцы, клавикорды, разговоры о театре - вот «благородное и пространное поле, которое наши дети выбрали и на коем отличиться желают», - приходила к неутешительному выводу Екатерина Романовна [1: 122-123]. Она не сомневалась в том, что подобное воспитание самым пагубным образом сказывалось на нравственном состоянии молодежи. Свои наглость и надменность, ветреность и ничтожество молодые люди не стесняются демонстрировать в обществе. Для них главный аргумент в спорах – это апелляция к полученному опыту пребывания в Париже.

Еще одно отличие в дидактических трудах просветителей заключалось в подходе к женскому воспитанию и образованию. Заметим, что Джон Локк в труде «Мысли о воспитании» не затрагивал женскую тему, полагая, что его педагогические советы, за малым исключением, годятся для девочек. «Я считаю, - писал философ, - что различий в умственных способностях между полами не существует, и потому не вижу смысла что-то менять в своих инструкциях»[7: 687-688]. В то же время он давал несколько советов относительно женского воспитания в письмах к другу Э. Кларку и его супруге,

у которых росла маленькая дочь. Локк предлагал обучать девочку, прежде всего, чтению. Он советовал отцу обратить учение в игру и ни в коем случае не торопиться, но продвигаться вперед только по мере достижения определенных результатов. На взгляд философа, необходимо развивать ум ребенка, давая простые, доступные и исчерпывающие ответы на вопросы, которые он задает. Обучаться чтению лучше всего по книгам с незатейливым сюжетом, а не по Священному Писанию. Локк сомневался в том, что ребенок получит удовольствие от чтения книги, «в которой ничего не понимает». После того, как девочка научится бегло читать и освоит родной язык, следует обучить ее латыни. Изучать латынь надлежит со всем старанием, «чтобы не испытывать никаких затруднений в правилах и грамматике языка». Попутно ребенка можно просвещать в различных областях знаний, знакомить с такими предметами, как география, астрономия, анатомия, история.

Локк считал, что девочкам полезно заняться танцами. Обучать танцам следует с раннего возраста, под руководством хороших учителей. Танцы позволяют улучшить осанку, обучают хорошим манерам. Всем детям Локк настоятельно рекомендовал соблюдать правила личной гигиены, заниматься физическими упражнениями, а также чаще бывать на свежем воздухе, больше двигаться, ходить пешком на дальние расстояния.

Локк не делал особых различий в воспитании мальчиков и девочек. Он считал, что пища, одежда у всех учеников должны быть одинаковыми. На его взгляд, любой мужчина желал бы иметь здоровую жену, поэтому девочек надо готовить не только к приему обычной пищи, но и к непогоде, ветру и солнцу, чтобы они не росли «слабыми, хныкающими, болезненными созданиями, боящимися сквозняков». Небольшое исключение для девочек, которое допускал Локк, касалось их пребывания на свежем воздухе. Он считал, что в жаркую погоду будущих женщин лучше держать в тени, или дома, но не на солнце, чтобы не навредить их здоровью и красоте. Кроме того, Локк предостерегал отцов от рукоприкладства и грубой брани по отношению к

дочерям и вообще считал, что воспитанием девочек должна заниматься по преимуществу их мать [3: 126-129].

В произведениях Е.Р. Дашковой мы не найдем конкретной программы женского воспитания. Вместе с тем в ее образовательной концепции содержится критика существующей в России системы женского образования, во многом заимствованной у Западной Европы. Россию наводнили «парижские лакеи» и «мадамы», которые стали заниматься воспитанием детей из зажиточных семей. От таких воспитателей девушка может научиться только «чепчики шить, кружева мыть и по-французски болтать». И с этим еще можно было бы смириться, полагала Дашкова, если бы не гнусные «чувствования», которые «подлая и часто развратная французская девка ей впечатлевает». Между тем, девушка могла бы стать лучшей женой, матерью и госпожой, «если бы, не зная худо чужого языка, природному своему языку выучена была, и если бы она имела любовь к Отечеству вместо пренебрежения, кое мамзельюшки к оному детям вперяют; почтение к родителям; любовь к порядку, скромности и хозяйству, а не роскошь, ветренность и небрежение в себе показывала; тогда бы можно было заключить, что родители ее правильнее о слове воспитание понятие имели», - заключала Дашкова [1: 122]. Она возмущалась тем, что девушки «стараются мотовством своим прославиться». Их занятия сводятся к чтению романов, «бренчанию» на клавикордах и арфе. Подобное воспитание и образование юных дам приводит, по ее мнению, к тому, что «мало браков совершаются или, что совершившиеся скоро разрываются», поскольку «основательно мыслящий молодой человек» опасается связать брачные узы с подобной девицей.

Между тем, сама Екатерина Романовна получила прекрасное образование. В письме к К. Вильмонт она вспоминала, что в 16 лет став матерью, когда ее дочь «не могла пролепетать еще ни единого слова», она уже помышляла дать ей совершенное воспитание. Зная 4 языка, Дашкова прочитала все то, что о воспитании было написано, однако этого ей показалось недостаточно. Продолжая размышлять, она, наконец, пришла к выводу о

необходимости формулирования некоторых правил, пригодных для всех детей, которые станут «твердым основанием фундамента»: время, место и мера. Как утверждала княгиня, «знать всегда и во всем меру, время и место – есть лучший ключ загадки, что есть совершенное воспитание, а притом и вернейший способ преуспевать во всем» [1: 219-221].

Итак, как показал анализ дидактических взглядов просветителей двух стран, в их концепциях было немало общего. Поскольку Дашкова была знакома с трудами Дж. Локка, неудивительно, что основные положения его учения о воспитании и образовании оказались созвучными ее собственным рассуждениям. Между тем, вряд ли справедливо говорить о полной рецепции теории Локка в произведении Екатерины Романовны. Знакомство не только с сочинением Локка, но и трудами других авторов, а также собственный педагогический опыт, связанный с воспитанием детей, позволили Дашковой представить социальную критику существующей в России системы образования, и высказать предложение о необходимости учета особенностей национальной жизни в образовательном процессе. И в этом заключалась оригинальность и особая значимость просветительской концепции образования Екатерины Романовны Дашковой.

Примечания

1. Дашкова Е.Р. О смысле слова «воспитание». Сочинения, письма, документы. СПб., 2001. С. 219.
2. Зыкова Е.П. Англофильство Е.Р. Дашковой в контексте русской культуры XVIII века. М., 2001. СПб., 1913.
3. Лабутина Т.Л. Советы Джона Локка «маленькой госпоже»// Лабутина Т.Л. Воспитание и образование англичанки в XVII веке. СПб., 2001.
4. Лабутина Т.Л. Джон Локк и его «Мысли о воспитании» // Лабутина Т.Л., Ильин Д.В. Английское Просвещение. Общественно-политическая и педагогическая мысль. СПб., 2012.
5. Локк Д. Мысли о воспитании и о воспитании разума. СПб., 1913.

6. Локк Д. Мысли о том, что читать и изучать джентльмену // Локк Д. Соч. в 3-х томах. Т. 3. М., 1988.

7. The Correspondence of John Locke. Oxford, 1976. Vol. 2.

К ВОПРОСУ О РОЛИ «ФАКТОРА США» В ФОРМИРОВАНИИ НОВОЙ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Лапшина И. К., Ищенко А. А.

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

г. Владимир, lapshina.nni2012@yandex.ru

Проблема формирования российской идентичности занимает одно из приоритетных мест в национальной повестке дня и является предметом пристального внимания, как на научном, так и политическом уровнях. Анализируя становление постсоветской идентичности, исследователи обращают внимание на его сложность, многофакторность и длительность, признавая, что на рубеже XX-XXI вв. самым острым вопросом в России был кризис ее идентичности. В имеющихся работах наряду с «растущей российской идентичностью» у граждан страны справедливо отмечается незавершенность данного процесса [1, 2, 3].

На формирование идентичности влияют разнообразные факторы, в том числе духовно-нравственное состояние общества, социально-экономический климат, внутривнутриполитическая ситуация, положение государства на международной арене. В условиях фундаментальной трансформации общественно-политического строя и распада СССР кризис идентичности в России был связан с проблемой цивилизационного определения, поиска нового места в мире, необходимостью переоценки всей системы ценностей, предопределяющей жизненные смыслы российского социума.

Идея о том, что идентичность формируется только через сравнение «Себя» с «Другими» обоснована в многочисленных исследованиях как

зарубежных, так и отечественных авторов [4]. Исторически США и Россия являются друг для друга «значимым Другим», в сравнении с которым во многом происходит их самоидентификация. В советский период по замечанию А. Левинсона наличие США как вероятного противника Советского Союза «помогало четко организовывать буквально всю жизнь в государстве, поскольку позволяло выстраивать приоритеты» [5: 67]. Однако в новой постсоветской системе социо-экономических, политических, культурных координат роль «фактора США» в процессе формирования российской идентичности качественно изменилась. Демократическое реформирование России предполагало восприятие российским обществом новых социо-культурных ценностей, формирование нового видения «Себя» в кардинально менявшемся миропорядке. В начале 1990-х годов представлялось, что идеологические, экономические и политические противоречия ушли в прошлое и «Другой» стал приобретать черты своего. В изменившейся внутри- и внешнеполитической ситуации страна уже не могла строить свою идентичность на противопоставлении США, которые, как провозглашалось российскими реформаторами, должны были стать «проводником» России в новое будущее. С этой точки зрения, «фактор США» как страны – примера для России [6] приобретал конструктивную роль, тем более что в российском обществе, как справедливо отмечает В. В. Согрин, всегда присутствовал и присутствует огромный интерес к практике Соединенных Штатов в политической, экономической, социальной сферах, хотя интерпретация опыта развития этой страны в России очень двойственна и противоречива.

Согласно данным социологического исследования, проведенного Институтом социологии РАН, в российском обществе в 1990-х годов формировалось понимание того, что предполагает демократия: среди наиболее значимых демократических ценностей граждане России в 1998 г. называли «равенство всех граждан перед законом» (54%), «свобода печати» (48%), «независимость суда» (42%), «свободные выборы власти» (39%), «возможность свободно высказывать свои политические взгляды» (37%) [7]. К сожалению,

исключительно сложная социально-экономическая ситуация, необходимость «выживать» вывели на первый план в формировавшейся новой культурно-ценностной системе идеалы материального характера, потеснившие политические и нравственные принципы. К 1997 г. оценивая ситуацию в стране, респонденты называли такие проблемы, как: «повышение цен и обнищание людей (46%), рост преступности (32%), угроза массовой безработицы (24%), межнациональные конфликты (23%), угроза гражданской войны и массового голода (23%), экономический кризис, спад производства (20%)» [8: 237].

Данные социологических опросов Левада-центра с 1989 по 2008 гг. показали, что фундаментальные демократические ценности, ассоциируемые с Западом и США, уступили вполне понятному желанию обеспечить хорошее материальное положение и достойную жизнь. Показательно, что по опросам 1994 г. 54% российских респондентов выразили желание улучшить свое материальное положение, а беспокойство по поводу соблюдения нравственных принципов – только 12 % [9: 13]. Кроме того, изначальное несовпадение системного мировосприятия в русской и западной культурах препятствовало адекватному принятию российской ментальностью западной шкалы ценностей. В 1994 г. от 69 до 58% опрошенных россиян были уверены в том, что Россия должна ориентироваться на традиционные русские ценности [10].

Во второй половине 1990-х гг. происходил рост убеждения в том, что западные страны и США хотят ослабить Россию и сделать ее зависимой страной. Согласно опросу ВЦИОМ в 1998 г. 66 % респондентов были уверены в том, что зарубежные государства, оказывая помощь России, стремятся обеспечить себе контроль над экономикой и политическим курсом страны [11]. США вместо «ориентира» становились «виновником» ухудшения повседневной жизни. Наряду со все большим осознанием необходимости поиска самостоятельного национального пути развития это способствовало повороту в сторону формирования эмоционально-окрашенного негативного образа Соединенных Штатов в российском обществе.

Возвращение к ситуации противопоставления России Западу имело принципиальное отличие от советского периода: «фактор США» в контексте новой российской действительности лишился той своеобразной конструктивной роли, как это было в период противостояния двух стран. Если раньше в сопоставлении с США присутствовало чувство гордости за свою страну, то в новых кризисных реалиях оно сопровождалось болезненно переживаемым осознанием утраты Россией статуса сверхдержавы, ярче высвечивало недостатки жизни российского социума. В 1996 г. 44% респондентов говорили о необходимости обретения Россией «статуса великой уважаемой державы» [12], а в 2001 г. большинство населения считало возвращение статуса супердержавы основной целью внешней политики РФ [13].

Сравнение «Себя» с «Другим», основанное на противопоставлении характеристик образов России и США (упадок – процветание, слабость – военная мощь, зависимость – лидерство), усиливало негативные тенденции в восприятии российской действительности. Мониторинг отношения граждан России к США в связи с войной в Ираке очень ярко продемонстрировал деструктивную роль «фактора» Америки. Считая войну в Ираке незаконной, большинство респондентов (60%) были уверены в том, что России не следует вмешиваться в военный конфликт из-за возможности войны с США (12%) и из-за превосходства США над Россией (11%). Показательны такие суждения респондентов как: «наша бедность, нищета делают нас беззубыми»; «США – агрессор, а у нас армия слабая»; «в настоящее время Россия физически и политически слаба, а США – сильная держава» [14].

Одновременно сохранялось двойственное отношение к западным ценностям. По декабрьскому опросу 2000 г. 48% респондентов были уверены в том, что западная культура отрицательно влияет на людей, а 34 % полагали, что границы между западной культурой и Россией быть не должно [15]. Притом, что в российском массовом сознании закреплялся образ Америки как агрессивного государства, представляющего угрозу России, он также оставался

достаточно противоречивым. Российские граждане демонстрировали по опросам стойкое недоверие к США при одновременном желании видеть в них партнера России, признавали их благополучие и сверхдержавность и упрекали в несовершенствах. К примеру, в 2002 г. 40 % граждан России выступали за развитие партнерских отношений с США [16]. При этом 48 % респондентов видели в США противника России и 52 % - союзника на мировой арене [17].

Полагаем, что разнонаправленные настроения относительно Запада и США в 1990-е – начале 2000-х годов усугубляли неопределенность общенационального вектора самоидентификации, осложняли формирование новой ценностной системы. Острое обострение международной ситуации в связи с украинскими событиями внесли существенные коррективы в данный процесс. Опросы общественного мнения, проведенные ВЦИОМ в сентябре 2014 г., отразили резкое усиление враждебного отношения россиян к США: 73% респондентов назвали США «главной враждебной страной» по сравнению с 25% в 2008 г. [18]. Образ США приобрел негативную определенность и в модифицированном варианте вернул себе былую функцию консолидации граждан, основанную на противопоставлении Америке. Это может способствовать укреплению национально идентичности, однако есть опасность ситуации негативной мобилизации или идентификации, которые, как справедливо отмечает Л. Гудков «оставляют после себя выжженное ценностное пространство» [19].

Примечания.

1. Кортунов С. В. Национальная идентичность. Постигание смысла. М., 2009.
2. Тимофеев И. Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции: монография. М., 2008.
3. Дробижева Л. Российская идентичность и согласие в межэтнических отношениях: опыт 20 лет реформ. [Электронный ресурс] – URL: http://rosnation.ru/?page_id=1064. (Дата обращения: 14.09.2014).
4. Журавлева В. И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881-1914. М., 2012; Лапшина И. К. Формирование массового представления о США в пост –

- октябрьской России (к вопросу о механизме создания образа Другого). [Электронный ресурс] – URL: <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/165/>. (Дата обращения: 18.12. 2012); National identity in Russian culture: an introduction. Cambridge, 2006; Tols V. The search of a national identity in the Russia of Yeltsin and Putin // *Reconstructing Post-Communist Russia*. N. Y., 2004.
5. Левинсон А. Америка как значимый Другой // *Pro et Contra* № 2, 2007. С.65-69.
6. Опрос 18 июля 1998. Петрова А. Какая страна – пример для России? [Электронный ресурс] – URL: <http://bd.fom.ru/report/map/of19982604>. (Дата обращения: 25.04.2014).
7. Российская идентичность в социологическом измерении. М., 2008. Выпуск № 3. [Электронный ресурс] – URL: http://www.isras.ru/INAB_2008_3_4.html. (Дата обращения: 13.03.2013).
8. Докторов Б. З., Ослон А. А., Петренко Е. С. Эпоха Ельцина: мнения россиян: социологические очерки. М., 2002.
9. Общественное мнение – 2008. М., 2008. [Электронный ресурс] – URL: <http://socioline.ru/files/5/39/levada2008.pdf>. (Дата обращения: 3.03.2013).
10. Петрова А., Воронцова А. По мнению образованных горожан, Россия должна ориентироваться на традиционно русские ценности. Сентябрь – октябрь 1995 г. [Электронный ресурс] – URL: <http://bd.fom.ru/report/map/of19961003>. (Дата обращения: 24.04.2014).
11. Опрос ВЦИОМ: «Как Вы считаете, зарубежные государства и международные организации, оказывающие России в последние годы экономическую помощь в виде различных займов и кредитов, действительно стремятся стабилизировать экономическое и политическое положение в России?». 15.09.1998. [Электронный ресурс] // http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=399&q_id=32306&date=15.09.1998. (Дата обращения: 26.01.2013).
12. Опрос ВЦИОМ: «Что, в первую очередь, Вы ждете от президента, за которого Вы могли бы проголосовать?». 15.02.1996. [Электронный ресурс] //

- http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=449&q_id=35214&date=15.02.1996. (Дата обращения: 24.04.2014).
13. Опрос ВЦИОМ: «Какой, на Ваш взгляд, должна быть основная цель российской внешней политики на ближайшие 10-15 лет?». 15.06.2001. [Электронный ресурс] – URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=415&q_id=33334&date=15.06.2001. (Дата обращения: 26.01.2013).
14. Опрос ФОМ: «Война в Ираке и отношение к США». 12-13 апреля 2003 г. [Электронный ресурс] – URL: <http://bd.fom.ru/report/map/dd031526>. (Дата обращения: 24.04.2014).
15. Опрос ФОМ: «Западная культура и Россия». 23-24 декабря 2000 г. [Электронный ресурс] – URL: <http://bd.fom.ru/report/map/dd003634>. (Дата обращения: 24.04.2014).
16. Опрос ВЦИОМ: «Партнерство России с какими странами в наибольшей степени, на Ваш взгляд, соответствует интересам таких людей как Вы?». 15.01.2002. [Электронный ресурс] – URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=534&q_id=38399&date=15.01.2002. (Дата обращения: 24.04.2014).
17. Опрос ВЦИОМ: «Как Вы считаете, в настоящее время Россия и США являются на мировой арене союзниками или противниками?». 15.03.2002. [Электронный ресурс] – URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=299&q_id=23686&date=15.03.2002. (Дата обращения: 24.04.2014).
18. ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2690. «Друзья и враги России: эпоха санкций». 20-21 сентября 2014 г. [Электронный ресурс] – URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=115016>. (Дата обращения: 19.10.14).
19. Гудков Л. Б. Человек в реформирующемся обществе. Феномен негативной мобилизации. [Электронный ресурс] – URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2010/12/16/1214863269/Gudkov.pdf>. (Дата обращения: 19.10.14).

ЗЕМСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ НАЧАЛА XX ВЕКА

В ОЦЕНКЕ БРИТАНСКОЙ ПРЕССЫ

Ловягин Н.В.

Аспирант кафедры отечественной и всеобщей истории МГОСГИ, Коломна, Россия,

lovyagin@yandex.ru.

В начале XX века земства и земские деятели сыграли ключевую роль в процессе политической модернизации России. Не случайно, что они привлекали пристальное внимание различных политических сил не только внутри страны, но и за рубежом. В числе стран, которые пытались понять происходившую в России трансформацию, особое место занимает Великобритания, являвшаяся ключевым игроком на международной арене. Восприятие британцами российских событий в первую очередь формировалось благодаря публикациям в прессе, и в этой связи обращение к материалам газет, позволит выяснить, каким они видели политический образ России.

В публикациях, посвященных российским органам самоуправления, британские журналисты, прежде всего, пытались выяснить их значение в системе власти. Так, корреспондент «Dundee Evening Post» писал: «Для нас невозможно до конца понять, что такое «земство»» [1: 2]. Авторы нередко пытались прояснить для своих читателей суть термина посредством сравнения земских органов с институтами местного самоуправления в Великобритании: «Земства, чье название непонятно для англичанина, есть аналог советов графств, единственное проявление избирательного представительства в России, которое всячески притесняется и ограничивается реакцией, в то время, как реформаторы видят в них возможную основу для представительного правления в будущем» [4: 3].

Описывая земские органы власти, британские журналисты обращали внимание на сословность избирательной системы и широкий круг полномочий земских органов, занимавшихся школами, больницами, страхованием, сельской почтой, вопросами дорожного строительства. «Нужно признать, что земства добились немалых успехов в этих направлениях», - отмечал один из

журналистов [5: 7]. Однако, по словам зарубежных корреспондентов, если в теории, земства были наделены большой властью в рамках перечисленных вопросов, то в реальности, высокие государственные налоги приводили к сильному ограничению сборов на медицину и образование. Кроме того, губернатор следил за постановлениями земств, и имел право отменять любое, не устраивающее центральное правительство. «Несмотря на отсутствие независимости, многие из этих собраний сделали наиболее полезную работу, и, возможно, в более свободных условиях, они могли бы иметь возможность делать больше» [2: 2].

Главной причиной столь жесткой линии центрального правительства, по мнению зарубежных публицистов, были объединительные тенденции в этих органах. Другой журналист влиятельной газеты «The Times» так высказался о политическом положении органов самоуправления: «Согласно идеям русских либералов, они нечто большее, чем просто местные собрания, поскольку создают возможный фундамент для представительного правления. Согласно мнению реакционеров, их лучшее название – проклятие» [3: 6]. Земства всячески стремились к формированию единой общеземской организации, чему чрезвычайно противился министр внутренних дел В.К. фон Плеве, главный противник подобных тенденций [7: 592]. По словам журналиста «Edinburgh Evening News», законодательные ограничения власти земств осуществлялись с момента их создания [5: 7].

Несмотря на то, что распоряжению земств было мало средств, а деятельность постоянно проверялась представителями центральных властей, по мнению корреспондента газеты «The Times», земские учреждения занимались своей работой с изрядным успехом. «Члены земства стали классом людей, искренне проникшихся духом свободы, которые постоянно работают для улучшения положения народа и подготовки пути для дальнейших продвижений в вопросе политической свободы», - резюмировал автор статьи [3: 6].

В рамках характеристики политики Плеве в отношении органов местного самоуправления, корреспондент «The Times» привел пример практики так

называемых «ревизий»), которые применялись министром внутренних дел, как мера наказания и устрашения несогласных с позицией центральной власти. Речь шла об инциденте с Тверским земством, которое было подвергнуто предвзятой проверке, а ее результат послужил основанием для освобождения членов земства от службы. При этом, по словам британского журналиста, официальный отчет содержал лишь такие фразы, как «неверная образовательная политика» или «нерегулярные заседания, не отвечавшие нуждам общественного порядка». Как заявил автор статьи, «большая степень неопределенности этих положений характеризует русское чиновничество» [3: 6].

Стоит отметить, что подобная практика применялась и в отношении Московского земства. Цитируя отчет сенатора Зиновьева, который был уполномочен провести соответствующую проверку, британский корреспондент писал, что налицо было стремление предотвратить, насколько возможно, тенденцию к объединению различных земств в одно правительство, пока их деятельность не приняла большого размаха и не привела к созданию союза нескольких губернских земств. Журналист заметил, что это прямо соответствовало русской теории «бюрократического правления», согласно которой, местным учреждениям оставались лишь дела местного значения, а все ведущие вопросы оставались в юрисдикции центрального правительства [3: 6].

После убийства В.К. фон Плеве в августе 1904 г. и назначения на пост министра внутренних дел князя П.Д. Святополк-Мирского, а так же в связи с обнародованием информации о ноябрьском земском съезде, на страницах британской прессы все чаще стали появляться термины «конституция» и «парламент». Запад нередко критиковал отсталую политическую систему Российской империи. К примеру, в газете «Dundee Evening Post» отмечалось, что система самоуправления, которая существует в России «не будет принята ни одной просвещенной нацией. Но в России более ничего и нет» [1: 2]. В статье газеты «Sheffield Daily Telegraph» было указано, что сама идея

существования столь огромной европейской страны, как Россия, вступившей в XX век без свободы печати и хотя бы подобия парламента, представляется вопиющим анахронизмом. Журналист отмечал, что пока не произойдет серьезных изменений в управлении, будет существовать риск народного восстания, которое ни вооруженная сила под властью самодержавия, ни тираническая бюрократия не смогут остановить. «Они считают чудом, что столь долго удавалось держать народ в подчинении», - сообщал автор статьи [4: 3].

Подводя общий итог, оценкам земских учреждений в британской прессе, отметим, что корреспонденты ведущих изданий имели самое общее представление о характере самоуправления в России. В тоже время предлагавшиеся журналистами характеристики явно предрасполагали к сочувствию российским либералам. В этой связи, оппозиционная политическая линия земского движения представлялась по материалам британских газет закономерной и справедливой борьбой против угнетения со стороны бюрократии и центральных властей, стремившихся всеми силами воспрепятствовать сплочению либералов.

Примечания.

1. Russia's dilemma // Dundee Evening Post, December 29, 1904.
2. The Czar and his people // Lancashire Evening Post, November 21, 1904.
3. The Russian Zemstvos // The Times, November 23, 1904.
4. Untitled // Exeter and Plymouth Gazette, November 24, 1904.
5. What the Zemstvos are // Edinburgh Evening News, November 26, 1904.
6. Белоконский, И. П. Земское движение. М., 1914.
7. Веселовский, Б. Б. История земства за сорок лет: в 4 т. Т. 1. Спб., 1909.

СТАНОВЛЕНИЕ МЕДИКО-САНИТАРНОЙ СЛУЖБЫ ЕГПТА В ПЕРИОД БРИТАНСКОЙ ОККУПАЦИИ (1882 – 1914 ГГ.)

Макеев Д. А., Черемных С.А.

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,

г. Владимир, Россия, nov-ist@vlsu.ru

Медико-санитарная служба стала одной из последних сфер модернизации в период британской колониальной оккупации Египта. Причин тому было немало. Страна была поглощена бедностью и болезнями населения. Для улучшения санитарии и общественного здравоохранения требовались значительные капиталовложения, высокий уровень административного контроля над состоянием здоровья и санитарии в стране. Египетские правители – реформаторы Мухаммед Али-паша и хедив Исмаил смогли лишь наметить пути создания системы общественного здравоохранения и санитарии. Прилагались усилия к расширению и благоустройству городов Каир и Александрия. При Исмаиле была принята программа по модернизации Каира в парижском стиле. При этом правителе в столичном городе были построены новые вымощенные бульвары, осуществлены работы по снабжению городского населения питьевой водой. В богатых кварталах Каира и Александрии на улицах ввели газовое освещение.

В 1883 году, вскоре после британской оккупации, Египет столкнулся со страшной эпидемией холеры, распространившейся по всей долине Нила и унёсшей 100 тыс. жизней [2: 40]. Эпидемия холеры обнаружила неподготовленность Египта в решении вопросов состояния санитарной гигиены и общественного здравоохранения. В последующие годы эпидемии холеры, чумы и других смертельных заболеваний неоднократно вспыхивали в стране. Как правило, они ввозились с Востока, чаще всего из Индии и с Аравийского полуострова.

Колониальная администрация британцев при проведении мер в санитарно-медицинской сфере часто сталкивалась с непониманием со стороны населения. Изоляция инфекционных деревень, дезинфекционные работы,

ограничение мест пользования питьевой водой, немедленное захоронение трупов умерших, отдаление кладбищ от мест поселения – всё это воспринималось как вызов устоявшимся веками традициям и порядкам крестьянской жизни. Крестьяне (феллахи) воспринимали болезни естественной неизбежностью, как неизбежный рок. Феллахи сопротивлялись вмешательству властей в традиционные устои, часто скрывали вспышки заболеваний от правительственных инспекторов по здравоохранению. Контроль над инфекционными заболеваниями сталкивался с сопротивлением непокорного населения. Нередко служба здравоохранения оказывалась бессильной в попытках что-либо изменить в антисанитарных привычках феллахов. Определённое влияние на поведение больных оказывали его религиозные убеждения. Так, во время мусульманского праздника Рамадан, больные отказывались принимать пищу и питьё, что иногда плачевно сказывалось на их ослабленном здоровье [3: 1888. № 1. 1409].

Британская администрация, во главе с лордом Кромером, соприкоснувшись с проблемами и нуждами санитарии и общественного здравоохранения Египта, прилагала усилия по организации обучения жителей правилам гигиены и их медицинского обслуживания. Такие инициативы были поддержаны заинтересованными кругами Англии, мнение которых озвучивалось на страницах «Британского медицинского журнала», издававшегося в Лондоне.

Влиятельные круги хедива (правителя) Египта вместе с британскими служащими, количество которых постоянно росло, поддерживали реформаторские начинания относительно санитарии и здравоохранения. Благодаря их поддержке властями предпринимались попытки по оздоровлению населения и по предотвращению вспышек холеры и чумы. Эпидемии этих заболеваний катастрофически сказывались на экономическом состоянии Египта. Наиболее активными сторонниками реформ были городские жители и богатые египтяне, ответственные за улучшение медико-санитарного состояния страны.

При британцах в Египте стала зарождаться служба общественного здравоохранения. В крупных городах при местных административных органах стали появляться службы по благоустройству городских улиц, организовывались сборы налогов на нужды санитарии и здравоохранения. К 1914 г. в одиннадцати городах страны появилась система фильтрации воды, распределяемая частными компаниями для богатых жителей [4: 351]. В Каире, Александрии и Порт-Саиде были сооружены подземные канализационные сточные системы, в то время как в большинстве других городов нечистоты и мусор вывозились повозками. Вымощенные дороги появились в большинстве крупных городов. Современная система фильтрации воды, канализационная система, антималярийные мероприятия способствовали снижению младенческой смерти. При городских муниципалитетах была введена должность постоянного ответственного лица за состоянием здравоохранения.

Пытаясь как-то предотвратить инфекционные заболевания, правительство хедива ввело штрафные санкции к тем лицам, которые отказывались от вакцинации. Но не всегда штрафные санкции достигали желаемого результата. Так, например, в городской больнице Порт-Саида произошёл такой случай: за отказ регистрировать и вакцинировать ребёнка одного местного жителя оштрафовали на 5 пиастров (около 1 шиллинга). Египтянин не смог заплатить эту сумму с заработной платы в 30 шиллингов, и предпочёл идти в тюрьму на 28 дней [3: 1888. № 1. 1085].

К решению санитарных вопросов в провинциальных городах привлекались местные жители. К 1895 году в девяти городах были созданы городские комиссии, на деятельность которых выделялась сумма в размере более 17 тыс. ег. фунтов. Хотя, по мнению Кромера, «этой суммы было недостаточно для любых серьёзных санитарных работ», тем не менее, он высказал удовлетворение тем, что такие начинания «дадут возможность на много улучшить состояние городов по содержанию в них поверхностной чистоты». Лорд Кромер высказывался о необходимости принятия закона в отношении прудов со стоячей водой, расположенных в сельской местности

вблизи большинства египетских деревень. Кромер понимал, что города без канализации становятся рассадниками инфекционных заболеваний. Он предлагал: либо правительство хедива должно выделять определённые суммы, либо следует вводить местное налогообложение на нужды санитарного обустройства городов. По инициативе лорда Кромера была назначена комиссия для поиска оптимальных путей реализации данной проблемы [1: 12-13].

Санитарные «блага» распространялись не на всё население страны. Преимуществами пользовались богатые жители, бедных едва они касались. Бедняки не обеспечивались фильтрованной водой, состояние сточных вод находилось на низком уровне. Смертность среди бедняцких семей была высокой. В Каире, например, в богатых жилых кварталах уровень смертности был в два раза ниже, чем в бедных кварталах [4: 355]. В связи с дефицитом лекарств весьма сложная ситуация сохранялась на протяжении длительного времени существования колониального режима.

Сельская местность в годы колониальной оккупации Египта находилась в чрезвычайно запущенном состоянии. Египетские деревни не обеспечивались качественной питьевой водой, отсутствовала и система сточной воды. Обычно питьевая вода доставлялась из оросительных каналов, которые использовались и для других целей, включая стирку белья. Наиболее распространёнными заболеваниями в сельской местности были инфекционные болезни, поражающие брюшную полость (кишечник) [5: 150]. Хронические заболевания чаще поражали население районов, где отсутствовала система круглогодичного орошения.

Во время колониального господства британцев в Египте начало развиваться хлопковое хозяйство. К началу XX века более 30% посевной земли было отведено под хлопок. На крупных хлопковых плантациях широко использовался наёмный труд. Владельцы плантаций заботились о том, чтобы иметь здоровых труженников. При их участии организовывалось знакомство феллахов и рабочих с элементарными правилами соблюдения гигиены, проводились работы по очистке оросительных каналов. Иногда проходила

массовая вакцинация трудового населения. Вопрос о проведении санитарных реформ в Египте обсуждался в палате общин британского парламента в 1894 году [3: 1894. № 1. 92]. Хедивские власти вместе с британской колониальной администрацией в Египте организовывали мероприятия по оздоровлению страны, понимая их положительное влияние на развитие медико-санитарной страны, проводились акции по оздоровлению населения. Колониальными властями выделялись небольшие средства на строительство больниц в провинциальных городах [1: 16].

Первые усилия по оздоровлению сельского населения стали предприниматься с 1900 года. В связи с тем, что многие жители деревень страдали глазными болезнями, организовывались передвижные больничные палатки. Состав медицинских работников этих палаточных больниц был снабжён специальным оборудованием для диагностики и лечения заболеваний, а также для проведения срочных операций. Этот эксперимент оказался популярным и число больничных палаток, перед первой мировой войной, значительно увеличилось [4: 355]. Опытная программа имела такой успех, что департамент санитарии и общественного здравоохранения решил использовать этот опыт для решения подобных проблем, связанных с такими болезнями как белградией и немотодой. Стали создаваться палаточные больницы, специализировавшиеся на кишечных заболеваниях.

Серьёзный недостаток программы состоял в том, что сохранялась возможность повторного заражения больного, находящегося на лечении в таких больницах. Кроме того, феллах, выписанный из больницы, мог повторно подхватить эту инфекцию по возвращении в деревню. Только после первой мировой войны была принята программа по дезинфекции каналов. Несмотря на то, что палаточные больницы были популярны, их деятельность оказалась мало продуктивной. Ввиду отсутствия эффективной программы по профилактике заболеваний эти больницы могли обеспечить только временный курс лечения, который не всегда себя оправдывал.

Несмотря на скромные усилия, предпринятые хедивским правительством, уровень медико-санитарного обслуживания населения, особенно в сельской местности, был незначительно изменён во время британской оккупации Египта. Сохранялась традиционная практика лечения у непрофессиональных и не имеющих разрешения на медицинскую деятельность врачей и знахарей. Продолжали существовать антисанитарные привычки у деревенских жителей, они не могли избежать опасности из-за употребления небезопасной питьевой воды.

Следует отметить, что колониальная администрация совместно с хедивскими властями осуществляли реорганизацию в целях улучшения санитарии и общественного здравоохранения Египта. Улучшалось состояние ряда населённых пунктов, в первую очередь крупных городов. Предпринимались первые шаги по борьбе с различного рода эпидемиями, строились и оборудовались медицинские учреждения, организовывались передвижающиеся палаточные больницы и медицинские экспедиции. Медленно, но происходила трансформация отношения коренных жителей к профилактическим и лечебным мероприятиям. Для решения вопросов санитарии привлекалось местное население (на добровольной основе), вводилось специальное налогообложение в целях улучшения медико-санитарного обслуживания населения. Тем не менее за период оккупации Египет не мог преодолеть отсталость в этой сфере, что не могло не вызывать недовольства передовых представителей египетского общества. Одним из выразителей национальных интересов становилась растущая прослойка государственных и административных служащих в рядах формировавшейся новой интеллигенции Египта.

Примечания.

1. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 317. Дипломатическое агенство и генконсульство в Египте. Оп. 820/1. Д. 149.
2. Colvin A. The making of Modern. N.Y., 1906.
3. The British Medical Journal – URL: <http://www.bmj.com/egi/pdf-extract>.

4. Tignor R.L. Modernization and British Colonial Rule in Egypt, 1882-1914. Princeton, 1966.
5. Worthington E.V. Middle East Science. L., 1946.

ПЕРВЫЕ РОССИЙСКО-ИРАНСКИЕ МЕДИЦИНСКИЕ КОНТАКТЫ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

Никонов О.А.

*Московский педагогический государственный университет,
г. Москва, Россия, e-mail: lapshina.nni2012@yandex.ru*

Одной из внешнеполитических задач российского правительства во второй половине XIX столетия стало сохранение взаимовыгодных отношений с Иранским государством. В годы Крымской (Восточной) войны этот южный сосед проявил по отношению к России дружественный нейтралитет, не позволив британским войскам свершить бросок через иранскую территорию в российское Закавказье. Пойти на такое решение иранских властей в немалой степени побудило то обстоятельство, что они дорожили сохранением политических и торговых отношений с Россией. Российская сторона со своей стороны инициировала расширение связей за счёт охвата сфер народного просвещения, культуры и профессионального образования [3]. Со второй половины XIX в. проявились первые контакты между Ираном и Россией в области общественного здравоохранения, получившие заметное развитие в XX в. Следует отметить, что данный вопрос почти не отражён в исторической литературе. Предлагаемое сообщение может служить одной из попыток обозначить эту проблему.

Здравоохранение стало, пожалуй, единственной сферой сотрудничества обеих стран, которая нашла беспрекословное одобрение со стороны шаха Ирана. Ещё в 40-х годах XIX в. русские военные врачи, состоящие при расквартированном гарнизоне на острове Ашур-Адэ в Каспийском море,

совершали поездки по прибрежным иранским селениям. Они посетили и город Астрабад. Целью поездок было оказание бесплатной медицинской помощи местному населению. Поездки врачей были предприняты по просьбе иранских властей. На их осуществление в 1847 г. императором Николаем I было разрешено потратить из фонда российской миссии до 150 золотых червонцев. Командир военных судов справедливо полагал, что благотворительная деятельность была весьма полезной для сближения в отношениях с местным населением. При содействии русских медицинских работников, благодаря их усилиям были открыты санитарные станции в Энзели, Астаре, Бендер-Гази и Мешедессере. Ежегодно на этих медстанциях стали получать медицинскую помощь до 15 тыс. человек. Конечно, вряд ли можно считать деятельность русских врачей совершенно бескорыстной. Военное командование полагало, что медики могли доставлять полезные сведения о мало известных районах Северного Ирана [1: ф. 194, оп. 1, д. 1933, л. 26; 2: 381-382].

С вхождением среднеазиатских земель в состав Российской империи в закаспийском местечке Турбет-Хайдарм был организован стационарный госпиталь. Это медицинское учреждение стали обслуживать полковые врачи Закаспийского военного округа. Несмотря на стеснённые условия, госпиталь обслуживал и жителей приграничных селений Ирана. Первоначально медицинскую помощь оказывали под открытым небом или в палатках. Вскоре госпиталь завоевал доверие среди местных жителей и иранцев, посещавших его [1: ф. 194, оп. 3, д. 471, л. 1об.]. Подтверждением тому могут служить свидетельства, содержащиеся в рабочем отчёте врача госпиталя Рубио за 1899 г., в котором было отмечено, что только за месяц июнь ему пришлось обслужить более 500 посетителей [1: ф. 194, оп. 3, д. 471, л. 1об.]. В следующем месяце к врачу повторно обратились 263 человека с диагнозом лихорадки и сифилиса [1: ф. 144, оп. 488, д. 481, л. 4об.]. Главную причину рецидива заразных болезней российский врач видел в чрезмерном и почти поголовном употреблении населением наркотиков.

В том же году в российскую миссию в Тегеране поступили отчёты врача Виноградова о проведённом медицинском обслуживании жителей Кирмана. Виноградовым подтвердились выводы врача Рубио. Он писал: «В Кирмане не имеется дома богача или самого последнего бедняка, где не было хотя бы одного терьякеша (подобно тому, как и нет ни одной семьи, свободной от сифилитика)». По утверждению врача Виноградова, очень многие иранцы выкуривали до 12 граммов наркотиков ежедневно, причём даже муллы были в этом замечены. В среднем жители Кирмана выкуривали и съедали опиума ежедневно на 2-2,5 тыс. рублей [1: ф. 194, оп. 3, д. 471, л. 14об.]. Курение опиума являлось большой бедой всего населения Ирана.

Учитывая это обстоятельство и угрозу проникновения в среднеазиатские районы Российской империи наркотических средств из соседнего Ирана, царскими властями была развернута планомерная борьба против культуры мака, проводилась замена маковых посевов на посевы технических культур (хлопок, джут, кенаф). Шахскому правительству со стороны России предлагалось содействие в организации работы в том же направлении. В то же время оказывались услуги медицинского характера по преодолению последствий употребления иранскими гражданами опиума. Там, где не удавалось устроить больницу или медицинский пункт, врачи приписывались в качестве штатных единиц к российскому консульству. Такие примеры наблюдались в Мешхеде и Систане [1: ф. 144, оп. 488, д. 702, л. 2об.].

Низкая санитарная культура населения, нищета, многочисленные бытовые и религиозные предрассудки, слабое развитие медицинской помощи, отсутствие больниц и диспансеров – всё это способствовало распространению эпидемий тяжёлых болезней. В стране отсутствовали какие-либо законы о здравоохранении, не имелось в достаточном количестве квалифицированных врачей и санитаров. Ограниченность и малая эффективность инициатив со стороны местных властей относительно развития иранского здравоохранения были обусловлены не только беспомощностью государственной власти, но и личностью самого Наср эд-Дин-шаха, которого современники считали скупым,

корыстолюбивым, властолюбивым и крайне жестоким, больше заботившимся о своем гареме, нежели об общественных делах [4: 73].

Имелись и другие объективные причины. К числу главных среди них можно отнести господство шариатского законодательства и большой вес шиитского духовенства в быту и повседневной жизни иранцев. Нередко духовные служители не рекомендовали мусульманам обращаться к врачам за медицинской помощью, муллы запугивали их светской медициной. И для того имелись веские основания. Издавна иранцы проявляли недружелюбие к иноверным (кафирам). Большинство населения страны предпочитало пользоваться «услугами» знахарей (лекарей-самоучек), повитух и бабок. Медицинским работникам предстояло сломать недоверие простых людей к профессиональным врачевателям, и перемены стали проявляться. Даже среди шиитского духовенства наблюдались перемены в отношениях к медицине. Некоторые муллы и муджтахиды стали обращаться к российским медицинским работникам. В качестве примера можно сослаться на уникальный случай, произошедший в Энзели в 1898 г. Неожиданно русского врача вызвали для оказания скорой помощи мулле в мечеть – святыню святых мусульман, куда неправовверные не допускались. Не менее удивительным выглядит случай, имевший место в Мешедессере, когда авторитетный и популярный 90-летний старец – хаджи Мохаммед Керим позвал русского врача Макарова для лечения своей больной жены [1: ф. 194, оп. 1, д. 1933, л. 36].

Российские врачи, дипломаты, купцы, находившиеся в Иране, откликались на призывы принять участие в сборе средств на проведение санитарных работ, что, конечно, поднимало авторитет России в глазах иранцев. Российское правительство проявляло заинтересованность к профилактическим мероприятиям в Иране, так как опасалось проникновения эпидемий болезней в свои владения в Средней Азии и Закавказье. Особенность первых российско-иранских медицинских контактов проявлялась в передаче русскими врачами своего опыта в ходе медицинской практики иранским коллегам, способствуя тем самым росту их профессионального уровня. Здравоохранение становилось

сферой общения людей разных цивилизаций, позволявшего познавать быт, культуру и другие реальности жизни друг друга. При этом важным фактором общения между ними становилось знание языка. В этом отношении России предстояло решать возникавшие проблемы в связи с открывавшимися новыми перспективами расширения сотрудничества с сопредельной страной.

Примечания.

1. Архив внешней политики Российской империи.
2. Никонов О.А. Иран и Центрально-Азиатский регион во внешнеполитических планах Российской империи (первая половина XIX века). Владимир: ВГГУ, 2010.
3. Никонов О.А. Профессионально-образовательные контакты с Россией в свете формирования иранской интеллигенции (вторая половина XIX – начало XX в.) // Интеллигенция и мир. 2011. № 2.
4. Рустам М. Персия при Наср эд-Дине шахе. СПб., 1897.

**К 25-ЛЕТИЮ РАСПАДА ЮГОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВА
(1990 – 1992 ГГ.): КАК ЭТО ПРОИЗОШЛО.**

Новиков С.С.

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых г.

Владимир, Россия, novikov-sergey@bk.ru

Сепаратистский процесс в Словении и Хорватии развивался в обеих республиках параллельно и порою даже синхронно. Уже в 1990 г. Союз Коммунистов Словении, позже ставший Партией демократического обновления, выдвинул лозунг в своей программе: «СК Словении – за конфедеративную Югославию» и настоятельно подчеркнул право республики на отделение (его называли «раздружением») и суверенитет.

Хорватия же в принятой в декабре 1990 г. Конституции в ст. 140 провозгласила: «Республика Хорватия остается в составе СФРЮ до нового

соглашения Югославских республик или до тех пор, пока Хорватский Сабор (Парламент) не примет другого решения» [17]. В этой же статье утверждалось право Хорватии защищать свою целостность – проблема крайних сербов уже остро давала о себе знать, и поэтому принимались превентивные меры.

Одновременно – 25 июня 1991 г. – обе республики заявили о своей независимости и начали процедуру сецессии от Югославии. При этом на торжествах, состоявшихся по этому случаю в Любляне, присутствовали австрийский и швейцарский консулы, что было прямым вызовом Белграду и откровенным поощрением Любляны, когда она, без согласования с центром приступила к проведению акции, которую авторы одного из объективных исследований по проблеме войн на Балканах определили как «пощечину, заведомо предназначенную вызвать жесткую реакцию» [16: 159]. Речь о замене указателей «Югославия» на границах с Италией и Австрией на указатели «Словения». Именно она послужила формальным поводом для начала войны между Белградом и Любляной, получившей имя «десятидневной». Она трактовалась СМИ как попытка Милошевича военной силой удержать непокорную республику – попытка, отбитая героическим словенским народом. В реальности же все выглядело несколько иначе.

Речь шла скорее об имитации войны, весьма похожей на действия Горбачева в Литве. Словения потеряла 9 человек, ЮНА, по разным оценкам, – от 40 до 44. И это при том, что контингент ЮНА, дислоцированный на этот момент в Словении, составлял около 20 тысяч. Также были направлены дополнительные контингенты из Южной Сербии и Хорватии [6: 228].

7 июля на о. Бриони состоялась встреча представителей ЕС, лидеров Словении и Хорватии, членов Президиума СФРЮ, председателя Союзного Исполнительного Вече, министра внутренних дел и Союзного секретаря по народной обороне. Итогом стали Декларация о мирном разрешении кризиса и принятие трехмесячного моратория на реализацию решения о выходе Словении из состава СФРЮ [6: 228]. Однако уже 20 июля начался вывод ЮНА из Словении, что означало признание ее независимости де-факто.

Главной причиной разворачивания конфликтов на территории Хорватии, а затем и Боснии и Герцеговины стало нежелание признать право на определение своей судьбы за теми сербами, которые проживали в СФРЮ за пределами собственно Сербии, в первую очередь в Хорватии и Боснии. Основной силой сопротивления распаду были сербы, остававшиеся на отделяющихся территориях (3 миллиона сербов из 8, проживавших в СФРЮ) [5: 17].

После прихода к власти Франьо Туджмана и его ХДС, сербы Краины поставили вопрос о культурной автономии. Принятие в декабре 1990 г. новой Конституции, лишившей сербов статуса государствообразующего народа, и низведение их до положения национального меньшинства, резко обострили ситуацию. Начались увольнения сербов с работы (поголовные – из силовых структур), руководители Сербского культурного общества «Зора», целью которого была защита культурного наследия сербов в Республике Хорватии, были арестованы хорватскими властями. В г. Даруваре две партии – правящее ХДС и Инициативный комитет по созданию Хорватской демократической партии (далее - ХДП) – распространили текст-плакат, чтобы распознавать среди соседей «пятую колонну», то есть сербов. Предлагалось узнавать их по употреблению сербских слов, по нежеланию отказаться от родительного падежа, по направленности антенн на восток и т.д. Появились надписи: «Запрещен вход ЮНА, четникам и собакам». В Пакраце, в Западной Славонии, стены были исписаны лозунгами: «Сербы, убирайтесь из Хорватии!» [13: 34-35]. После поднятия 25 июля 1990 г. усташского «шахматного» флага последовали первые столкновения.

Поводом для столкновений стала попытка запретить референдум, проводимый сербами и их отказ устанавливать новые хорватские флаги с символикой НГХ периода Второй мировой войны. В конце июля 1990 г. в местечке Срб в Лике в присутствии 150 тысяч человек было сформировано Сербское национальное вече как единственный легитимный орган сербов в Хорватии. В августе был проведен сербский референдум, а в декабре 1990 г.

после принятия Хорватской Конституции, сербы провозгласили создание Сербской автономной области Краины (далее – САО) и приняли ее Устав.

17 августа 1991 г., в ответ на ночное нападение «отряда особого назначения» на милицейский пост в Бенковаце сербы изымают оружие у резервного милицейского состава и возводят баррикады на транспортных путях [4: 256]. Началось «сербское восстание» в Книнской Краине.

Требования СИВа к хорватским властям не препятствовать плебисциту сербов, а к сербскому населению Краины – убрать баррикады, ни к чему не привели. Для сербов Книнской Краины войти в состав Хорватии на предложенных условиях было невысказано; для Хорватии же значение Книна, крупного узла всех железнодорожных линий далматинского побережья определялось прежде всего тем, что от него зависела туристическая индустрия. Поэтому Туджман потребовал вернуть Книн под контроль Загреба [4: 256]. Однако сделать это мирным путем, было уже невозможно.

К началу 1991 г. началось формирование собственных силовых структур: 4 января 1991 г. было создано МВД Краины; Президент Хорватии Ф. Туджман принял решение о создании Вече народной обороны и защите конституционного порядка в ней. Оно сразу же присвоило себе всю полноту власти в военной области. Когда 31 января 1991 г. военный трибунал в Загребе отдал распоряжение об аресте Мартина Шпегеля, министра обороны Хорватии, в связи с аферой с нелегальным ввозом оружия [6: 231], Вече народной обороны Хорватии отвергло эти обвинения, и Шпегель так и не был арестован.

Попытка Президиума СФРЮ вмешаться в процесс оказалась безуспешной: девятого января им был издан Указ о расформировании всех нерегулярных вооруженных формирований. Однако Словения и Хорватия отказались. 17 января 1991 г. состоялась встреча делегаций Словении и Хорватии в Мокрицах, где была достигнута договоренность о сотрудничестве в сфере обороны и безопасности. 20 января, на предвыборном собрании ХДС заместитель председателя Президиума СФРЮ Стипе Месич отметил, что Хорватия через торговые связи вооружила свою полицию, взяла курс на

самооборону и что единственные нелегальные военизированные формирования в Хорватии – это те, которые сформированы сербами в Книнской Краине.

В том же месяце сербы под руководством одного из лидеров национальной самообороны (в западной литературе принято наименование «парамилитарные отряды») Милана Мартича овладели важным районом Плитвицкого национального парка, и он потребовал от Милошевича передачи вооружения отрядам самообороны, а похороны убитого Райко Вукадиновича прошли под знаком устрашающих воспоминаний об устахах.

В начале апреля в Хорватии все граждане, способные носить оружие, были призваны записаться в Добровольческие отряды Национальной защиты. Звучали лозунги: «Все для Хорватии!».

Ответ сербов был адекватным: еще 19 марта все общины САО Краины решили выйти из Республики Хорватия, а 1 апреля Исполнительный совет национального вече САО Краины решил присоединить Краину к Республике Сербия. В этих условиях предотвратить войну можно было только одним способом: признать за сербами Краины право на самоопределение, как за хорватами, но это исключали как Хорватия, так и Европа. «Европейское сообщество, взяв на себя роль арбитра, изначально исходило из свершившегося факта распада Югославской Федерации...» [10: 114].

Стычки начались и в селах Восточной Хорватии, где центром сербского неповиновения стало Борово Село под Вуковаром. В середине апреля впервые была применена артиллерия – группа хорватов под командованием Гойко Шушака, выпустила три ракеты по Борову Селу, а в ночь на 1 мая в него попытались войти 4 хорватских полицейских, которые были застрелены. На следующий день попытку повторила целая группа, в завязавшейся перестрелке погибли 12 хорватов и 5 сербов. В село вошла ЮНА, но она уже стала второстепенной силой. Инициативу взяли «парамилитарные отряды» прибывшие из самой Сербии: «Тигры» Желько Ражнатовича (Аркана) и «Четники» Воислава Шешеля.

Запад не обращал внимания на то, что 3 мая в Задаре и Шибенике прошли сербские погромы, на выступление 5 мая Ф. Туджмана в Трогире, где он призвал к выпуску военной продукции и к бунту против ЮНА.

12 мая 1991 г. крайним сербам было предложено высказаться на референдуме по вопросу о том, хотят ли они стать частью Республики Сербия. В западной печати этот референдум был осмеян «как фарс, прикинувшийся демократией», и политики не собирались считаться с выраженной волей крайних сербов. Зато восприняли прошедшее 19 мая 1991 г. в Хорватии голосование за создание независимого государства.

Чувства сербов выразил Младен Йович, лидер повстанцев Борова Села: «Все выглядит так, как если бы хорватскими лидерами стали те же самые люди, что зверски убивали сербов во время войны... мы не хотим, чтобы нами правили такие люди».

В конце мая началось многодневное заседание Сабора Хорватии, в повестке дня которого было принятие ряда законов в связи с отделением от Югославии. 17 июня Хорватская партия права обнародовала Июньскую хартию, в которой выдвинула требование «обновления и восстановления НГХ на всей исторической и этнической территории с восточными границами: Суботица – Земун – Дрина – Санджак – Которская бухта» [10: 361-362]. Очерченная граница выходила за пределы республики Хорватия, означала практическое включение в нее всей Боснии и Герцеговины, частей Воеводины, Черногории и Сербии и, по сути, свидетельствовала о стремлении к восстановлению государства Анте Павелича. И это не изменило симпатий Запада. Это напоминает украинский кризис 2014-2015 гг.

25 июня, одновременно со Скупщиной Словении, Сабор Хорватии принял Декларацию о провозглашении самостоятельной и суверенной Республики Хорватия. По мнению профессора политической философии Загребского университета Жарко Пуховски, человека близкого к Туджману, главными стратегическими целями Хорватии были: формирование этнонационального государства; очищение от сербского меньшинства;

установление контроля над «традиционными» хорватскими территориями; признание Европой и миром; безопасность политической системы [15: 44-45].

После провозглашения Декларации о независимости руководство Хорватии объявило федеральный закон о военной службе недействительным и приступило к формированию собственных вооруженных сил, численность которых с июня по август 1991 г. возросла в 6 раз (с 20 до 120 тысяч) [4: 437].

Шел интенсивный процесс их вооружения – на основе как закупок за рубежом, так и налаживания военного производства на республиканских заводах. По сообщению газеты «Народна армия», из-за рубежа Хорватией были получены средства ПВО, аналогичные имевшимся у ЮНА; а позднее – малые переносные ракетные системы американского производства типа «Стингер».

После ожесточенных летних сербско–хорватских столкновений в треугольнике Осиек – Вуковар – Винковцы, а также в Придунайской Хорватии к середине августа сербы при поддержке ЮНА завладели примерно 15% территории Хорватии. Тогда хорватское руководство пошло на реабилитацию и легализацию усташества. Был разрешен въезд усташей из стран Латинской Америки, Австрии, Германии. Есть документальные данные, согласно которым захваченных в плен сербов усташа, опьяненные реваншем, сажали на кол, выкалывали им глаза, отрезали уши, живыми бросали в шахты [10: 189].

Примечательно, что уже 28 июня ЕС, направивший в Югославию миротворческую министерскую «тройку» в составе Жака Поса, Джани де Микелиса и Ханса Ван ден Брука, принимает решение заморозить всякую экономическую помощь Югославии. Это стало началом политики санкций.

Переговоры в этих условиях не могли привести к значимому результату. А 1 июля ситуацию взорвало убийство в районе с. Клиса Иосипа Рейхл–Кира, шефа полиции г. Осиек, который отличался умеренными взглядами и стремился к мирному урегулированию споров с сербами. Убийцей его, согласно большинству источников, был не серб, а хорват Антун Гуделя, эмигрант из Австралии; поручение ему дал крайний хорватский националист Бранимир Главаш,

объединивший хорватских экстремистов в районе Осиека. Они ненавидели Кира за его миролюбие, а также – что он собирал на них досье.

В январе 2000 г. правительство Хорватии приняло решение о закрытии в архивах на 30 лет нескольких тысяч кассет с записями разговоров президента Ф. Туджмана с различными политиками, в том числе и с Милошевичем. В прессе; вновь возникла версия раздела Боснии и Герцеговины по взаимной договоренности. Ссылаются на то, что среди частично опубликованных материалов есть и такие, которые подтверждают договоренности Президентов о взаимной поддержке военных преступников.

22 июля 1991 г. на заседании Президиума СФРЮ было принято Заявление о неприменении силы для разрешения конфликта. А на пресс-конференции Ф. Туджман сделал подстрекательское заявление: «Население должно быть готово, возможно, и к всеобщей войне за оборону Хорватии» [б: 237]. Оно резко контрастировало со словами Милошевича: «Сербия не воюет», и этих слов до сих пор не могут простить ему многие крайние и боснийские сербы, считая, что именно они развязали руки хорватской стороне.

20 августа 1991 г. хорватские отряды территориальной обороны блокировали два небольших гарнизона ЮНА в Вуковаре. В их действиях активное участие принимали военизированные группировки Добросава Параги, которого даже западные журналисты именовали неонацистом и в отряды которого вливались по большей части, прибывающие из-за рубежа усташи и иностранные наемники. Международное общественное мнение безмолвствовало, на что позже в беседе с итальянскими журналистами Ратко Младич, в 1991 г. командующий 9-го корпуса ЮНА в Книне, указал как на вопиющее проявление политики двойных стандартов. 25 августа казармы были блокированы и в Сплите, а 27 августа Белград обратился в Совет ЕС с просьбой повлиять на хорватские власти с тем, чтобы они прекратили террор против сербов [11]. Просьба осталась без ответа.

В сложившейся ситуации сербам оставалось действовать самостоятельно, и 24 сентября 1991 г. части ЮНА (390 БМП, 400 танков и 280 других моторизованных единиц) двинулись на город. Этот день и можно считать началом

войны, хотя сама операция началась 3 сентября (командовал генерал Панич). Она имела специфический характер: не было ни одного крупного сражения, однако в течение двух месяцев город обстреливался из сотен орудий, с самолетов, военных судов.

Тем временем в Краине господствовал хорватский террор: Госпич (здесь было убито около 80 сербов – гражданских лиц) [2], Дарувар, Карловац, Вировитица, Сисак, Огулин – все это места этнических чисток. Но об этом западные СМИ молчали, тогда как антисербская истерия нарастала.

Странными и непоследовательными выглядели действия руководства Югославии. Захватив Вуковар (город пал 19 ноября 1991 г., и вернувшиеся в Белград части ЮНА прошли под специально сооруженной в честь этого триумфальной аркой, многие получили награды и повышения), но уже 23 ноября согласилось с планом Сайруса Вэнса, уполномоченного представителя ООН. План предусматривал вывод ЮНА из Хорватии, возвращение беженцев, создание полиции на мультиэтнической основе и разоружение краинских сербов. Последнее условие, в сложившейся ситуации, было абсолютно невыполнимо; что касается первого, то Белград приступил к его исполнению. Это вызвало негативную реакцию краинских сербов, которую Милошевич проигнорировал. Хотя поставки оружия из Сербии в Краину через Боснию продолжались, краинские сербы оказались предоставлены своей участи.

Еще 23 октября 1991 г. на Конференции по Югославии, проходившей в Гааге, ее председатель – министр иностранных дел Великобритании лорд Каррингтон представил новый проект, где было исключено ранее принятое положение о действии специального статуса для сербов в Хорватии, несмотря на то, что были представлены факты политики геноцида по отношению к сербам. Уже 29 октября министры иностранных дел стран ЕС объявили о введении экономических санкций, если Сербия до 4 ноября не примет предложение лорда Каррингтона [6: 239]. Санкции были введены 7 ноября 1991 г. СССР присоединился к ним в части эмбарго на поставки вооружений.

9 ноября 1991 г. Президиум СФРЮ попытался предотвратить неизбежное и направил Совету Безопасности ООН письмо, в котором просил о немедленном направлении миротворческих сил ООН в Хорватию. 27 ноября Совет Безопасности принял Резолюцию 721 о необходимости такого направления, но уже 1 декабря на совещании стран «шестерки» в Венеции, еще до формального признания отделяющихся республик, было объявлено, что «Югославия в прежнем виде больше не существует» [6: 240].

Уже 5 декабря Хорватский Сабор отозвал С. Месича из Президиума СФРЮ. По этому поводу Месич произнес: «Спасибо за оказанное мне доверие бороться за интересы Хорватии на том участке, который был мне поручен. Думаю, я выполнил задание – Югославии больше нет» [10: 370].

В ответ на это 19 декабря 1991 г. население Краины провозгласило Республику Сербская Краина (далее - РСК) [7]. Скупщина Краины приняла постановление, согласно которому на территории РСК должна была действовать Конституция Югославии; и поскольку такое самоопределение краинских сербов произошло еще до формального признания Хорватии, никаких оснований считать сепаратистами именно их и только их не было.

25 января 1992 г. Хорватия и Словения получили признание ЕС, Германия же признала их еще 23 декабря 1991 г. Не все политики были согласны с таким «скорым и избирательным признанием независимости» [14: 21]. Бывший госсекретарь США Лоренс Иглбергер, говоря об ошибках американской внешней политики, упоминает и поспешное признание Словении, Хорватии и Боснии. До Иглбергера подобное заявление сделал другой бывший Госсекретарь США Джеймс Бейкер [1: 77]. Факт, что Хорватия получила международное признание, не решив сербский вопрос и не контролируя около 1/3 своей территории, создавал неустойчивую ситуацию.

26 апреля 1991 г. сформирована Скупщина объединенных общин Босанской Краины, а 24 июня в Баня Луке подписан договор о сотрудничестве Босанской Краины и САО Краины. 27 июня объявлено об объединении

Босанской Краины и САО Краины и обнародована Декларация, где подчеркивалось, что объединение сербов – непреложная задача.

Несмотря на обостряющуюся обстановку в республике, А. Изетбегович отказался от участия в состоявшейся 12 августа 1991 г. в Белграде встрече высших представителей Сербии, Черногории и Боснии и Герцеговины, на которой была принята Инициатива по мирному решению Югославского кризиса. Уже к октябрю того же года стало ясно, что руководство Партии Демократического Действия и Скупщины Боснии и Герцеговины держат курс на сецессию. Это побудило лидера Босанской Краины Р. Караджича выступить с заявлением о том, что выбранный руководством Боснии и Герцеговины путь ведет в ад, где исчезнет мусульманская нация. Девятого ноября 1991 г. в сербских общинах Боснии и Герцеговины был проведен плебисцит, на котором сербы выразили желание остаться в Югославии.

В такой атмосфере Арбитражная комиссия (ее часто именуют комиссией Бадинтера, по имени руководителя этой группы председателей конституционных судов пяти европейских стран) назначает «deadline» для обращения каждой из югославских республик в международные инстанции с просьбой о признании их независимости – 24 декабря 1991 г.

Решение комиссии Бадинтера несомненно вело к войне в Боснии, более кровавой и жестокой, чем та, что была приостановлена в Хорватии. Даже Изетбегович заметил, что ему навязывают выбор «между лейкемией и опухолью головного мозга» [12: 4]. Выбор был сделан, и соответствующая просьба Боснии и Герцеговины о признании ее независимости была направлена. Уже в конце 1991 – начале 1992 г. произошли масштабные перестрелки в Мостаре и Босанском Броде. Босанский Брод обменялся ударами со Славонским Бродом, расположенным как раз на противоположном берегу р. Савы, в Хорватии.

Что касается Мостара, крупнейшего города Герцеговины, где мусульмане составляли 35% населения, хорваты – 34% и сербы – 19%, то он стал настоящим центром разногласий. Во время Второй мировой войны Мостар был оплотом усташей, и в 1991 г. вновь стал местом средоточения самых крайних

хорватских националистов, надеявшихся превратить его в столицу собственного мини-государства Герцег–Босна.

Босния и Герцеговина занимала совершенно особое место в оборонной системе СФРЮ. Здесь были сосредоточены крупные танкодромы, аэродромы, ракетные базы, резервные командные пункты. Здесь было сосредоточено 65% военной промышленности бывшей СФРЮ, в том числе заводы по ремонту крупной военной техники. Трудно представить, чтобы сецессия подобной территории могла произойти совершенно бесконфликтно.

Работу комиссии Бадинтера можно охарактеризовать, как провокационную и разрушительную. В Маастрихте, где главы государств 12 стран ЕЭС рассматривали югославскую проблему 9–10 декабря 1991 г., она заявила, что демаркационные линии между республиками бывшей Югославии могут подвергаться изменению только по «свободному и взаимному» соглашению, при отсутствии которого они считаются «защищенными международным правом» [9].

Вслед за решением Маастрихта о нерушимости внутренних (но, не внешних) границ СФРЮ Комиссия Бадинтера 11 января 1992 г. сделала заявление: «Арбитражная комиссия пришла к мнению, что стремление народа Боснии и Герцеговины объявить государство независимым и суверенным не может быть принято как полностью осуществленное. Такая оценка могла бы быть изменена, если бы были даны гарантии со стороны Республики, которая обусловила требование признания референдумом, к участию в котором под международным контролем допускались бы все граждане Боснии...» [18: 92].

Это стало решающим в окончательном распаде республики. Сербы бойкотировали референдум 29 февраля 1992 г.; хорваты же приняли в нем участие, имея в виду свои дальние цели (создание государства Герцег–Босна), для чего сецессия Боснии и Герцеговины была необходимой предпосылкой. Накануне проведения референдума обстановка в Сараево была напряженной. Давление средств массовой информации переходило в психологический террор, а Велимир Остоич, министр информации правительства Боснии и Герцеговины, заявил, что

специальные подразделения МВД республики в течение двух дней заняли здание РТВ в Сараево. Взрыв в мечети в г. Баня Лука еще больше осложнил обстановку, и, выступая накануне референдума в гостинице «Холидей Инн», Караджич заявил по этому поводу: «Изетбегович совершенно недопустимым образом сваливает на сербов вину за участвовавшие диверсии в Боснии и Герцеговине. Взрыв в мечети в Баня Луке – дело рук не какого-либо народа, а преступников! Все это сделано накануне их референдума, чтобы показать европейскому сообществу новую вымышленную серию преступлений сербов. И поэтому мы рады приходу голубых касок – пусть они будут объективными наблюдателями...» [8]. Далее - самое главное: о единой Боснии больше не может быть и речи, размежевание по этническому принципу – единственный способ избежать войны. «Господин Изетбегович может присоединять свое государство к кому хочет, но без сербской Боснии и Герцеговины. Он отлично знает, где обладает властью, а где нет. Будем разумными, признаем, что мы разные» [8].

Кризис был неизбежен в силу предвзятой позиции западных государств, слабости России, ее непоследовательности во внешней политике, прихода на место господина «Нет» господина «Да», забвения геополитических интересов России.

Таким образом, процесс перерастания локальных конфликтов в масштабный Югославский кризис стал необратимым. Не последнюю роль в этом сыграли западные государства, использовавшие ООН и другие международные организации в целях развала Югославии. В силу слабости и прозападной уступчивости руководство Российской Федерации не предприняло эффективных мер на международной арене по мирному урегулированию кризиса на Балканах.

Примечания:

1. Брагин Ю. Распад Югославии. Предпосылки трагедии // Международная жизнь. 1995. № 4–5.
2. Валецкий О.В. Югославия в войне. [Электронный ресурс] – URL: www.zhurnal.lib.ru (дата обращения: 14.09.2014).

3. Гуськова Е.Ю. История Югославского кризиса (1990–2000). – М.: Русское право / Русский Национальный Фонд, 2001. – 720 с.
4. Лавренев С.Я., Попов И. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. - М., 2003.
5. Мартынова М.Ю. Балканский кризис: Народы и политика / Институт этнологии и антропологии РАН. – М.: Старый Сад, 1998. – 465 с.
6. Мяло К.Г. Россия и последние войны XX века (1989-2000). К истории падения сверхдержавы. – М.: Вече, 2002. – 480 с.
7. Падение Республики Сербская Краина. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.coldwar.ru/conflicts/yugoslaviya/flash-and-storm.php> (дата обращения: 14.05.2011).
8. Политика. 1992, 3 июля.
9. Уткин А. Новый национализм. [Электронный ресурс] – URL: <http://his.1september.ru/article.php?ID=200003303> (дата обращения: 10.11.2010).
10. Югославия в огне: документы, факты, комментарии (1990–1992). / Отв. редактор Е.Ю. Гуськова. – М.: Экспертинформ, 1992. - 372 с.
11. Югославская трагедия. Часть 3. [Электронный ресурс] – URL: ruscrisis.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1627:1627&catid=38:2009-06-29-2&Itemid=76 (дата обращения: 10.11.2010).
12. Bair A., Dziedzic M. Bosnia. – N. Y., 1998
13. Kovacic Z. Daruvar. Farewell to lies. - Daruvar, 1995.
14. Mortimer E. Europe's Balkan Nemesis // War report. 1998. № 58.
15. Puhovski Z. The real democracy deficit // War report. Bulletin of the Institute for War and Peace. – 1998. – № 58. Feb.–March. – P. 44–45.
16. Udovicki J. The making and unmaking of Yugoslavia. – Durham–London, 1997. – 232 p.
17. Ustav Republike Hrvatske // Vecerni List. 1990. - 23 prosinca.
18. Woodward S. Balkan tragedy: Chaos and dissolution after the Cold War. – Wash.: The Brookings Institution, 1995. – 536 p.

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА ВНУТРЕНнюю ПОЛИТИКУ ШВЕЦИИ В ПЕРИОД 1721-1809 ГОДОВ.

Осяев А.Г.

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина,

г. Рязань, Россия, osyaev83@mail.ru

В современном политическом мире наблюдается очень тесное взаимоотношение между различными государствами. Причём, последние отношения между Россией и странами ЕС показывают, что активная внешняя политика одного из партнёров, может привести к существенным внутренним изменениям в другом государстве.

Подобные влияния дипломатии на ситуацию внутри страны наблюдались ранее. Например, на протяжении XVIII и начала XIX веков происходили активные контакты между Петербургом и Стокгольмом. Инициатором их была Россия. Она, используя свою внешнюю политику на севере Европы, оказывала прямое воздействие на своего соседа. В свою очередь, Швеция пыталась применить вектор русской дипломатии в своих целях.

Первая такая попытка произошла в 1721 году. После окончания Великой Северной войны страны подписали Ништадский мир. Документ, с одной стороны, давал возможность России вмешиваться во внутренние дела Швеции в целях поддержания существующего политического режима в Стокгольме. Речь идёт о Форме правления Швеции 1719 года, которая предоставила всю полноту власти в стране риксдагу. Об этом говорила статья 7 документа. Таким образом, Петербург стал своего рода гарантом шведского политического режима.

С другой стороны, скандинавы согласно положениям статей 4 и 6 получили за потерю Прибалтики ряд торговых льгот и сумму в размере 2 000 0000 риксдаллеров. Эти денежные средства правительство Швеции направило на экономическое возрождения страны после разрушительных итогов кампании 1700-1721 годов и дальнейшее развитие государства. В течении 20-30-х годов XVIII главе риксрода во главе с Хурном поставленные задачи решило – уровень

производства рос, вместе с этим завязались торговые отношения с Китаем, в целом в экономике наблюдалась положительная динамика. Например, в 1720 году средняя годовая заработная плата равнялась в королевстве 50 риксдаллеров, к концу правления Хурна (1738 год) она составляла около 100 риксдаллеров.

Следующий этап отношений двух стран сложился в начале 40-х годов XVIII века. В это время произошёл очередной военный конфликт двух стран. Одним из его итогов стало появление на шведском престоле «русского» короля Адольфа-Фредерика, родственника царицы Елизаветы Петровны. Этот монарх был человеком нерешительным, большей частью выполнял то, что говорили ему из Петербурга. В итоге в 1749 году Елизавета способствовала тому, что Стокгольм отказался от своих прав на часть территории герцогства Шлезвинга и Голштейн. Они ему принадлежали по праву родства – король был представителем из готтопорской династии герцогов Голштейни. Однако он их уступил России. Взамен Адольф-Фредерик получил германские графства Ольденбург и Дельманхорст.

Третий этап взаимоотношений русских и шведов произошёл во второй половине 60-х годов XVIII. Для России окончание Семилетней войны и смена царей привели к дипломатической изоляции. Отношения с Венским альянсом были разорваны, а нового союза с Берлином заключено не было. В итоге на границах Петербурга образовался союз южных держав (Франция, Империя и Испания), которые высказывали недовольство тем, что русские заключили сепаратный мир с Пруссией. Ситуация надо было исправлять. Дипломатия России поставленную задачу начала решать при помощи создания нового союза. Предполагалось подписать ряд соглашений с северными странами: Англией, Пруссией, Швецией, Данией, Польшей и Саксонией. Дипломатическая программа получила название Северного аккорда.

В направлении Швеции она основывалась на попытках финансового подкупа прорусской политической группировки «колпаков». Денежные потоки шли в Стокгольм через русского посла И.А. Остермана. Он с 1763 по 1766 года

получил от казны 295 000 руб. Эти шаги увенчались подписанием торгового договора 1766 года между двумя странами. Однако дальнейшего развития отношения не получили. Спустя три года партия «колпаков» потеряла власть, их сменили «шляпы», хотя русские вновь снабжала их деньгами. Неустойчивой политической обстановкой воспользовался молодой король Швеции Густав III. Он опираясь на финансы Франции и её недовольство активной политикой России, смог провести военный переворот. Его итогом стала новая форма правления, принятая летом 1772 года. Она предусматривала раздел властных полномочий между монархом и риксдагом.

Четвёртый период взаимодействия дипломатии России и внутренней политики Швеции произошёл в период конфликта 1788-1790 годов. Начало войны для Стокгольма развивалось негативно. Его планы по проведению быстрого наступления на столицу русских потерпели фиаско летом 1788 года. Причём, одновременно с этим в Финляндии началось выступление части офицеров, недовольных конфликтом. Густав III решил использовать два этих фактора в своих целях. Он начал активную пропаганду среди бюргеров и крестьян о том, что часть дворянского сословия была куплена Петербургом. По его словам, они действовали в интересах России, открывая, по сути дела, второй фронт. Итогом такой работы монарха стал Акт о безопасности, принятый в феврале 1789 года и предоставлявший королю неограниченные полномочия. После чего Густав III смог окончить конфликт на приемлемых для себя условиях. Он подписал Верейский мир, который отменил статью 7 Ништадского договора.

Заключительным этапом взаимоотношений двух стран в течении XVIII-начала XIX века стала вновь война 1808-1809 годов. Новый конфликт инициировал русский царь Александр I. Ему нужна была маленькая победоносная война, чтобы укрепить своё положение внутри страны, сильно пошатнувшееся после ряда неудач в войне с Францией и подписанного Тильзитского мира.

Конфликт был крайне неудачным для шведов. В 1808 году они потеряли Финляндию и отступили вглубь королевства. Шведскому монарху Густаву IV остановить негативную динамику на фронте и организовать оборону не удалось, хотя он приложил немало усилий. В итоге весной 1809 года против него был организован заговор офицеров. Монарха арестовали. Впоследствии риксдаг лишил династию Ваза право на шведский престол, а весной-летом 1809 года изменил конституцию страны, приняв новую Форму правления. Она значительно расширила полномочия парламента, урезанные конституционным законом 1789 года.

Подводя итог сказанному можно с уверенностью утверждать, что с 1721 года по 1809 года Россия проводила активную дипломатию на севере Европы. Её вектор привёл к изменению внутренней ситуации в Швеции. Взаимодействие двух направлений привело к различным трансформациям политического режима в Стокгольме и его экономическому росту. Однако наблюдались негативные тенденции – Швеция потеряла права на Шлезвинг и Голштинию. Таким образом, видно, что внешняя политика может оказывать существенные влияния на политику в других странах.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ БРИТАНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ, ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ И РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ КРУГОВ О ЦЕЛЯХ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

Портнягин. Д.И.

*Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург,
Россия, dipn.spb@mail.ru*

С окончанием Второй мировой войны Великобритания стремительно утрачивает статус мировой державы и превращается, по выражению самих британцев, в «мировую державу второго ранга». Однако в полной мере осознание кардинально изменившейся роли страны на мировой арене пришло

далеко не сразу. Победившие на парламентских выборах 1945 г. лейбористы, сформировали первое в своей истории правительство большинства во главе с Клементом Эттли и были намерены, опираясь на «особые» отношения с США, оставаться пусть и младшим, но партнёром по «Большой тройке» времён Второй мировой войны. В этом кабинет К. Эттли активно поддерживали британские дипломатические и военные круги. Подобный подход предопределил стремление Великобритании играть активную роль в процессе послевоенного мирного урегулирования. Учитывая это обстоятельство, а также стремительное скатывание бывших союзников по антигитлеровской коалиции к состоянию холодной войны, представляет интерес рассмотрение вопроса о том, какой виделась внешняя политика СССР, её цели и задачи, британским кругам, определявшим внешнеполитическую стратегию своей страны.

Большое влияние на формирование взглядов лейбористского руководства в вопросах внешней политики оказал опыт работы в коалиционном правительстве У. Черчилля. К. Эттли и Эрнст Бевин, будущий министр иностранных дел, участвовали в дискуссиях коалиционного кабинета по широкому кругу проблем послевоенного урегулирования. Начиная с 1943 г. К. Эттли был председателем всех подкомитетов кабинета, занимавшихся вопросами будущего Германии и мирного урегулирования. В ходе дискуссий К. Эттли выступал как сторонник более тесных отношений с США, доказывая, что Великобритания не сможет выполнить все свои имперские и европейские обязательства без американской поддержки, особенно в контексте всё более экспансионистской политики СССР. К. Эттли полагал, что советское наследие преимущественно азиатское, а амбиции СССР в Европе империалистические по идеологическим или территориальным соображениям. [1: 193] Характерно высказывание Э. Бевина, которое он сделал, будучи уже министром иностранных дел о том, что ни разу министры-лейбористы не разошлись во взглядах с министрами-консерваторами по важнейшим проблемам внешней политики [2: Col. 120].

После победы лейбористов на парламентских выборах 5 июля 1945 г., негативное отношение лидеров партии к политике СССР стало очевидным. К. Эттли и Э. Бевин полагали, что в Европе в 1945 г. сложилась неблагоприятная для Великобритании ситуация, поскольку в центральной и восточной части континента присутствуют крупные группировки советских войск. С их точки зрения, подобное положение вещей ставит под угрозу безопасность Великобритании, поскольку СССР агрессивная и опасная держава в силу господствовавшего в ней коммунистического режима. Намерение партийного руководства лейбористов проводить жёсткую линию в отношении СССР ярко проявилось уже в ходе Потсдамской конференции. Как вспоминал государственный секретарь США Дж. Бирнс о первой встрече с К. Эттли и Э. Бевин, позиция последнего в отношении советских претензий на Восточную Пруссию «была столь агрессивна, что президент и я стали опасаться, удастся ли нам поладить с новым министром иностранных дел» [3: 79].

На протяжении 1945-1946 гг. наиболее желательной формой международного порядка для Э. Бевина был концерт Большой тройки периода антигитлеровской коалиции. Во многом эти планы строились на стремлении сыграть роль посредника в грядущих американско-советских противоречиях. При этом, хотя Э.Бевин был весьма критичен относительно политики США в первые послевоенные годы, без сомнения главную угрозу британским интересам он с самого начала видел в политике СССР. Его беспокоило расширение сферы советского влияния в Восточной Европе, причём озабоченность вызывал не столько сам факт её существования, сколько методы, которыми действовал Советский Союз. Опасался Э.Бевин устремлений СССР в Средиземноморье. В частных беседах он высказывал точку зрения, что действительной целью русских является проникновение в Африку и возможность получить уран Бельгийского Конго [4: 50]. Эти подозрения предопределили жёсткую позицию, занятую Великобританией на Потсдамской конференции и лондонской встрече 1945 г. Совета министров иностранных дел.

Поворотным моментом в британо-российских отношениях стали 1947-1948 гг. Политика СССР в восточной Европе, ситуация в Германии и Австрии, проблемы в деятельности ООН, начало реализации плана Маршалла свидетельствовали о полномасштабном начале «холодной» войны, что сделало окончательно невозможным достижение приемлемого для Э. Бевина британо-советского урегулирования. В этой ситуации министр иностранных дел Великобритании выступил с идеей создания некоего западноевропейского союза, который при поддержке США и стран Содружества должен был стать силой, призванной защитить западную цивилизацию от угрозы с Востока. При этом британцы, а не американцы должны были взять лидерство в пропагандистской войне с коммунизмом. За разговорами о «духовном союзе Запада» скрывался истинный мотив политики Э. Бевина, который очевиден из его высказывания на заседании кабинета министров в январе 1948 г.: «Если мы сможем организовать западноевропейскую систему, поддерживаемую силой и ресурсами Содружества и американцев, станет возможным развить нашу собственную силу и влияние до уровня равного США и СССР». [5, Р.350] Таким образом, идея Западного союза сводилась к тому, чтобы сдержать распространение влияния СССР и, тем самым, дать необходимое для экономического восстановления Великобритании и ее империи время, что позволит стране вновь занять место великой державы наравне с СССР и США. Последующее развитие событий показало тщетность надежд лейбористов. Подписание Э.Бевином в 1949 г. договора о создании НАТО означало окончательный разрыв с лейбористской традицией интернационализма и присущих партии на эмоциональном уровне симпатий к СССР. С этого времени важнейшим направлением внешней политики Великобритании становится укрепление атлантической солидарности, что неизбежно трансформировало политику в отношении СССР в сторону конфронтационного подхода.

Остановимся теперь на оценках советской внешней политики кадровыми британскими дипломатами, тех, кто отвечал за подготовку аналитических материалов для политического руководства и осуществлял на практике

выработанный внешнеполитический курс. В британском министерстве иностранных дел разработкой политической линии в отношении СССР занимались целый ряд структурных подразделений. Прежде всего, это Северный департамент министерства, Департамент по информационным исследованиям, который был специально создан для ведения пропаганды и контрпропаганды против СССР. Русский комитет, состоявший из работников различных ведомств министерства и возглавляемый Глэдвином Джеббом, рассматривавший все аспекты советской политики и формировавший консолидированное мнение Форин Офис. Комитет постоянного заместителя министра иностранных дел, который отвечал за стратегические вопросы внешней политики, в том числе и в отношении СССР [6].

Один из наиболее обстоятельных документов, характеризующих доминировавшие в Форин Офис взгляды на СССР, был подготовлен Комитетом постоянного заместителя министра иностранных дел и назывался «Британская политика в отношении Советского коммунизма», окончательный вариант которого был подготовлен к концу июля 1949 г. Доклад состоит из трёх частей. Первая посвящена «русскому империализму» в прошлом и настоящем, вторая анализирует коммунистическую доктрину и её влияние на советскую имперскую внешнюю политику, третья определяет цели и методы британской политики в отношении СССР и его стран-сателлитов в Восточной Европе. Основные выводы по первой части сводятся к следующему. 1) Стремление к экспансии является постоянной чертой русской политики как в прошлом, так и в настоящем. «Россия не единственная экспансионистская держава в истории, но её экспансионизм особенно упорный и его никогда нельзя игнорировать, даже если он на какое-то время ослабевает. ... русский шовинизм и советский военный престиж были значительно усилены Второй мировой войной» [7: 4]. 2) Эта экспансионистская тенденция неизбежно конфликтует с британскими и западными интересами в целом, поскольку ведёт не только к доминированию России в Европе, но и угрожает стратегическим и экономическим позициям Великобритании на Среднем и Дальнем Востоке. 3) Какой бы идеологией не

вдохновлялся русский экспансионизм, он распространяет на новые территории автократичную систему управления, что опять же противоречит как британским, так и западным интересам в целом [7: 4].

Рассматривая во второй части советский вариант коммунистической идеологии как инструмент внешней политики СССР, авторы приходят к следующим выводам. 1) Под влиянием коммунизма экспансионистская политика СССР стала непримиримо и активно враждебна всему некоммунистическому миру, что было не характерно для прежнего русского империализма. 2) Коммунистическая идеология оказалась эффективным инструментом консолидации народов, подчинённых русскому доминированию. 3) Советский Союз, руководствуясь коммунистической доктриной, стремится подорвать некоммунистический мир изнутри. Эта тактика может быть особенно эффективна в колониях и слаборазвитых странах [7: 7].

Наиболее интересной представляется третья часть документа, в которой рассматриваются меры по противодействию политике СССР. Отмечая, что главная цель британской внешней политики – продвижение мира и стабильности, авторы доклада поставили ряд задач, решение которых будет наиболее эффективно способствовать её достижению. 1) Не допустить распространение влияния СССР на новые страны. 2) Ослабить контроль Москвы над теми странами, в которых она сейчас доминирует. 3) По возможности сокращать уже существующую советскую сферу влияния [7: 8].

Дополнительное представление о взглядах британских дипломатов на политику СССР даёт меморандум «Мирное наступление: тактическое отклонение или изменение долгосрочной политики?», подготовленный Русским комитетом в мае 1949 г. Давая определение советской внешней политике, авторы документа выделяют в ней стратегическую и тактическую составляющие, и, если вторая может измениться «дюжину раз», то первая остаётся всегда неизменной. «Основополагающая стратегия – это прогрессирующее распространение коммунистического контроля над остальным миром ... и конечная организация во всём мире плановой экономики

и политической системы, направляемой из Москвы средствами диктатуры пролетариата...» [8: 1].

Остановимся ещё на одном документе. Это меморандум, подготовленный Исследовательским департаментом Форин офис в конце мая 1949 г., и посвящённый анализу факторов, влиявших на изменения внешнеполитического курса Советского государства с момента его возникновения. Более того, авторы записки поставили перед собой задачу составить общую модель поведения и мотивации советского руководства во внешней политике [9: 1].

Исходным посылом для анализа является тезис о том, что после смерти В.И. Ленина в 1924 г. главным архитектором советской внешней политики является И.В. Сталин, для которого характерен «оппортунистический, реалистический подход». Более чем двадцатилетний опыт руководства И.В. Сталиным СССР «показывает его мастером непредсказуемым, прагматичным и в тоже время наиболее изобретательным и последовательным сторонником советского дела» [9: 1]. Основной вывод из изучения особенностей поведения СССР на международной арене сводится к тому, что все повороты и отклонения в сталинской внешней политике мотивированы одним из двух факторов, причём оба они внешнего характера и находятся вне контроля советского руководства. Первым является наличие внешней угрозы со стороны государства или группы государств, превосходящих СССР по силе. Сталинская реакция в этом случае была всегда неизменной – это «умиротворение в той или иной форме». Так трактуется поворот СССР в сторону политики коллективной безопасности в 1933 г. после прихода к власти Гитлера, тем же объясняется обратный поворот в сторону Германии в 1939 г., когда Советский Союз разуверился в возможности создания совместной с Западом оборонительной системы [9: 2].

Второй фактор – это слабость, неготовность или не желание стран, находящихся вне сферы советского влияния, противостоять экспансии СССР. В этом случае советская политика приобретает активный динамичный и революционный характер. Примером является попытка стран Запада после

окончания Второй мировой войны установить дружественные отношения с СССР, которую последний расценил как проявление слабости и очевидный сигнал к активизации революционной деятельности в мировом масштабе [9, р.3]. Напрашивающийся из подобного анализа вывод сводится к тому, что ведя переговоры с СССР нужно не столько стремиться к предугадыванию его позиции, сколько иметь свою и твёрдо её занимать [9: 4].

Очевидный вывод, следующий из анализа приведённых документов, сводится к тому, что в различных структурах Форин офис преобладала негативная оценка не только современной внешней политики Советского Союза, но и в целом отрицательное отношение к России как государству варварскому, стремящемуся к постоянной экспансии и навязыванию авторитарных методов правления, совершенно чуждому западной цивилизации в принципе. Коммунизм, в сталинской интерпретации, лишь усилил неприятие и придал советской внешней политике крайне опасные для Запада черты. Несмотря на возможное временное улучшение отношений с западными странами, как это было в середине 1930-х или в годы Второй мировой войны, политика СССР по отношению к ним глубоко враждебна, поскольку её конечной целью является установление коммунистической системы во всём мире. Советский Союз принимает в расчёт только два обстоятельства – силу или слабость противника, поэтому, если Запад рассчитывает выжить в этой борьбе, он должен вести диалог с СССР исключительно с позиции силы. Любые уступки рассматриваются советским руководством как признак слабости и, следовательно, недопустимы.

Наконец, остановимся на аналитических материалах, подготовленных Объединённым разведывательным комитетом, структуре, созданной в 1936 г. как подкомитет Комитета обороны Империи. После реорганизации в июле 1939 г. он становится подкомитетом Комитета начальников штабов и главной его функцией отныне являлась координация работы различных разведывательных служб. Значение ОРК существенно возросло в годы Второй мировой войны, а после её окончания он остался не только центром аккумуляции

разведывательных данных, но и важнейшим связующим звеном между военными, дипломатами и разведывательным сообществом [10: 16]. В состав ОРК входили главы различных разведывательных служб, в том числе Секретной разведывательной службы и Службы безопасности, более известных как МИ-6 и МИ-5 соответственно.

На протяжении 1945-1946 гг. ОРК подготовил целую серию докладов, в которых анализировались отдельные аспекты политики СССР. В начале 1947 г. было решено на их основе подготовить документ, охватывающий все стороны советской внешней политики, а также оценивающий его экономический потенциал. В результате в августе 1947 г. появился 70 страничный доклад «Советские интересы, намерения и возможности». Авторы документа поставили перед собой два главных вопроса: «Что пытается делать Россия? Насколько её возможности позволяют добиться этого?». Обращает на себя внимание замечание, сделанное уже во втором параграфе, о том, что исследование основано прежде всего на установленных фактах, но, учитывая наивысший в мире уровень секретности в СССР, это не всегда было возможно. В этом случае авторы посчитали достаточным отталкиваться в своём анализе от высказываний Ленина и Сталина, которые они назвали «Майн кампф» советского режима [11: 1].

Глобальность обозначенных задач предопределила попытку выделить некие фундаментальные принципы советской внешней политики. Во-первых, советские руководители уверены, что их долгосрочная задача – ускорение гибели капитализма во всём мире и замена его коммунизмом советского образца. Во-вторых, капиталистический мир, осознавая успехи коммунизма, в конечном итоге вероятно прибегнет к военной силе для предотвращения собственного краха. В-третьих, исходя из конечной цели ближайшая задача сводится к обеспечению максимальной безопасности СССР [11: 5-6].

Оценивая экономический и военный потенциал Советского Союза авторы доклада приходят к выводу, что до 1955-1960 гг. он будет не в состоянии вести длительную большую войну. Несмотря на огромную сухопутную армию,

техническая и экономическая отсталость, а также уязвимость перед стратегической авиацией Запада и отсутствия атомного оружия, будут мощными сдерживающими факторами для СССР. До 1957 г. Советский Союз вряд ли будет обладать ядерным потенциалом, способным принести решающий результат даже в случае Великобритании, что, возможно, стимулирует исследования в области создания бактериологического оружия [11: 7-22].

Следствием тех проблем, с которыми сталкивается СССР, является его стремление решить пять основных задач. 1) реконструировать экономику таким образом, чтобы в будущем конкурировать с США и в конечном итоге их превзойти; 2) установить защитный пояс из зависимых государств вдоль своей границы; 3) избегать большой войны, по крайней мере до того момента, пока военная и экономическая ситуация не изменится в благоприятную для него сторону; 4) продвигать советскую версию коммунизма во всём мире; 5) любыми средствами способствовать дезинтеграции и ослаблению капиталистического мира [11: 23-25].

Определяя методы, которыми будет действовать СССР для достижения обозначенных задач, авторы документа опять ссылаются на марксистскую доктрину, в соответствии с которой состояние постоянных трений и борьбы является естественным для взаимоотношений коммунистического государства и капиталистических стран. СССР будет стремиться сеять в них хаос, используя для этого любые средства, прежде всего коммунистические партии, а в колониях националистические движения. Готовность Советского Союза сотрудничать в рамках международных организаций и, прежде всего, ООН, строго ограничивается достижением собственных целей и идеологическими задачами. Главным сдерживающим фактором на международной арене для СССР являются США, обладающие превосходством в военном потенциале. Поэтому Советский Союз будет стремиться избегать военной агрессии и использовать для своих целей экономические трудности западных стран [11: 25-31].

Следует отметить, что при сохранении в целом достаточно взвешенной оценки советских интересов в различных регионах мира, в мотивации его действий авторы документа на первое место ставят идеологию. Советская политика рассматривается с точки зрения её стратегической цели – победы коммунизма во всём мире. Очевидная идеологизация аналитических документов, которые готовились на уровне разведывательных служб, а затем представлялись политическому руководству, в конечном итоге только способствовала обострению межгосударственных отношений.

В итоге можно сделать заключение, что для британских политических, дипломатических и разведывательных кругов было характерно конфронтационное мышление, что вело британские элиты к выводу о необходимости тесной военной, политической и экономической консолидации Запада как обязательного условия успешного противостояния СССР, а желаемым результатом его в отдалённой перспективе должен был стать распад Советского государства.

Примечания.

1. British Intelligence, Strategy and the Cold War, 1945 – 1951. N. Y., 1992.
2. Byrnes J. Speaking Frankly. L., 1947.
3. Dalton H. High Tide and After. L., 1962.
4. Hennessy P. Never Again. L., 1993.
5. House of Commons, Official report, Vol.312, August 20, 1945.
6. Labour and the Wartime Coalition. From the Diaries of James Chuter Ede, 1941-1945. L., 1987.
7. UK National Archives (Kew). FO 800/503. P.M./49/69. Bevin to Attlee. 19 April 1949.
8. UK NA. FO 371/77622. N 11007/1051/38G. P.U.S.C. British Policy towards Soviet Communism. 28 July 1949.
9. UK NA. FO 371/77603. RC/74/49. Peace Offensive, tactical deviation, or change of Long-term Policy? 13 May 1949.

10. UK NA. FO 371/77604. N 5832/1023/38G. Memorandum on the Deviation factor in Soviet Foreign policy since 1924. 24 May 1949.

11. UK NA. CAB 158/1. Chiefs of Staff. Joint Intelligence Sub-Committee. Memoranda Jan.-Sept. 1947. J.I.C. (47) 7/1. (Final). Soviet Interests, Intentions and Capabilities. 6 August 1947.

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ОТВЕТ НА ВЫЗОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ: КАДЕТЫ И ОКТЯБРИСТЫ ПРОТИВ ТЕРРОРА В РЕВОЛЮЦИИ 1905 -1907 ГГ.

Портнягина Н.А.

*Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета,
г. Санкт-Петербург, Россия, par.spb@mail.ru*

В начале XVIII в. Россия, по терминологии С. Хантингтона, вступила на путь модернизации с вестернизацией, что предопределило вестернизацию и ее политической элиты, как правящей, так и оппозиционной, контрэлиты. Последняя, в лице верхушки партий кадетов и октябристов, в период революции 1905 – 1907 гг. предприняла попытку сместить правящий класс и построить новую государственность, опираясь на западноевропейский опыт. Однако на путях борьбы за конституцию и парламент новая элита столкнулась с таким вызовом политической модернизации, как революционный террор, который стал большой проблемой российского общества в эти годы. По неполным данным Департамента полиции только с февраля по май 1906 г. террористы убили и тяжело ранили 1421 человека, а в 1907 г. было совершено 3487 терактов [5: 129]. Такой размах террора был обусловлен отчасти сочувствием ему со стороны общественности. Способствовала ли новая элита созданию общественного мнения, благоприятствующего распространению террора? Использовала ли она его в борьбе за власть? Ответы на эти вопросы, практически не получившие освещения в отечественной историографии,

помогут нам прояснить особенности политической модернизации России начала XX века.

В революции 1905 – 1907 гг. наибольшую политическую активность проявила партия кадетов, продемонстрировав свою готовность к переходу от авторитарного режима к демократическому. Она сумела в короткий срок наладить выпуск более 70 партийных газет и журналов, миллионов экземпляров брошюр и листовок, создала специальные партийные клубы, смогла с помощью агитации добиться большинства мест в Госдуме первого созыва, в которой боролась за создание в России правового государства. Но, с другой стороны, у кадетов было особое отношение к террору. Еще до открытия I Думы кадеты на 3 съезде партии решили, что в парламенте будут отстаивать полную политическую амнистию [9: 249]. В I и II Думах кадетская фракция много сил отдала борьбе за это, а также за отмену смертной казни и военно-полевых судов. Но ни в I, ни во II Думах кадеты не осудили террор, оправдываясь тем, что революционный террор, являющийся ответом на насилия власти, прекратится после демократизации общества. Предложение правых осудить террор, внесенное во II Думу, кадеты расценили как провокацию и «поход против Думы» [9: 596] и вместе с левыми отклонили даже самое обсуждение этой проблемы. Эта позиция лидеров партии нашла отражение и в партийной печати.

Газета «Речь» в период революции на своих страницах поместила немного статей о терроре. Терракты против государственных служащих газета оставляла без комментариев. Она критиковала, в основном, насилия и произвол правительства по отношению к населению, которые она называла «правым террором». Газета, несомненно, героизировала террористов. Хотя, следует сказать, что публицисты всегда отмечали, что «политические убийства – ужасное социальное зло, развращающее правосознание народа», положить конец которому может лишь амнистия [6: 2].

В мае 1906 года вышла большая программная статья Н.А. Гредескула, выражавшая отношение кадетов к террору. Автор заявлял, что партия будет

оценивать террор не с нравственных, но исключительно с политических позиций. Виновником террора в России объявлялась власть, а революционный террор – лишь ответом на террор справа: «Перед нами – справа - такие насильники и террористы, перед которыми совершенно бледнеют все левые террористы». В статье давалась единственно возможная, с точки зрения кадетов, рекомендация по прекращению террора: «Мы пришли, чтобы от имени народа сказать: политическое положение страны требует: ...полного прощения тех, кто прибегал к насилию слева; полного удаления тех, кто прибегал к насилию справа» [4: 1-2]. Эта двойственность по отношению к террору со стороны кадетов, когда они «за государством...отрицали право убивать, а революционеров за бессудные убийства осудить не хотели», бросалась в глаза и не раз критиковалась консерваторами. Часть кадетов осознало это «губительное противоречие, правовое и моральное» лишь в эмиграции [11: 278].

Партия октябристов в период революции проявила меньшую политическую активность. Однако практически с момента своего возникновения она посчитала проблему террора крайне важной и активно включилась в ее обсуждение как в печати, так и в стенах Государственной Думы. Свою задачу «Союз 17 октября» видел не просто в осуждении террора, но в создании устойчивого негативного по отношению к террору общественного мнения. Главную роль в этом октябристы отводили печати. Так "Голос Москвы", центральный печатный орган партии, с момента выхода первого номера опубликовал 28 больших статей о терроре, затрагивающих разные аспекты этого явления, а в Государственной думе первого созыва октябристы инициировали вопрос о необходимости осуждения террора. Борьбу с террором октябристы сделали одной из ключевых идей своей агитационной кампании по выборам во II Думу. «Голос Москвы», например, постоянно публиковал обращение ЦК партии к гражданам Москвы, желающим работоспособной Думы и выступающим «против анархии и против насилия со стороны революционных партий...», голосовать за октябристов. Кроме

осуждения террора, предвыборные воззвания ЦК содержали критику кадетов, отказавшихся осудить террор в I Думе [2: 1].

«Союз 17 октября» был конституционной партией, и в публичных речах его лидеры, например, М.А. Стахович, относили к причинам террора как раз отсутствие конституции, бесправие население и «жестокость» власти [8: 228]. Но, в отличие от левых либералов, они не считали это обстоятельство оправданием террора. Октябристы в поисках причин террора больше были ориентированы не на прошлое, а на современное состояние страны. Истоки современного террора они видели в пошатнувшемся в обществе уважении к закону, приведшем к появлению «целой тучи волонтеров, которые жгут, грабят, убивают...» [10: 1-2], а также в искусственно создаваемом в России общественном мнении, поддерживающим практику террора. Поэтому основная вина за террор возлагалась октябристами не на левые партии, а на партию кадетов, «партию политической игры», «привыкшую ходить кривыми путями, с постоянными обходами налево», которая «всячески изощряется, чтобы удержать за собой руководящую роль и захватить кормило законодательства и управления» [3: 1]. Октябристы выделяли три аспекта опасности террора для страны: нравственный, политический и экономический. Предложили они и программу борьбы с террором. По мнению правых либералов, радикального средства против террора, своего рода эпидемии, нет. Но остановить ее может общественное мнение, союз общества и власти. Поэтому октябристская печать боролась против одобрения террора левой и либеральной печатью, прежде всего, кадетской: «Отнимите у политических убийств сочувствие общества, и они, несомненно, уменьшатся в числе и потеряют храбрость. Без поддержки в широких слоях общества не может успешно действовать никакая подпольная организация... Всякий из нас, молчаливо сочувствующий политическим убийствам и громко их не осуждающий, - соучастник террора и враг отечества. На каждом из нас – ответственность за преступления, совершаемые ежедневно. Сознание нашей ответственности – лучшее лекарство от заразной болезни, называемой террором [1: 4].

Кроме того, октябристы считали, что необходимо еще до «успокоения» России, завести хорошо организованную полицию, условия службы в которой привлекли бы в ее среду более «интеллигентные элементы» [12: 2]. Особое значение октябристы придавали необходимости осуждения террора Государственной думой. Предложение осудить террор было высказано в I Думе именно депутатами-октябристами. Первым эту идею озвучил 2 мая член партии А.А. Остафьев. В период выборов во II Думу, октябристы выражали уверенность, что на этот раз им удастся осудить террор, что это будет «не Дума народного гнева, а дума народного разума, который слишком ясен, чтобы примириться с политическими убийствами» [7: 1]. Однако и во II Думе октябристов было немного, и под давлением кадетов и левых II Дума отклонила даже возможность обсуждения этого вопроса.

Таким образом, позиции правых и левых либералов в период революции 1905 – 1907 гг. в отношении серьезным образом различались. Правые либералы были одной из немногих общественных сил России не только осуждавших террор, но и боровшихся за создание общественного мнения, враждебного террору. Перу октябристских публицистов принадлежат, пожалуй, самые грамотные статьи о терроре. В них давался комплексный анализ этого феномена, оценивался вред, наносимый террором стране и обществу, предлагалась программа борьбы с ним. Октябристы искренне сожалели об участии молодежи в террористическом движении, и, в отличие от правых, никогда не рисовали террористов только черными красками. Такое отношение к террору свидетельствует о том, что правые либералы пытались сохранить социальное равновесие в стране, осуществив мирное обновление элит. К сожалению, определяющее влияние на общественное мнение России оказывали не правые, а левые либералы. Пытаясь стать новыми лидерами модернизационных процессов в российском обществе, они посчитали возможным оправдывать насилие, если оно способствует достижению цели. Такое отношение к террору кадетов и октябристов продемонстрировало раскол

новой элиты России и трудности, подстерегавшие ее на путях построения конституционной монархии.

Примечания.

1. Безобразов П. Размышления // Голос Москвы. 1907. 3 января.
2. Голос Москвы. 1906. 31 декабря.
3. Голос Москвы. 1907. 3 марта.
4. Гредескул Н.А. Политическое лицемерие // Речь. 1906. 12 мая.
5. Леонов М. И. Партия социалистов-революционеров в 1905 – 1907 гг. М., 1997.
6. Речь. 1906. 3 мая.
7. Соловьев Б.М. Новое покушение // Голос Москвы. 1907. 18 февраля.
8. Стенографические отчеты / Государственная дума. Первый созыв, 1906. Сессия 1. Т. 1. СПб., 1906.
9. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х тт. М., 1997. Т. 1. 1905 – 1907 гг.
10. Теория социал-разбоя // Голос Москвы. 1907. 3 июня.
11. Тыркова-Вильямс А. В. На путях к свободе. М., 2007.
12. Голос Москвы. 1907. 9 декабря.

**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ АВСТРАЛИЙЦЕВ**

Скоробогатых Н.С.

Институт востоковедения РАН, г. Москва, Россия,

arhip2212@yandex.ru

Участие Австралийского Союза (АС) в I мировой войне стало одной из наиболее важных вех в истории этой страны. Хотя боевые действия велись главным образом вдали от его берегов, отправка австралийских добровольцев в раздираемые войной Европу и Азию заставила многих пересмотреть свои взгляды на мир и на место в нем Австралии. В работах российских

исследователей участию Австралии в Первой мировой войне уделялось, как правило, небольшое внимание; для австралийцев же это событие имеет ключевое значение. В XX в. жители Южного континента вступили в своего рода переходном состоянии: из разрозненных колоний было создано единое государство – Австралийский Союз. Одним из важнейших консолидирующих факторов стало зарождение национального самосознания австралийцев. Накануне мировой войны «лицо» Австралии определяли две важные тенденции: А) известный рост националистических настроений, способствовавший сплочению и формированию национального самоощущения общества; Б) сохранявшиеся глубокие связи страны и ее жителей с Великобританией, определявшие многие стороны жизни Южного континента. В том числе и отношение к событиям в мире. Практически вся внешнеполитическая деятельность кабинетов АС следовала в русле международного курса метрополии, и департамент иностранных дел, созданный еще в 1901 г., главным образом занимался поддержанием самых тесных связей с Лондоном. Между тем в преддверии надвигавшихся международных конфликтов главной становилась проблема обороноспособности АС. И здесь австралийцы еще не могли обойтись без помощи могущественной Британской империи: они во многом полагались на силу ее ВМФ, видя в нем защитника морских рубежей Австралии и стража торговых океанских путей, соединявших континент с метрополией. В 1901 г. было создано федеральное министерство обороны, британские военные специалисты приступили к подготовке кадровых офицеров и солдат для АС, на верфях Великобритании строились боевые корабли для австралийского флота, проходила комплектация первых отрядов авиации. Активную работу проводила Австралийская лига обороны под руководством лейбориста У.М. Хьюза. В 1911 г. начал работу Королевский военный колледж по подготовке кадровых офицеров, во главе которого был поставлен генерал У.Т. Бриджес. В 1909–1911 гг. правительство ввело программу всеобщей военной подготовки мужской части населения в возрасте от 12 до 26 лет, которая велась без отрыва от

основных занятий. Но в целом накануне Великой войны Австралия не была ни крупным дипломатическим игроком, ни военной державой, и ее власти предпочитали оставаться под сенью могущественной метрополии.

Участие Австралии в мировой войне не обсуждалось – страна вступила в нее как часть Британской империи, движимая главным образом чувством имперской лояльности. Начальный опыт участия в боевых действиях австралийцы получили близ собственных берегов. По приказу из Лондона австралийская морская эскадра осталась охранять побережье страны и даже одержала несколько побед над немецкими кораблями у берегов Новой Гвинеи и близ Кокосовых островов в Индийском океане. Вслед за этим была захвачена немецкая часть Новой Гвинеи, прилегавшая к территории Папуа, управлявшейся к тому времени федеральным правительством АС. Но настоящее боевое крещение Австралийский экспедиционный корпус получил вдали от родных берегов, в Турции, на полуострове Галлиполи, куда по решению Лондона были отправлены 20 тыс. добровольцев под командованием генерал-майора У.Т. Бриджеса. По всеобщему признанию историков, кампания 1915 – начала 1916 гг. в Галлиполи стала «одним из самых страшных сражений Великой войны и одной из ее легенд». После эвакуации из Турции австралийские воинские подразделения воевали в Палестине и во Франции. Именно там вплоть до окончания войны 5 дивизий АНЗАК зарекомендовали себя как лучшие ударные части союзников.

В 1918 г. вместе с канадскими частями австралийцы освобождали Бельгию. Общие потери Австралии в войне были огромны: 215,5 тыс. чел. Эти цифры стали особенно болезненным для маленькой нации: все население АС в 1914 г. насчитывало порядка 5 млн. человек, и в итоге потерь на полях сражений каждая австралийская семья не досчиталась кого-либо из своих близких. Оставшиеся в живых ветераны I мировой войны стали у себя на родине истинными героями. Именно поэтому многие исследователи считают, что участие в Великой войне и привело к рождению австралийской нации – жители континента почувствовали себя единым народом. Можно сказать, что

события 1914–1918 гг. стали знаковым рубежом для АС. Сформировались базовые основы партийно-политической системы, экономической и социальной структуры страны. Было положено начало профессиональным вооруженным силам; заработали предприятия тяжелой промышленности, которых ранее в АС не существовало; установлены новые торговые связи. Женщины, как и когорта ветеранов войны, стали играть более значимую жизнь в общественной жизни. На фронтах мировой войны австралийцы не только получили первый опыт участия в полномасштабных боевых действиях, но здесь зародилось ощущение национального единства и осознание собственного места в международной системе. Государственные деятели АС вступили на арену мировой политики как полноправные партнеры в рамках Лиги Наций. Хотя вместе с тем еще сохранялись многие старые взгляды и связи, пришедшие в новый век из колониального наследия, но решающий шаг вперед к национальной самостоятельности уже был сделан.

**РОССИЙСКИЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ КАБИНЕТОВ А. МЕРКЕЛЬ В ФРГ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОАЛИЦИОННЫХ ДОГОВОРОВ**

Стрелец М.В.

Брестский государственный технический университет,

г. Брест, Республика Беларусь, mstrelez@mail.ru

22 ноября 2005 года в Федеративной Республике Германия (ФРГ) было сформировано правительство, которое возглавила председатель Христианско-демократического союза (ХДС) Ангела Меркель. В состав правительства вошли федеральные министры, делегированные ХДС, Христианско-социальным союзом (ХСС), Социал-демократической партией Германии (СДПГ). Данное правительство известно как первый кабинет Меркель, как вторая большая

коалиция. Именно с образованием первого кабинета Ангелы Меркель стартовал современный этап германо-российских отношений.

Предшественники А. Меркель базировали свой курс на российском направлении «на принципах равноправия и взаимного уважения, прагматичном учете взаимных интересов, настрое на поиск коллективных ответов на вызовы общеевропейского и мирового развития. (Они считали. – М.С.) важным стимулом для сближения двух стран ... такие факторы, как переплетение и дополняемость экономических потенциалов, общность истории и культурно-психологическая совместимость россиян и немцев в интегрирующейся Европе [2].

Положив начало современному этапу германо-российских отношений, первый кабинет Ангелы Меркель, с одной стороны, учитывал перечисленные выше моменты, а с другой стороны, обозначил специфическое видение данных отношений. Из факта существования трёх кабинетов бундесканцлерин резонно вытекает постановка вопроса о наличии преемственности и обновления в текстах коалиционных договоров, подписание которых предшествовало образованию данных кабинетов. В этой связи целесообразно сделать базовой для последующего анализа нижеследующую таблицу.

Отражение германо-российских отношений в коалиционных договорах на предмет образования федеральных правительств в 2005, 2009, 2013 гг.

Позиция	Отражение в коалиционном договоре между ХДС, ХСС и СДПГ от 12 ноября 2005 года	Отражение в коалиционном договоре между ХДС, ХСС и СвДП от 10 ноября 2009 года	Отражение в коалиционном договоре между ХДС, ХСС и СДПГ от 27 ноября 2013 года
Место отношений с Россией в тексте договора	Отношения с Россией были прописаны в числе прочих позиций в главе «Стабильность, безопасность и кооперация в Европе и мире».	Отношения с Россией были прописаны в числе прочих позиций в главе «Связанная ценностями и направляемая интересами внешняя политика».	Специальная глава «Открытый диалог и расширение сотрудничества с Россией».

Германо- российское стратегическое партнёрство	«Совместно с нашими европейскими партнерами мы выступаем за стратегическое партнерство с Россией, которое мы развиваем во всех сферах на уровне двусторонних отношений и на уровне ЕС» [4:65].		
Отношение к русской модернизации	«У Германии особый интерес в том, чтобы с трудом идущая модернизация страны была бы подкреплена усиленным политическим, экономическим и общественным сотрудничеством. Целью остаётся Россия, которая процветает и которая – ориентируясь на ценности, принятые в Европе и при учёте своих традиций – успешно преодолевает поворот к стабильной демократии»[4:65–66].	«Мы намерены... поддержать Россию в том, чтобы последовательно продолжать курс на модернизацию страны и при этом сокращать дефицит касательно прав человека, правового государства и демократии. Мы хотим для этих целей способствовать диалогу с гражданским обществом» [5:120].	“Современная, экономически сильная и демократическая Россия отвечает интересам Германии и Евросоюза. Мы намерены расширить партнерство ради модернизации с целью добиться прогресса в общественной, политической и экономической областях. Для этого мы готовы открыто обсудить с российским руководством различные представления о партнерстве ради модернизации. Мы приветствуем и поддерживаем разнообразные усилия по расширению и углублению отношений на государственном уровне и между гражданскими обществами... Мы хотим инициировать новые формы общественного диалога с Россией и интенсифицировать двусторонние контакты с представителями нового российского среднего класса и гражданского общества” [3:118].

Учёт интересов соседей	«Мы хотим так сформировать наши отношения с Россией, чтобы они связывали наших общих соседей в духе дружбы и доверия» [4: 66].	«Мы будем учитывать оправданные интересы наших соседей при развитии двусторонних отношений с Россией» [5:120].	“В развитии отношений с Россией мы намерены учитывать оправданные интересы наших общих соседей” [3:118].
Глобальные и региональные вызовы	«Россия остаётся для нас важным партнёром при преодолении региональных и глобальных вызовов, в борьбе против международного терроризма и в отношении непосредственно соседствующих с ней государств. Остаются неизменными предложения Германии и ЕС поддержать Россию при создании оптимальных рамочных условий для политического решения чеченского конфликта»[4:66].	«Мы рассматриваем Россию как важного партнёра при преодолении региональных и глобальных вызовов. К ним относятся конфликтные очаги в Афганистане или на Ближнем Востоке точно так же, как согласование в рамках переговоров по формуле Е3+3, вопросы международного терроризма, защиты климата или глобальных эпидемий» [5:120].	“Мы намерены совместно с Россией ускорить урегулирование конфликтов в ближайшем окружении наших стран и, прежде всего, ожидаем прогресса в разрешении конфликта вокруг Приднестровья” [3:118].
Экономические связи и энергетическое партнёрство	«Мы хотим расширять торговлю и создать долгосрочное энергетическое партнёрство без односторонней зависимости» [4:66].	«Мы хотим дальше расширять экономические связи и создавать долгосрочное надёжное энергетическое партнёрство без односторонней зависимости» [5:120].	
Германо-российские отношения в контексте Европа-политики ФРГ	«Европейское единство и атлантическое партнёрство ... образуют основу ... для наших отношений с Россией» [4:61].	«Мы поддерживаем развитие политики добрососедства ЕС. Цель – способствование устойчивому демократическому, экономическому, социальному, государственно-правовому и экологическому развитию в непосредственной близости от нас, но также развитие этих	“В рамках Евросоюза мы будем добиваться большей согласованности политики по отношению к России” [3:118].

		стран в мире и благополучии» [5:117].	
Линия в отношении России в контексте политики ФРГ в НАТО	«Европейское единство и атлантическое партнёрство ... образуют основу ... для наших отношений с Россией» [4:61].	«Мы хотим, чтобы альянс следовал заложенному в основополагающем акте НАТО-Россия стратегическому партнёрству и интенсивнее использовал Совет НАТО-Россия как форум по вопросам совместной безопасности [5:119].	"Мы хотим и впредь использовать и укрепить стратегическое значение Совета НАТО – Россия" [3:117].

Тот факт, что только в третьем коалиционном договоре была посвящена отдельная глава анализируемым отношениям, связан с наибольшей уступчивостью блока ХДС/ХСС партнёру по формируемой коалиции. Известно, что блок А. Меркель допускал меньше уступок СДПГ при формировании первого кабинета и Свободной демократической партии (СвДП) – при образовании второй коалиции. Есть все основания полагать, что упомянутая глава появилась по инициативе нынешнего федерального министра иностранных дел Германии, одного из ключевых деятелей СДПГ Франка-Вальтера Штайнмайера, занимавшего аналогичный пост и в составе первой коалиции. «То внимание, которое уделяется в договоре германо-российским отношениям, отражает стремление руководства СДПГ ... диверсифицировать германскую внешнюю политику для придания ей дополнительного веса и возможностей маневра» [1].

Отсутствие во втором и третьем коалиционных договорах упоминания о стратегическом партнёрстве следует оценивать как свидетельство снижения общего уровня двустороннего сотрудничества.

Обращают на себя внимание и различия в формулировании линии в отношении к российской модернизации. Касательно первого и третьего коалиционных договоров существо формулировок совпадает, что вновь необходимо связывать с именем Ф.-В. Штайнмайера. Именно ему принадлежит

авторство идеи партнёрства ради модернизации, взятой на вооружение второй большой коалицией. Во втором коалиционном договоре эта идея сформулирована менее чётко, менее ясно, с менее удобных для российской стороны позиций. Под ним подписывались не социал-демократы, ставшие оппозиционной партией, а свободные демократы в лице Г. Вестервелле, занявшего во втором кабинете А. Меркель пост федерального министра иностранных дел. Идея партнёрства ради модернизации касательно германо-российских отношений более или менее работала только во время правления второй большой коалиции (2005–2009 гг.). В те годы «предпринимались попытки активизировать связи, запустить (как при Герхарде Шредере) ряд крупных совместных проектов, но после ухода СДПГ из правительства в 2009 г. амплитуда этих усилий стала потихоньку угасать» [1]. Деятельность третьей большой коалиции пока не отмечена наполнением реальным содержанием соответствующего коалиционного договора в той части, которая касается формулы «партнёрство ради модернизации».

Во всех трёх договорах одинаково по существу и близко по форме прописана позиция «Учёт интересов соседей».

В указанных договорах нет кардинальных расхождений по позиции «Глобальные и региональные вызовы». Зато ныне есть кардинальное расхождение между Берлином и Москвой в оценке факта присоединения Крыма к России, проведения антитеррористической операции киевских властей на юго-востоке Украины. Указанное расхождение имеет отрицательные последствия для двусторонних отношений.

Позиция «Экономические связи и энергетическое партнёрство» присутствует в первом и втором договорах. В главе «Открытый диалог и расширенное сотрудничество с Россией» третьего договора она не прописана. Вместе с тем в экономическом и энергетическом разделах настоящего договора предусматривается широкое международное сотрудничество, что вполне коррелируется с указанной главой.

При анализе оставшихся позиций принципиально важно понимание того, что бундесканцлерин берёт в расчёт, прежде всего, многостороннюю дипломатию, принадлежность официального Берлина к международным организациям. Унилатерализм, на котором базировался Коль в отношениях с Ельциным, воспринимается ею как реальность прошлого века, не подлежащая реанимации.

Позиция «Германо-российские отношения в контексте Европа-политики ФРГ» с ясным указанием России прописана в первом и третьем договорах. Следует специально отметить, что хотя в тексте второго договора Россия при формулировании данной позиции прямо не называется, она подразумевается в числе стран, относительно которых проводится изложенная здесь политика добрососедства ЕС. Такой вывод убедительно вытекает из всей совокупности содержащихся в договоре между ХДС, ХСС и СвДП формулировок на предмет российского вектора внешней политики ФРГ.

Формулирование линии в отношении России в контексте политики ФРГ в НАТО в коалиционных договорах имеет как общий знаменатель, так и специфику. Представляется вполне корректным считать общим знаменателем соответствующий пассаж, содержащийся в первом коалиционном договоре. Этот пассаж, несомненно, укреплен во втором и третьем договорах подчёркиванием значения Совета НАТО – Россия. Данное подчёркивание потеряло актуальность после присоединения Крыма к России. Ныне политический класс ФРГ не проявляет желание "использовать и укрепить стратегическое значение Совета НАТО – Россия". Автор доклада полагает, что такое поведение данного класса носит временный характер.

Примечания.

1. Интервью Владимира Котенева, Чрезвычайного и Полномочного Посла, посла Российской Федерации в Федеративной Республике Германия в 2004 – 2010 гг., РИА НОВОСТИ [Электронный ресурс] – URL: <http://ria.ru/world/20131219/984975818.html...> (Дата обращения: 22.12. 2013).

2. Российско-германские отношения [Электронный ресурс] – URL: <http://russische-botschaft.de/ru/dvustoronnienspotnoshenija/obshchaja-informacija.html>. (Дата обращения: 12.06. 2014).

3. Deutschlands Zukunft gestalten. Koalitionsverlag zwischen CDU, CSU und SPD für die 18. Periode des deutschen Bundestages. 27. November 2013. Berlin, 2013.

4. Gemeinsam für Deutschland. Mit Mut und Menschlichkeit. Koalitionsverlag zwischen CDU, CSU und SPD für die 16. Periode des deutschen Bundestages. 18. November 2005. Berlin, 2005.

5. Wachstum. Bildung. Zusammenhalt. Koalitionsverlag zwischen CDU, CSU und FDP. 17. Legislaturperiode. Berlin, 2009.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЕВРОПЕ ЮРГЕНА ХАБЕРМАСА.

Черноперов В.Л., Усманов С.М.

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

vlchernoperov@rambler.ru, ilapsi@yandex.ru.

Юрген Хабермас является, вероятно, самым известным интеллектуалом Германии нашего времени. Маститый 85-летний ветеран, последний из столпов знаменитой Франкфуртской школы, он – автор целого ряда авторитетных трудов, в т.ч. об ответственности публичных интеллектуалов и о роли коммуникаций в современном мире. Активное участие Хабермаса в общественной и интеллектуальной жизни современной Европы выглядит впечатляюще. Маститый ученый успевает не только выпускать фундаментальные труды, но и писать небольшие статьи разной тематики, давать интервью, произносить множество речей (поводы для которых дает ему присуждение различных премий).

Главная особенность научного творчества Юргена Хабермаса, его общественное лицо – это неослабевающая увлеченность проблемами Европы.

Можно сказать, что Хабермас – настоящий апологет европейской интеграции. Причем, он не только ее теоретик, но и критик, постоянный аналитик тех или иных текущих процессов. Наконец, профессор Хабермас еще и постоянный участник политических собраний и дебатов. Например, в феврале этого года он явился на заседание руководства Социал-демократической партии Германии и выступил за принятие энергичных мер по преодолению кризиса нынешней общеевропейской стратегии.

В чем же суть европейских размышлений германского ученого? Можно утверждать, что Хабермас является не просто горячим и искренним сторонником единой Европы, но теоретиком, который пытается дать концептуальное обоснование этому процессу, с тем, чтобы сделать его наиболее результативным и необратимым. Поэтому в отличие от евробюрократов из Брюсселя и Страсбурга он делает акцент не на политико – административные механизмы, а на усиление солидарности народов Европы, на усвоение общих демократических ценностей, на преодолевающее национальный эгоизм и местный партикуляризм стратегическое сотрудничество. Наконец, германский профессор призывает избегать односторонних шагов и непродуманных решений – таких, как расколовшей Запад американской военной операции в Ираке в 2003 г. Необходимо же, как считает Хабермас, разработать и последовательно осуществлять глубоко продуманную стратегию европейской, западной и общемировой политики.

Юрген Хабермас и сам старается внести максимально возможный вклад в разработку такой политики. Об этом – многие его труды, в т.ч. и один из последних с милым названием «Ах, Европа». Во всех своих сочинениях профессор Хабермас по-немецки тщателен в изложении собственных доказательств, всегда основателен, порой тяжеловесен. Но он может быть и кратким, почти афористичным, выступая даже в газетах и тем самым стремясь быть понятым самой широкой публикой.

Тут надо выделить программную статью Юргена Хабермаса «Наше обновление», напечатанную 31 мая 2003 г. в газете «Франкфуртер альгемайне

цайтунг». Эту статью Хабермаса подписал также и знаменитый французский философ Жак Деррида, который во вступительных строках к ней пояснил – зачем потребовалось такое «воззвание»: « Я разделяю его (т.е., Хабермаса) основные предпосылки и выводы: характеристики новых видов европейской политической ответственности за пределами всякого европоцентризма; призыв к новому подтверждению и эффективному изменению международного права и его институтов, в особенности – ООН; новую концепцию и новую практику разделения государственных властей в духе, а иногда даже в смысле, восходящем к кантовской традиции». Аргументы Хабермаса в статье «Наше обновление» сформулированы аккуратно, они выверены большим личным опытом мыслителя и представляют особый интерес для нас, историков. Ну, вот, например, такое заявление немецкого ученого: «Исторический опыт предлагает себя лишь для осознанного усвоения, без которого он не сможет обрести силы, образующей идентичность».

Впрочем, и в этой статье Хабермас, как и всегда за последние 40 лет, предстает как либерал, глобалист и конформист. Или, как выразились бы в «Правде» прошлых времен, он выступает «адвокатом и прихвостнем реакционной монополистической буржуазии». На что сам германский профессор ответил бы, наверное, в том духе, что он-то как раз выполнил свою миссию публичного интеллектуала, поставив наиболее острые вопросы своего времени и представив трезвый и непредвзятый анализ проблем и противоречий современного мира. А морочить голову публике всякими химерами и утопиями он отнюдь не собирается.

Отдавая должное содержательной, концептуально заостренной и глубоко заинтересованной апологетике Хабермасом европейской идеи, невозможно не обратить внимания по крайней мере на два обстоятельства.

Первое – это нарочитое молчание немецкого философа о России, в том числе и во время его поездки в нашу страну в 2009 г., когда он прочитал здесь свою публичную лекцию. Так что для Хабермаса ничего не стоит, перечисляя ведущие центры силы современного мира, Россию вообще не упоминать (как

он это сделал в марте 2006 г., в речи при получении премии имени Бруно Крайского. Тогда в числе ведущих мировых сил кроме Евросоюза были названы США, Китай, Япония и Индия). Такое демонстративное умолчание бросается в глаза и исследователям творчества Хабермаса. Об этом пишет в частности, известный знаток германской философии Нелли Васильевна Мотрошилова. Другое дело, что ее объяснение подобного отношения немецкого ученого к нашей стране кажется нам неубедительным: дескать, Хабермас раньше разочаровался в перестройке, а Россия ведь сама по себе и есть часть Европы.

Более понятным становится восприятие России таким апологетом Европы, каким и является Хабермас, если учесть его энергичное оправдание военной операции НАТО в Югославии в конце 90-х гг. Еще более показательны ответы Хабермаса на вопросы газеты «Ди Вельт» 4 мая 2005 г., когда он подверг резкой критике «экономический оппортунизм берлинского правительства по отношению к России и Китаю», назвав это «по-настоящему бесхребетной политикой». Так что получается, что для немецкого философа Россия – это не Европа, а потому сама по себе не интересна. Более того, для него, видимо, всякое серьезное сближение России с Европой представляется опасным. Правда такое отношение к России Хабермас четко не артикулирует. Вероятно, потому, что для него подобная тематика находится далеко от его главных научных и общественных интересов.

Второе обстоятельство связано с тем, как Юрген Хабермас видит будущее. Здесь стоило бы вспомнить итоговые раздумья другого выдающегося немецкого философа – Мартина Хайдеггера, которого, кстати, Хабермас подвергал публичной прижизненной критике за его прежнее – пусть и кратковременное сотрудничество с нацистами. Между тем, Хайдеггер в одном из своих последних интервью в 60-х гг. прошлого столетия утверждал, что «только Бог еще может спасти нас», уточняя, что «призвать Бога» недостаточно, ибо Он может и не ответить. Тем самым Мартин Хайдеггер

напоминал ту сокрушительную истину, что Бог будит судить этот мир. И не по нашим меркам, а по своим.

Что же касается Юргена Хабермаса, то его взгляд на «секулярную Европу» и «глобальный мир» выглядит не столь определенным. Вообще он не отвергает совсем значения религиозных традиций. Хабермас мог вполне доброжелательно и корректно беседовать с папой Бенедиктом, в чем-то и сочувствуя общественной деятельности понтифика. В Москве в 2009 г. он неожиданно выступил с напомином о «жизненном мире», что имело, несомненно, и метафизический подтекст. И все-таки еврооптимизму германского философа недостает более фундаментального обоснования не только с точки зрения настоящего, но и в предвидении будущего с указанием тех основ, на которых оно может стоять твердо и основательно. И это, как нам представляется, и есть самое уязвимое место его размышлений о современной Европе.

ИТАЛЬЯНЦЫ В ФРГ: ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ

Щербаков В.Ю.

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,

Россия, sherbakov.viacheslav@yandex.ru

В XXI век Федеративная республика вступила многонациональной страной. Самой крупной категорией иностранцев, проживающих на территории Германии, являются выходцы из государств Европейского Сообщества. Всех их объединяет единое европейское происхождение, гражданство ЕС, общая европейская история, преимущественно христианское вероисповедание, отношение к культурным и общечеловеческим ценностям. Граждане некоторых стран ЕС не доставляют ФРГ никаких проблем. Так, большинство живущих здесь выходцев из Люксембурга, Бельгии, Нидерландов, Франции, Австрии, или Великобритании вполне благополучно интегрированы в немецкое

общество. Они не претендуют на гражданство и экономические блага Германии, не вызывают раздражения или антипатию автохтонного населения и не являются объектом нападков правых радикалов. В некоторых странах ЕС уровень жизни выше, чем в Федеративной республике.

По данным Федеральной статистической службы, в 2009 г. из 2 367 908 граждан Европейского Союза, проживающих на территории Германии, 517 474 итальянцев являлись самой многочисленной диаспорой [17]. Следует, впрочем, отметить, что к началу 2010 г. на первое место начинают выходить, граждане Польши – страны, ставшей членом ЕС сравнительно недавно.

Уже во второй половине XIX века выходцы с Апеннинского полуострова начинают прибывать на территорию Германской империи, селясь, преимущественно в её промышленных районах. Однако общая численность их к началу Первой мировой войны ненамного превышала 100 тысяч человек [5]. Во время Второй мировой войны более миллиона итальянцев работали на предприятиях Третьего рейха, заменив собой ушедших воевать немцев. После разгрома фашистской Германии значительная часть итальянских рабочих вернулась на родину, однако несколько десятков тысяч остались, заложив основы будущей современной общины. В годы немецкого «экономического чуда», когда ФРГ потребовалась дешёвые и относительно малоквалифицированные работники, сотни тысяч итальянцев стали первыми «гастарбайтерами». Именно итало-германское соглашение 1955 г. о вербовке рабочей силы, не только привлекло первых гастарбайтеров с Апеннинского полуострова, но и послужило образцом для подобных соглашений с Испанией, Грецией, Марокко, Турцией, Южной Кореей, Португалией, Тунисом и Югославией. Соглашение определяло принципы отбора, найма, доставки, акклиматизации, информирования, страхования на случай безработицы и даже обеспечение религиозных потребностей работников. На время пути к месту занятости будущие гастарбайтеры получали полное обеспечение всем необходимым, включая деньги на мелкие расходы. По истечении срока

действия права на работу, или смены работодателя, работнику следовало получить новое разрешение на трудоустройство, теперь уже за дополнительную плату. Его дальнейшая трудовая деятельность в ФРГ определялась «действующим законодательством о занятости иностранных работников» [1].

Большая часть итальянских рабочих была сконцентрирована на крупных предприятиях Рурской области, прежде всего, в горнодобывающей и сталелитейной промышленности. Уже в 1960 г. из 329 000 иностранных рабочих Западной Германии 144 000 являлись итальянцами, в 1964 г. из 1 200 000 соответственно – 296 000 [9]. Крупные немецкие фирмы специально для итальянских рабочих строили так называемые «итальянские деревни», где старались не только создать комфортные условия проживания, но и позаботиться о досуге. Так фирма «Фольксваген» в Вольфсбурге где трудились 4700 итальянцев, или 10% всех рабочих предприятия, соорудила 46 двухэтажных деревянных домов. Плата была минимальной (30 марок), при этом предоставлялась горячая вода, электричество и постельное бельё. В деревне имелся кинотеатр и пункт общественного питания со специфическим меню. При этом, как отмечает журнал «Дер Шпигель», некоторые итальянские рабочие жили в ужасных условиях, однако, прежде всего, это касалось тех, кто искал работу самостоятельно и «не имел официального права на достойное проживание» [3]. Итальянцы в ФРГ старались сэкономить на всём и прежде всего, на жилье. Ведь большинство из них должны были отсылать значительную часть заработка на родину. Часто случалось, что два итальянских рабочих делили одну кровать: пока один трудился в ночную смену, другой отдыхал. А при проверке общежитий завода концерна «Форд» были обнаружены 200 итальянцев, которые вообще не работали на данном предприятии [5: 44].

Отношения с местным населением складывались достаточно напряжённо: немцы, непривычные к южному темпераменту и манере общения итальянцев, старались общаться с ними исключительно во время работы. На многих заведениях общепита Рура в начале 1960-х гг. можно было обнаружить

табличку «Итальянцам вход воспрещён» [8]. До конца 1960-х гг. для немцев слова «гастарбайтер» и «итальянец» были своеобразными синонимами, пока выходцев с Апеннин в сознании местных жителей не заменили югославы и турки. Наиболее острые конфликты разгорались из-за немецких женщин, поскольку подавляющее большинство итальянцев в Германии были мужчинами, оторванными от дома в течение нескольких лет. Непонимание между немцами и итальянцами проявлялось в самых разных сферах обыденной жизни. Так, во Франкфурте-на-Майне местное общество защиты животных отказалось отдать итальянцу бездомную собаку, поскольку, по мнению председателя организации, «иностранцев сложно контролировать»: «Подумайте только, – беспокоилась представительница общества, – бедные, бедные маленькие собачки в Италии» [6: 52].

С середины 1960-х гг. доля итальянских гастарбайтеров в ФРГ начинает быстро снижаться за счёт притока работников из Югославии и Турции. Часто немецкие предприниматели отдавали предпочтение именно туркам и югославам относительно выходцев с Апеннин. В период кризисов итальянские рабочие чаще всего первыми теряли свои места и, по мнению журнала «Шпигель», не случайно. Во-первых, в условиях экономического кризиса работу теряют, прежде всего, неквалифицированные рабочие, а таких среди итальянцев, прибывших из южной части страны, было более половины. Во-вторых, итальянцы трудились в самых чувствительных к кризису отраслях германской промышленности – в строительстве и в металлургии. В-третьих, в немецкой экономике особенно ценились женщины в качестве дешёвой рабочей силы, а итальянские работницы (18 % от числа мужчин), в отличие от гречанок и испанок (40 % и 31 % от числа мужчин соответственно), обычно «неохотно покидают дом». Наконец, в период недолгого итальянского «экономического чуда», часть итальянских рабочих были переманены итальянским правительством на родину. «С тех пор немецкие предприниматели предпочитают вербовать новых гастарбайтеров в странах, вроде Югославии» [14: 37].

Уже в конце 1950-х гг. в Германии открываются первые дешёвые предприятия общепита, хозяевами которых были итальянцы. Обслуживали они, в основном, своих земляков. В 1970-х гг., после того, как многие итальянские гастарбайтеры потеряли работу на крупных промышленных предприятиях, в ФРГ возникают многочисленные итальянские рестораны и пиццерии. Эти преимущественно дешёвые заведения привлекали уже не только выходцев с Апеннин, но и немцев, которые охотно восприняли итальянскую кухню. В начале XXI века в Германии действуют десятки тысяч заведений общепита, которые контролируют итальянцы, или немцы итальянского происхождения. Работниками итальянских ресторанов, как правило, также являются итальянцы.

К концу XX века стало заметно, что мигранты-итальянцы и немцы итальянского происхождения заметно отстают от других этнических групп в Германии практически во всех сферах социальной, экономической и общественной жизни. Особенно на это стали обращать внимание в связи с углубляющимся экономическим кризисом, в котором Италия всё меньше выступает в качестве донора ЕС и всё более нуждается в его финансовой помощи.

«Почему итальянские мигранты показывают худшие результаты во всём, касается ли это образования, доходов, или участия в общественной жизни?» – задаётся вопросом журнал «Ди Цайт». «Почему многие испанцы, греки и даже часть турок оказались на подъёме, в то время как итальянцы остались в своей нише? В конце концов, все они прибыли в страну в качестве малоквалифицированных рабочих» [16]. По мнению газеты, одна из причин кроется в том, что итальянцы, в отличие, например, от турок, с самого начала обладали одним важным преимуществом – они в любой момент могли приехать в Германию и в случае малейших затруднений покинуть её. Однако это привело к тому, что имея подобный «аварийный выход» итальянцы меньше старались, не стремились лучше изучить язык, и не аргументировали детей получить лучшее образование. Турки в частности, обогнали итальянцев по соотношению учащихся гимназий. Исследовательница итало-немецкого происхождения Эдит

Пихлер из Гумбольтского университета, изучая структуру и состав учащихся школ Федеративной республики различных типов, делает вывод: «Социально-структурные данные о ситуации итальянцев в Германии в отношении работы, учебы и подготовки кадров, а также их участие в политической жизни показывают, что часть итальянцев в Германии еще очень далеки от настоящего, полного включения в права гражданства, которые могло бы их сделать европейскими гражданами» [11].

В отличие от турок, которые с каждым новыми выборами увеличивают своё представительство в немецком Бундестаге и действуют во всех значимых партиях, итальянцы в политической жизни Германии практически не заметны. Выходцы с Апеннин больше озабочены созданием внешнего имиджа благосостояния и готовы потратить на это, часто последние деньги. Показательно, что согласно опросам, проведённым ещё в 1972 г. именно итальянцы являлись наиболее обеспеченными личными автомобилями в сравнении с другими группами иностранных рабочих [12: 48].

Характер взаимоотношений современных немцев и итальянцев иллюстрирует шутовская поговорка: «Немцы любят итальянцев, но не ценят их. Итальянцы ценят немцев, но не любят их». Для жителей Апеннин немцы в первую очередь это педантичные люди без чувства юмора и стиля. По мнению газеты «Зюддойче Цайтунг» коллективный враждебный образ «злых немцев» подпитывается из различных источников: литературных, политических и научных. Не удивительно, что согласно опросам, регулярно проводимым в Италии, в шкале предпочтений немцы значительно уступают не только американцам, или французам, но также японцам, британцам и русским [15].

На негативное восприятие итальянцев в Федеративной республике оказывает сильное воздействие не только воспоминания о первоначальном доминировании в стране гастарбайтеров с Апеннин. По мнению немецких средств массовой информации в 2010-х гг. итальянская мафия в Германии «сильна как никогда» [4]. Мафиози в ФРГ занимаются своими «традиционными» преступными промыслами: торговлей оружием,

наркотиками, а в легальной сфере курируют строительство и вывоз ядовитых отходов и мусора. Кроме того, для мафиозных кланов Федеративная республика является «одной из самых привлекательных стран для отмывания денег» [7]. По данным Федеральной криминальной службы ФРГ в 2010 г. в стране насчитывалось 30 этнических итальянских преступных группировок [10:19]. Газета «Франкфуртер Алльгемайне» называет город Штуттгарт «цитаделью» итальянской мафии. По мнению работающей в Венеции журналистки Петры Рески, мафия пришла в Штуттгарт вслед за гастарбайтерами и в настоящее время сумела проникнуть в высшие сферы общества, действуя в области гастрономии, строительной индустрии и торговле недвижимостью [13]. Опасения немецких обывателей вызывает жестокость мафиозных кланов, готовность их представителей, не задумываясь применять оружие. Одним из наиболее резонансных преступлений итальянской мафии на территории Германии стал расстрел киллером шестерых человек в итальянском ресторане в г. Дуйсбург 14 августа 2007 г. Убийство стало кульминационным моментом противостояний двух мафиозных кланов Странгио-Нута и Пелле-Ромео» [2]. Разумеется, подобное происходит в Германии достаточно редко. И, тем не менее, именно такие случаи во многом оказывают воздействие на негативный имидж итальянцев в Германии.

Таким образом, было бы неправильным считать, что выходцы из стран Европейского Союза представляют собой некое единое целое. Наоборот, разные этнические группы отличаются не только численностью, но очень часто положением в социальной структуре немецкого общества, уровнем образования, материальным благосостоянием, отношением к собственности. Различные причины способствовали образованию той или иной национально-этнической общины на территории ФРГ. Разные устойчивые, иногда негативные стереотипы взаимного восприятия сложились в сознании коренных жителей Германии и мигрантов. Огромное воздействие на отношение немцев к гражданам конкретной европейской страны и наоборот оказывают история взаимоотношений между народами, особенно новейшая, а также современные

экономические и политические реалии. Несмотря на почти 60 лет массовой миграции итальянцев в ФРГ и ряд преимуществ, которые они имели, выходцы с Апеннин существенно отстают в интеграции от многих других этнических групп.

Примечания

1. Deutsch-italienisches Anwerbeabkommen //Amtliche Nachrichten der Bundesanstalt für Arbeitsvermittlung, 25.2.1956 [Электронный ресурс] – URL: <http://www.angekommen.com/italiener/Dokumente/Abkommen.html>. (Дата обращения: 3.04.2014).
2. Diehl J. Sechsfachmord in Duisburg [Электронный ресурс] – URL: // <http://www.spiegel.de/panorama/justiz/sechsfachmord-in-duisburg-feinstaubplakette-verriet-mutmasslichen-mafia-killer-a-613192.html>. (Дата обращения: 19.04.2014).
3. Gastarbeiter. Per Monena. Der Spiegel. 1964. № 41. S.44
4. Holwein J. Die Mafia in Deutschland [Электронный ресурс] – URL: <http://www.stuttgarter-nachrichten.de/inhalt.so-stark-wie-nie-die-mafia-in-deutschland...html>. (Дата обращения: 19.04.2014).
5. Die italienische Einwanderung nach Deutschland [Электронный ресурс] – URL: <http://www.familienpuzzle.de/migrantenforschung.htm>. (Дата обращения: 7.03.2014).
6. Kom.kom.kom – geh, geh, geh. Der Spiegel. 1970. №43. S.52.
7. Leersch H.-J. Mafia-Paradies Deutschland // Das Parlament [Электронный ресурс] – URL: <http://www.bundestag.de/dasparlament/2012/44-45/WirtschaftFinanzen/41250877.html>. (Дата обращения: 5.05.2014).
8. Linde M. Italiener in Deutschland [Электронный ресурс] – URL: http://www.planet-wissen.de/alltag_gesundheit/gastarbeiter_und_migration... (Дата обращения: 11.02.2014).
9. Munz R., Ulrich R. Die ethnische und demographische Struktur von Aualändern und Zuwanderern in Deutschland //Alba R., Schmidt P. Deutsche und Ausländer: Freunde, Fremde oder Feinde. Wiesbaden, 2000. S. 21-22.
10. Organisierte Kriminalität. Bundeslagebild 2010. Wiesbaden, 2010. S.19.

11. Pilcher E. Vom Gastarbeiter zum (*Gast-*) *Bürger*? Italiener in Deutschland-eine Zwischenbilanz [Электронный ресурс] – URL: <http://www2.hu-berlin.de/festschrift-kattenbusch/pichler-gastarbeiter.html>. (Дата обращения: 19.04.2014).
12. Rauhes Klima. Der Spiegel. 1972. №34. S.48.
13. Reitmaier H. Mafia in Deutschland. In Schlaraffenland [Электронный ресурс] – URL: <http://www.faz.net/aktuell/politik/inland/mafia-in-deutschland-im-schlaraffenland-1604753.html>. (Дата обращения: 9.03.2014).
14. Schwund bei Italiener. Der Spiegel. 1967. № 43. S.37.
15. Schieder W. Deutsche und Italiener. Die lange Tradition, sich misszuverstehen [Электронный ресурс] – URL: <http://www.sueddeutsche.de/politik/deutsche-und-italiener-die-lange-tradition-sich-misszuverstehen-1.930554>. (Дата обращения: 19.04.2014).
16. Spiewak M. Italiener in Deutschland. Die Zeit. 2008. №7.
17. Statistisches Jahrbuch 2010. Für die Bundesrepublik Deutschland mit «Internationalen Übersichten». Statistisches Bundesamt, Wiesbaden, 2010. S.52.

Раздел II. Студенческая наука.

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ В СРЕДЕ САМУРАЙСКОГО СОСЛОВИЯ ЯПОНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

Агафонов А.Р.

*Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
г. Владимир, Россия, dragon2055yer@yandex.ru*

Как известно, самурайское сословие было наиболее привилегированным сословием Японии. Отношения между самураями, равно как и их контакты с представителями других сословий, были жёстко регламентированы. Данная статья, написанная на основе толкований кодекса бусидо (работы «Будосёсинсю» Дайдодзи Юдзана [2] и «Хагакурэ» Ямомото Цунэтомо [1]), посвящена тем правилам, которым должны были следовать ставшие на путь меча, причём даже в отношениях с друзьями.

«Самое главное для самурая, находящегося на службе – общаться и заводить друзей только среди тех своих товарищей, которые отважны, верны долгу, умны и влиятельны. Но поскольку таких людей немного, следует среди многих друзей выбрать одного, на которого в случае необходимости можно полностью положиться» [1]. Как видим, при выборе друзей самурай должен выбирать людей, на которых можно было положиться. Поскольку по профессии самураи были воинами, это было важно с той стороны, что в бою друг может прикрывать спину самурая. Выбирая себе ненадежного друга, на поле брани самурай мог остаться без поддержки. В качестве подтверждения этому приведём одну из историй Ямомото Цунэтомо: «Я тоже очень ценю свою жизнь. Однако, когда я услышал, что мои друзья вступили в неравный бой, я подумал, что пренебрегу Путем Самурая, если сделаю вид, что не услышал этого. Поэтому я побежал к месту действия. Я смог бы продлить себе жизнь, если бы, не ведая стыда, вернулся домой после того, как моих товарищей зарубили, но это было бы попиранием Пути Самурая» [2].

Для самурая дружба должна пониматься именно как дружба соратников в бою, а не тех, кто любит просто хорошо провести время вместе: «Ибо если он

проявит к одному из них расположение и сделает своим другом, полагая, что тот будет веселым и хорошим спутником, они могут легко повести себя непристойным для самурая образом: относиться друг к другу без должных церемоний, вольно разваливаться друг напротив друга, распевать по вечерам песни и баллады дзерурц, обращаться друг к другу слишком фамильярно и ссориться из-за пустяков. Подобное предосудительное отсутствие достоинства лишь показывает, что, хотя внешне некоторые выглядят как самураи, сердца их как у нищих поденщиков» [1].

Говоря о дружбе среди самураев, стоит отметить, что она носила достаточно отстраненный характер: «Надежность – одно из качеств Пути воина, необходимых самураю, но ни в коем случае не желательно оказывать помощь без веских причин, ввязываться в дела, которые не имеют значения или принимать на себя обязательства в том, что не касается тебя самого, только ради того, чтобы сделать так-то или дать совет. Даже если дело в какой-то степени касается тебя, лучше остаться в стороне, если тебя никто не просит вмешаться» [1].

Весьма противоречивая позиция. Самурай должен быть надежным в бою, но в то же время, если в мирной жизни самурай просит друга о помощи, то тот должен вначале хорошо подумать, стоит ли выполнять просьбу: «Когда самурая прошлого просили о каком-нибудь одолжении, он первым делом думал, стоит его делать или нет, в последнем случае он сразу же отказывался. А если и откликнулся на просьбу, то делал это только после тщательного размышления, когда он был готов выполнить ее. Тот же, кто без раздумий берет на себя какие-то обязательства, не сможет выполнить их должным образом, и, когда это обнаружится, приобретет репутацию легкомысленного человека» [1].

Как видим, самурай всегда должен беспокоиться о своем добром имени. Именно поэтому в случае, когда его о чем-то просят, он должен точно знать, что может помочь и при этом понимать, чем это обернется для его репутации. Почти то же самое касается не только поступков и услуг, но и советов: «Давать советы и высказывать суждения следует тоже только после тщательных

размышлений. Ибо если родители, учителя, старшие братья, дядья могут дать неправильные советы своим детям, ученикам и племянникам без большого вреда, все, исходящее из уст самурая, должно быть обдуманно и взвешено. И особенно рассудительным он должен быть по отношению к своим друзьям и товарищам» [1].

Таким образом, самурай должен разбираться в вопросах, которые обсуждает. Из данного наставления следует, что самурай, который говорит о том, чего не знает, может выставить себя глупцом, из-за чего его перестанут уважать. Советы самурая всегда должны быть мудры и полезны, глупые же советы может дать кто угодно.

Существовала и четкая организация отношений с тем, кто тебе неприятен: «Если господин прикажет ему служить вместе с таким человеком, он должен немедленно сказать тому: "Мне приказано служить вместе с тобой, и хотя мы отнюдь не близки я верю, что мы будем помогать друг другу, чтобы сообща лучше исполнить свой долг". Если же человек старше его по службе, он сам попросит у него наставления. Если на другой день он получит новое назначение, им следует вернуться к прежним отношениям; но, пока они вместе, сообща исполнять обязанности – вот должное поведение самурая» [1].

В условиях жесткой военной иерархии самурай должен отставить свое отношение к сослуживцу в сторону, если господин прикажет им служить вместе. В мирной жизни они могут даже не здороваться при встрече, но на поле брани обязаны быть почти друзьями и верными товарищами. Если самурай будет ставить личные чувства превыше долга перед господином, то это, по сути, окажется предательством.

Но если затрагивать конфликты в мирной жизни, не редки были случаи, когда все заканчивалось кровью. В «Хагакурэ» [2] Ямомото Цунэтомо приводит множество историй, посвященных тому, как самурай убивал людей (не обязательно из числа самураев), которые ему грубили. Одна из историй повествует о том, что в храме самурая на ногу наступил мальчик и, вместо

того, чтобы извиниться, стал спорить. В итоге самурай зарубил и мальчика, и мать, бросившуюся к нему. Все это привело к кровавой вражде двух домов.

Затрагивая отношения самураев с другими сословиями, стоит отметить, что обычно самураи должны были вести себя вежливо. Но в то же время жестко реагировали на неуважение в свой адрес. Вели себя вежливо именно по той причине, что считали себя выше них. Если ремесленник, к примеру, выполнил работу, а самурай не заплатил, то позором покрывался именно самурай. Самурай вполне мог зарубить ремесленника или крестьянина, если тот, по мнению самурая, оскорбил его. С равными самураями обычно вели себя более осторожно, но так же все вполне могло перейти в кровопролитие. Драки самураев на постоянных дворах, где в итоге люди оказывались зарублены насмерть, были не редки.

Таким образом, как мы видим, самурай должен был очень трепетно относиться к выбору друзей и думать, прежде всего, об их надежности на поле боя. Если человек не надежен, то не стоит с ним дружить. Друг для самурая – это, в первую очередь, боевой товарищ, и избирать друга из числа людей, с кем приятно за разговором провести время, не рекомендовалось. Если господин приказал самураю служить вместе с человеком, который ему не нравится, то как верный вассал самурай должен был забыть все обиды и расценивать его как друга. И лишь когда господин отдаст приказ о переназначениях, самурай может вернуться с тем человеком в прежние отношения. Самураи обычно старались вести себя вежливо и учтиво даже с низшими сословиями, но жестко реагировали на оскорбления в свой адрес: за оскорбления самурай вполне мог убить обидчика.

Примечания.

1. Дайдодзи Юдзан. Будосёсинсю [Электронный ресурс]. – Электрон. книга – М., 2000. – URL: <http://www.flibusta.net/b/223657>. (Дата обращения 12.02.2014).

2. Ямомото Цунэтомо. Хагакурэ [Электронный ресурс]. – Электрон. книга – Спб., – 2003. – URL: <http://www.flibusta.net/b/226623>. (Дата обращения 12.02.2014).

ВНЕШНИЙ ВИД ЖИТЕЛЕЙ ЭКВАТОРИАЛЬНОЙ АФРИКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПУТЕШЕСТВИЯ В.Л. КАМЕРОНА 1876 ГОДА)

Алексеева Е.В.

*Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
г. Владимир, Россия, tyushenka94@mail.ru*

Настоящая статья посвящена анализу произведения английского путешественника Верни Ловетта Камерона. Он является первым европейцем, пересёкшим Экваториальную Африку от Индийского океана до Атлантического. В работе «Пересекая Африку» (1876 г.) Камерон уделяет внимание не только географическим и природным особенностям Экваториальной Африки, но и бытовой жизни местного населения, их обрядам и обычаям. Большой интерес представляет и описание внешнего вида африканских племен, оставленное путешественником.

В деревне Угагу местное население было татуировано мелкими надрезами, которые образовывали форму круга или спирали. Независимо от пола у них было два вида прически: либо выбривались отдельные участки волос, либо делалась короткая стрижка. В качестве украшений использовались «проволочные браслеты, самбо, бусы и маленькие железные колокольцы»[1: 161]. Одежда у них была, в основном, из лубяной ткани и шкуры.

У некоторых племен В.Л. Камерон подметил отличительные знаки. Так, у ваньямвези были «вытатуированные вертикальные линии на лбу в центре и на каждом виске; два верхних резца, сточенные так, чтобы была видна стропилообразная щель; висящий на шее маленький треугольный кусок зуба бегемота или раковины, выскобленный добела и отполированный»[1: 144]. Украшали себя ваньямвези простыми бусами и проволокой, а вожди и

начальники – цилиндрическими браслетами из слоновой кости, которые покрывали руку от запястья до локтя.

Мужчины этого племени обычно выбривали макушку головы, а оставшиеся волосы носили заплетенными в бесчисленное множество маленьких косичек, которые удлиняли, вплетая в волосы длинные волокна луба. Когда же мужчины отправлялись в дорогу, то заплетали косички в пучки. У некоторых мужчин были даже парики из бечевок. Женщины же, в отличие от мужчин, не следили за модой и часто оставляли волосы в их природном курчавом состоянии. В волосах они носили ножи, трубки и др.

Жители деревни Лиовы показали В.Л. Камерону красивыми и мужественными. В изобилии здесь встречались два вида украшений: первое – самбо, состоящее из «большого числа узких колец из слоновой шерсти или шкуры, аккуратно обвязанных очень тонкой проволокой»[1: 151]. Как указывает путешественник, туземцы высокого ранга часто носили такую массу колец (иногда количество самбо на каждой ноге доходило до 300), что это «придавало им вид больных элфантиазисом»[1: 151]. Второе украшение представляло из себя бахрому из длинной козьей шерсти, которую также носили вокруг ноги. Зачастую к этим двум украшениям подвешивали маленькие колокольчики или же кусочки металлов.

В Кавеле В.Л. Камерон познакомился с купцами, кузнецами, носильщиками, рыбаками и лодочниками. Их одежда состояла из одного куска лубяной ткани (покупные ткани были только у вождей), которая завязывалась узлом на одном плече и под мышкой с противоположной стороны таким образом, что она оставляла одну сторону тела совершенно обнаженной. Ткань раскрашивали полосами и пятнами, имитируя шкуру леопарда.

В качестве ожерелий жители Кавеле носили отполированные белые зубы гиппопотама. Также встречались в изобилии самбо, маленькие колокольчики и проволочные браслеты.

Виды причесок в данной деревне были самые разнообразные: волосы они подстригали и выбривали «спиралями, зигзагами, пучками, оставляемыми на голом черепе, или же круглыми пятнами... на самой макушке»[1: 171].

В Акалунге и Касангалове у многих женщин не было сосков на грудях, а только углубление. Камерону рассказали, что таким образом они себя украшали. И так искалечены были те, которые были более симпатичны. Волосы здесь украшали «прелестными маленькими гребешками из слоновой кости»[1: 203].

Племя Вагухха весьма тщательно убирали волосы: разделяя их на четыре части, они их натягивали на мягкие подкладки, заплетая концы в четыре косы с добавлением, если необходимо, фальшивого волоса. Эти косы располагались крестообразно, и в волосы втыкались многочисленные шпильки или булавки из блестящего железа. В волосах здесь тоже носили «ножи и гладкие железные полосы, соединенные так, что образуют дугу — как в королевской короне. К кончикам кос привязывают небольшие украшения в форме колпачка для тушения свечей; используются полосовое железо, слоновая кость и булавки с головкой из ракушки»[1:195]. Некоторые делали прическу в виде четырех бараньих рогов.

Когда экспедиция В.Л. Камерона шла через Ухийю, то путешественники среди местных жителей увидели много отличий в одежде от выше упомянутых племен. Многие из здешних африканцев стачивали зубы до толщины иглы. Отдельное внимание Камерон уделяет их прическе: «носят огромные кожаные шиньоны в форме чаши с отверстием в центре, из которого свисает своего рода кожаный язык. Другие обмазывают волосы илом и маслом и так их завивают и направляют, что волосы являют определенное сходство с судейским париком. Третьи же разделяют их на гребни и грядки»[1:233].

Как женщинам, так и мужчинам в этой деревне делали хаотично расположенные татуировки с изображениями полумесяца, мальтийского креста или сетчатого узора.

Мужчины здесь носили короткие юбки из шкур или лубяной ткани, а женщины – разделенный на две или три полосы кожаный пояс, который поддерживал небольшой квадрат ткани сзади и совсем крохотный фартучек спереди. У некоторых вокруг пояса была лишь бечевка с «маленьким кожаным передником шириной около трех дюймов и длиной в четыре-пять, разрезанным на полоски не шире шнурка для ботинок»[1:232].

Камерон отмечает, что дальше к западу люди ходили совершенно нагими, при этом ухитрялись «постоянными манипуляциями, когда дети еще очень малы, заставить жировые покровы нижней части их живота свисать вниз наподобие передника почти до середины бедер»[1: 233]. И это считалось «отвечающим потребности в одежде» [1: 233].

Все туземцы очень любили разрисовывать свои лица, и любимым украшением была красная точка на кончике носа. А некоторые ухитрялись раскрасить своё лицо белой глиной, поэтому становились похожи на «циркового клоуна»[1:281].

Одежда людей в Ловале была очень примитивной. Мужчины носили кожаные передники, а женщины — несколько ремешков наподобие нубийской одежды или же лоскут ткани. Волосы их заплетались в «своего рода узор и обмазаны глиной и маслом; и выглядят они так, как будто прическа вырезана из дерева»[1:348].

Как видно, В.Л. Камерону удалось побывать во многих деревнях в Экваториальной Африке, и везде им были подмечены определенные особенности внешнего вида местных жителей, которые, безусловно, удивляли, а порой и пугали английского путешественника.

Примечания.

1. Камерон В.Л. Пересекая Африку. М., 1981.

**«ПАРТИЯ ВЛАСТИ» В ПАРЛАМЕНТЕ
В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ ЕЛИЗАВЕТЫ I.**

Анчикова Ю.А.

Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых,

г. Владимир, Россия, lapshina.nni2012@yandex.ru

В условиях развития современной демократии возрастает интерес историков и общественности политиков к опыту политической борьбы и парламентских дискуссий разных стран. Среди реалий современности большое внимание уделяется вопросам демократического управления в условиях многопартийной системы. В контексте этого встает вопрос о роли в принятии государственно-политических решений правящей партии (партии большинства) и партий, участвующих в политической жизни (партий меньшинства). В отечественной политологии конца XX – начала XIX в. широкое распространение получило выражение «партия власти», которое подразумевает партию, поддерживающую действующую в России исполнительную власть и ее курс реформ. Однако, если отвлечься от конъюнктуры малых исторических длительностей, то понятие «партия власти» значительно расширяет свои границы. В настоящем докладе мы исходим из понимания «партии власти» как условном названии совокупности политических организаций и группировок, представителям которых принадлежит политическая власть в стране.

При таком понимании выражение «партия власти» может быть адаптировано к Европе Раннего нового времени. История монархических и абсолютистских государств, в целом, и история Англии эпохи правления Елизаветы I, в частности, показывают пример формирования и создания «сверху» «англиканской партии» власти [1: 190]. Интересный материал по данному вопросу представляют нам «Отчеты о дебатах» в английском парламенте [2: 79-99] .

Приход к власти Елизаветы I обозначен таким явлением в истории церкви и английского государства, как создание Англиканской церкви. В 1559 году

молодая королева определила направление религиозной политики – протестантское. В результате она обрывает все связи с правлением Марии Кровавой и Филиппа II и католическим Римом. Английские католические епископы, желающие продолжить прокатолическую политику Марии Тюдор, получили недвусмысленный отказ [3]. С этого периода намечается сопротивление со стороны Елизаветы любым нововведениям религиозной жизни государства. Сначала правления королева включает в политическую жизнь «англиканскую партию», служившую ей опорой.

В 1570-е годы развивается оформление идейной и организационной структуры пуританско-парламентской оппозиции. В своем обращении к депутатам парламента [4: 69-79] пуритане открыто критикуют порядки церкви, его устройство. Они отмечают умеренный путь Реформации в Англии 2 половины XVI века: «Не поступайте, как вы делали прежде: продвигались понемногу и урывками, даже отступали и никогда не трудились и не боролись до конца» [4: 78]. Пуритане впервые обращались уже не к королеве с просьбой или прошением, а к членам парламента, имеющим власть в государстве. И все чаще они находили себе сторонников в лице депутатов.

Но сторонники королевы Елизаветы («Англиканская партия власти») не оставались безучастными. Согласно отчетам 14 декабря 1584 г. палата Общин вынесла на обсуждение палате Лордов три петиции об изменении церковного управления. Но «разбирательство по ним было отложено до более подходящего времени». Но продолжались в парламенте выступления с речью о необходимости зачитывания данного билля. Однако представители Елизаветы внимательно следили за ходом парламентских дебатов. Так, Сэр Френсис Ноллис, казначей Ее Величества и Кристофер Хэттон, вице-гофмейстер были против этого. В результате Кристофер Хэттон «оказал такое давление и настроил палату так, что, в конце концов, решили не зачитывать упомянутый билль...» [2: 80-81].

В парламенте 27 февраля 1586 года произошел спор по поводу заслушивания петиции об отмене всех ныне действующих законов церковного

управления. Пропуритански настроенные депутаты желали зачитать его. Но «партия власти» указала на распоряжение королевы не затрагивать религиозные вопросы в парламенте. Она отмечала, «что эти действия вызовут возмущения Ее Величества палатой» [2: 88].

1 марта 1586 года П. Уэнтурс обратился с вопросами к Спикеру о расширении полномочий парламента (предоставлении им свободы слова и утверждении верховной законодательной власти парламента). В результате чего он оказался в Тауэре, а эти вопросы не были зачитаны.

2 марта в Тауэр также были сосланы другие пропуритански настроенные депутаты за вмешательства «в дела, касавшиеся церкви, что Ее Величество так часто запрещала» [2: 90]. В итоге королева смогла воздействовать на депутатов таким образом, что дискуссии по религиозному вопросу в палате общин больше не происходили.

Перед каждым парламентом «партия власти» королевы Елизаветы I напоминала о прямом запрете религиозных споров. Мр. Дэлтон в парламенте 1593 года подчеркнул запрет королевы «вмешиваться в дела, касавшиеся реформации церкви и государства». Несмотря на обсуждение некоторых проектов и передачу их в палату Лордов, «дальнейшее прохождение... было остановлено королевским veto». Сэр Джон Вулли назвал стремления изменить существующий порядок церковного управления «назойливым вмешательством». Доктор Льюэн указывал на справедливость и законность существующего порядка, «как в церковном, так и в гражданском праве» [2: 92-93, 95-96]. Роберт Сесил, ссылаясь на стремление королевы разрешить религиозные вопросы, считает неверный путь самостоятельно обсуждать религиозные проблемы без согласия и поддержки Елизаветы I.

В «партию власти» входили Елизавета I, сэр Френсис Ноллис, Кристофер Хэттон, мр. Дэлтон, сэр Джон Вулли, доктор Льюэн, мр. Пэкеринг, сэр Хенеджу, члены Тайного совета. «Партия оппозиции» представлена такими членами, как мр. Э. Коуп, мр. Т. Льюкенор, мр. Хэрлестон, мр. Р. Бэйнбридж, П. Уэнтурс, сэр Дж. Хайэм, мр. Дэмпорт,

«Англиканская партия» использовала методы воздействия на ход обсуждения религиозных вопросов: королевское «veto» (прямой запрет королевы вмешательства в религиозные вопросы), критика пуританских биллей и петиции, критика вмешательства в запретные вопросы, применяла доноительство на депутатов, осуществлялись их аресты и отправка в Тауэр, ссылки на запрет королевы.

Таким образом, в парламенте в этот период существовала два противоборствующих лагеря: парламентарии королевы, названные нами «партия власти», и пропуритански настроенные депутаты. «Партия власти» становилась каналом и «рупором» передачи идей и решений главы государства – королевы остальным членам парламента.

Примечания.

1. Анчикова Ю.А., Лапшин А.Г. PR-технологии в эпоху Елизаветы I // Личность в истории Нового и Новейшего времени (материалы Всероссийской научно-практической конференции). Рязань, 2014. С. 190-192.
2. Отчет о дебатах в парламенте 1584-1585, 1586, 1588-1589, 1593 гг. // Английская реформация (Документы и материалы). М., 1990. С. 79-99
3. Послание «О религии», 1559 [Электронный ресурс] // Восточная литература: средневековые исторические источники востока и запада. – URL: <http://www.vostlit.info/Texts/>
4. Предостережение парламенту, 1572 // Английская реформация (Документы и материалы). М., 1990. С. 69-79.

ЖЕНЩИНЫ ГЕРМАНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Еропова Е.В.

Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, г.

Владимир, Россия, EroповаKate@yandex.ru

В 2014 году – отмечено столетие начала Первой мировой войны, унесшей почти 10 миллионов жизней. За это время многое изменилось как в жизни общества, так и на мировой карте. Однако мир до сих пор помнит те ужасы, которые происходили в Европе в период первого глобального мирового противостояния. Четыре тяжелых года наложили несмываемый отпечаток на умы и сердца людей. Интерес к мировой трагедии с каждым годом не угасает, а наоборот растет. Открываются выставки, организуются конференции и круглые столы. Неисчерпаемые вопросы и проблемы войны рождают все новые и новые дискуссии.

В историографии существует большое количество работ, посвященных разным аспектам мирового военного конфликта 1914-1918 гг. Чаще всего предпочтение в исследованиях отдается вопросам тактики и стратегии ведения войны, роли солдат и генералов в сражениях на боевых фронтах и военно-дипломатической истории. Вопрос о роли женщин в Первой мировой войне все еще остается малоизученным.

В российской историографии нет фундаментальных исследований об участии немецких женщин в Первой мировой войне. Встречаются отдельные упоминания о деятельности немецких женских союзов. Роль немецких женских союзов во время войны и значение их руководителей частично отражена в работе А. М. Ермакова «Женщины в Германии в первой половине XX века» [1]. В зарубежной историографии значительно больше исследований о женщинах Германии в период Первой Мировой войны. Немецкий историк Ута Дانهел в своем исследовании «Женщины рабочего класса в войне. Работа, семья и политика в годы Первой мировой войны» раскрывает основные сферы деятельности женщин-пролетарок в годы военного конфликта [7]. Французские историки Бруно Кабанес и Энн Дюменил в совместном исследовании «Первая

мировая война. Европейская катастрофа» описывают тяжелое положение в тылу и жизни населения во время войны. Отдельно вынесена тема, посвященная роли женщин и их деятельности в тот период [6]. Интересна работа историка Кристи Хамерли «Родной фронт. Гендерная история Первой мировой войны в Австро-Венгрии». В исследовании показывается вся значимость и важность деятельности женщин, и то, как мало признания они получили за свои усилия [3].

Целью настоящего исследования стало раскрытие деятельности немецких женщин в годы Первой мировой войны в Германии.

Одной из наиболее важных сфер деятельности женщин в военное время стала работа на производстве и сфере услуг. С начала военного конфликта тысячи мужчин вынуждены были покинуть рабочие места в индустрии, государственной службе, сельском хозяйстве и двигаться на фронт. По всей стране освобождались рабочие места, которые занимались женщинами. С этого момента они стали активнее вовлекаться в процесс общественного производства, а их работа получила признание и высокую оценку. Женщины подменили мужчин в таких гражданских профессиях как водители трамваев, почтальоны, кондукторы, уличные работники. Они выполняли ту работу, которую мужчины не доверяли им раньше [5]. В газете «Бременские ведомости» отмечалось: «Женщины работают в столярных мастерских, выполняя тяжелую мужскую работу. Они работают трамвайными кондукторами, спускаются в шахты, приходят на коммерческие предприятия, в которых женская рабочая сила прежде была исключена. В ресторанах и закусочных, а также там, где женский персонал раньше был предосудительным, теперь обслуживают кельнерши, на козлах дрожек сидит женщина-извозчик, на строительстве дорог рядом с мужчинами работает множество женщин. Многочисленные пекарни и бойни находятся под руководством женщин, но намного больше женщина занимает место мужчины в сельском хозяйстве» [1].

Большинство женщин было занято на военном и промышленном производстве. Работа на заводах была очень тяжелой и продолжительной. В

военное время все постановления о защите наемных работников были отменены и поэтому женщины могли работать более 10 часов ежедневно, в ночных сменах и по воскресеньям. Условия труда на производстве были чрезвычайно тяжелыми и зачастую весьма опасными для здоровья. Планы производства оружия и боеприпасов были разработаны без принятия специальных мер и соблюдения техники безопасности при взаимодействии с опасными веществами. Поэтому чаще всего неквалифицированные работницы получали серьезные травмы, зачастую со смертельным исходом [8].

Оплата женского труда была ниже мужской. Женщинам платили за работу всего лишь 30-40% заработной платы мужчин на том основании, что женщина сама по себе не так сильна и вынослива, нежели мужчина. Несчастные случаи, болезни и изнурительный труд за чрезвычайно низкую зарплату губили здоровье работниц, поэтому женщины публично протестовали против невыносимых условий труда, за что их сурово наказывали [5].

Еще одной сферой деятельности женщин была благотворительность и поддержание боевого духа населения. Война подхлестнула патриотические настроения всех немецких граждан, и в связи с этим оживились женские общества, союзы и собрания. Эти организации призывали всех женщин Германии объединиться для поддержания жизни в стране [2].

В 1914 году Гертруда Боймер основала Национальную женскую службу (НФД). Эта служба выступала за поддержание внутреннего мира в стране, объединяя пролетарских и буржуазных женщин на поприще благотворительной деятельности. Выступая от НФД, Гертруда Боймер призывала женщины всеми силами поддержать военные усилия правительства.

От Всеобщего германского женского союза (АДФ) выступила Хелен Ланге с воззванием, в котором она призывала участниц буржуазных женских организаций поддержать мирную обстановку в стране [1]. Она писала: «Теперь все дела союза отошли на задний план. Теперь, как и мужчины, мы должны решать практические задачи, которые ставит текущий момент, и которые мы должны решить по мере наших способностей. Это время - великое время

испытания для женского движения. Оно показывает, насколько в женщинах уже воспитана сила, которая позволяет возвыситься над собственными интересами, над собственным семейным кругом в общественную жизнь, которая позволяет им содействовать в своем развитии, которая позволяет им ощутить жизнь народа как часть своей собственной жизни» [1].

Женские союзы принимали активное участие в строительстве жилых домов, больниц, общественных столовых, собирали пожертвования для военных и делали доклады об экономном ведении домашнего хозяйства, описав возможности и способы «делать что-то из ничего» [5].

Важным направлением деятельности женщин в военное время была работа в санитарно-медицинской службе и уход за больными. Тысячи солдат были обязаны своей жизнью медсестрам, которые следовали за ними на поле боя, в разведку и на военные операции. По информации немецкого Красного Креста, около 25 000 женщин были заняты в этой организации во время войны. Они помогали солдатам во время военных операций и ухаживали за больными и ранеными. Поскольку дипломированных медсестер было очень мало, Красный Крест открывал курсы по уходу за больными в военных госпиталях и полевых больницах. Работа фронтовой медсестрой была исключительно добровольной.

Одной из отличившихся медсестер во время войны была Паула Юнг. Не имея профессию медсестры, она начала свою службу на Западном фронте. Эту специальность она получила позже в дополнение вместе с профессией шофера. Во время войны она всем силами помогала солдатам в военных госпиталях не только на Западном фронте, но и в фландрейском Ипре и французском Аррасе [4].

Самыми опасными сферами деятельности женщин в военные годы были разведка, шпионаж и служба в армии. Женщин использовали для сбора информации о противниках, они часто заменяли мужчин в военных канцеляриях и занимались снабжением войск продовольствием, т.к. вербовка в армию была запрещена. Но были и женщины, которые сражались в качестве

солдат. Часто они проникали в армию под видом мужчин с вымышленным именем. Например, Мария Хаулер, дочь австрийского военного офицера проникла в пехотные войска в качестве стрелка и была удостоена военной награды за храбрость. За отвагу в армии ее прозвали «Волк». Стефани Холленштайн, одна из известных художниц Германии, в мае 1915 года присоединилась к стрелковым войскам под мужским именем. Она служила на Южном фронте и была удостоена почетной военной награды [5]. Алиса Шалек была единственным военным корреспондентом-женщиной в годы Первой мировой войны. Она поставляла отчеты с фронтов, докладывала о боевых действиях в Доломитах и кампаниях Сербии. За проявленный героизм Алиса Шалек получила почетную для женщины награду Золотой крест с короной на ленте и медали «За заслуги» [5].

Таким образом, Первая мировая война существенно изменила жизнь немецких женщин. В тяжелое для страны время они выполняли как мужские функции рабочих и солдат, так и женские обязанности медсестер и матерей. История показала, что немецкие женщины в полной мере проявили себя во время мировой трагедии и сыграли значительную роль. На страницах немецкой истории есть имена тех, женщинами, которыми проявили истинный героизм и на фронте, и в тылу.

Примечания.

1. Ермаков А. М. Женщины в Германии в первой половине XX века: Практикум. Ярославль, 2003. [Электронный ресурс] – URL: <http://yspu.org/hreader/1/> (дата обращения: 15.05.2014)
2. Albrecht Kai-Britt. Die deutsche Frauenbewegung. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.dhm.de/lemo/html/kaiserreich/innenpolitik/frauen/>. (Дата обращения: 12.05.2014)
3. Angelika Schett. Das Kriegsgedächtnis des Ersten Weltkriegs vergisst die Frauen. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.srf.ch/kultur/im-fokus/der-1-weltkrieg/das-kriegsgedaechtnis-des-ersten-weltkriegs-vergisst-die-frauen> (дата обращения: 20.05.2014)

4. Eine Frau an vorderster Front: Krankenschwester Paula Jung. [Электронный ресурс] - URL: http://www.rhein-zeitung.de/region/der-erste-weltkrieg_artikel,-Eine-Frau-an-vorderster-Front-Krankenschwester-Paula-Jung-_arid,1127813.html#.U_1mO1yo1yJ. (Дата обращения: 20.05.2014)
5. Isabella Lechner. Frauen im Ersten Weltkrieg: «Zum Wählen zu dumm – zur Arbeit geschieht genug». [Электронный ресурс] – URL: <http://diestandard.at/1363707214851/WoMen-at-War-Ausstellung-Frauen-Erster-Weltkrieg>. (Дата обращения: 20.05.2014)
6. Raphael Zehnder. Alltag im 1. Weltkrieg: Wenn es an allem fehlt. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.srf.ch/kultur/im-fokus/der-1-weltkrieg/alltag-im-1-weltkrieg-wenn-es-an-allem-fehlt>. (Дата обращения: 20.05.2014)
7. Ute Daniel. Der Krieg der Frauen 1914–1918: Zur Innenansicht des Ersten Weltkriegs in Deutschland. In: Hirschfeld, Gerhard; Krumeich, Gerd und Renz, Irina (Hg.). Keiner fühlt sich hier mehr als Mensch... Erlebnis und Wirkung des Ersten Weltkriegs. – Essen: Klartext Verlag, 1993.
8. Wolfgang Kruse. Frauenarbeit und Geschlechterverhältnisse. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.bpb.de/geschichte/deutsche-geschichte/erster-weltkrieg/155330/frauenarbeit-und-geschlechterverhaeltnisse>. (Дата обращения: 15.05.2014).

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЭФИОПИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА ГЛАЗАМИ ИНОСТРАНЦЕВ.

Живулько Е.О.

*Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир,
Россия, e.zhiwulko@gmail.com*

Данная статья посвящена особенностям социально-экономического развития Эфиопии в восприятии побывавших в начале XX века в африканском государстве поэта Н.С. Гумилёва [2], врача российской миссии в Аддис-Абебе

А.И. Кохановского [3], французского путешественника Жана-Гастона Вандергейма [1].

Очень важную роль в жизни Эфиопии в начале XX века играла торговля. Главным экспортером для страны была соседняя Джибути. Вывозилась из Эфиопии сельскохозяйственная продукция, слоновая кость и золото. Ввозились преимущественно военные припасы, а также металл, ткани, письменные принадлежности, духи, сахар и спиртные напитки.

Внутри страны торговлей занимались, прежде всего, европейцы, среди которых ведущую роль занимали французы. Н.С. Гумилев в своем «Африканском дневнике» указывает: «Французы – господа положения: они служат или на железной дороге, где получают хорошее жалование, или содержат лучшие отели и ведут крупную торговлю; начальник почты - француз, доктор тоже» [2: 66].

Но встречались и торговые лавки индусов. Так, Гумилев отмечает: «В двух больших лавках, принадлежавших богатым индусам Джиоваджи и Мохамед-Али, шелковые шитые золотом одежды, кривые сабли в красных сафьяновых ножнах, кинжалы с серебряной чеканкой и всевозможные восточные украшения, так ласкающие глаза» [2: 66].

У самих же эфиопов не было лавок, в которых они могли бы продавать свой товар. Основным местом, где они реализовывали сельскохозяйственную продукцию, предметы ремесел, домашних животных и кожу, был базар. Французский путешественник Жан-Гастон Вандергейм отмечал: «продавались дрова, мёд, зерно, кофе, клинки сабельные, лук, топоры, индийские материи, копья, стеклянная посуда, подошвы, сёдла, бараны, ослы, лошади, костяные и металлические пуговицы, патроны, выделанные и невыделанные кожи леопардов и пантер, масло топленое, куры, бурнусы, всех родов съестные припасы, всевозможная домашняя утварь» [1: 63-64].

Обстановка на рынке была довольно беспорядочной: ее создавали не только покупатели, но и сами торговцы: «Без всякого порядка, занимая место на земле, по мере прибытия, торговцы и торговки, сидели на корточках или

лежали перед товаром» [1: 64]. Несмотря на такие сумбурные условия, все покупки совершались под контролем специальных надсмотрщиков, которые разбирали между продавцами и покупателями различные недоразумения.

Экономическое развитие Эфиопии в начале XX века можно оценить также по уровню развития городов.

Н.С. Гумилев во время своей поездки в 1913 году посетил город Дире-Дауа, который, по его словам, достаточно активно развивался и расширялся. Он ещё помнил время, когда в этом городе «было всего две улицы», а стало «с десяток», появились «сады с цветниками, просторные кафе» [2: 66]. Нельзя упустить тот факт, что развивалась в Дире-Дауа, в основном, его европейская часть. Туземной же части города Гумилев дает следующее описание: «просто беспорядочное нагромождение хижин, загоронок для скота и редких лавок» [2: 66].

Также опираясь на «Африканский дневник» Гумилева, можно сделать вывод о том, что на достаточно высоком уровне развития находился город Харар: «Уже с горы Харар представлял величественный вид со своими домами из красного песчаника, высокими европейскими домами и острыми минаретами мечетей. Он окружен стеной, и через ворота не пропускают после заката солнца. Внутри же это совсем Багдад времен Гаруна аль-Рашида. Узкие улицы, которые то поднимаются, то спускаются ступенями, тяжелые деревянные двери, площади, полные галдящим людом в белых одеждах, суд, тут же на площади, – все это полно прелести старых сказок» [2: 70].

Ярким примером социального и экономического расслоения населения выступала столица Эфиопии Аддис-Абеба. Город пестрил разнообразием построек: с одной стороны, это были круглые каменные или деревянные дома, покрытые конической соломенной крышей, с другой, соломенные шалаши, не выше одного метра, едва дававшие приют на ночь и целые лагеря палаток, то появляющиеся, то исчезающие. На улицах города нередко можно было наступить на человеческие кости или черепа. На это обращает внимание Жан-Гастон Вандергейм: «Трупы нищих здесь не хоронятся – гиены и шакалы, по

ночам бродящие вокруг домов, принимают на себя санитарные обязанности и очищают скелеты от тела до его разложения» [1: 63].

В качестве ещё одной иллюстрации высокой степени дифференциации населения Эфиопии приведём заметку из «Африканского дневника» Н.С. Гумилёва, речь в которой идёт о поездке на поезде: «Проезд во втором классе, где обыкновенно ездят европейцы, третий класс предназначен исключительно для туземцев, а в первом, который вдвое дороже и нисколько не лучше второго, [обыкновенно] ездят только члены дипломатических миссий и немногие немецкие снобы, стоил 62 франка с человека, несколько дорого за десять часов пути, но таковы все колониальные железные дороги» [2: 70].

В 1908 году в Аддис-Абебе была создана школа европейского типа для обучения знатных молодых людей (лиджей). В школе работали прекрасные учителя, которые преподавали иностранные языки, географию, арифметику, историю, черчение. Следует отметить, что эта школа «не учила любить европейцев», а наоборот «отвечая настроению современного общества в Аддис-Абебе, она внушала золотой молодёжи, что белые это «недт-улач», европеец чаще слышит эту площадную брань «недт-улач» от знатной молодёжи, чем от бедняков» [3: 84-85].

Школы такого типа позднее были построены в Хараре, Анкобере и других городах, но ни одна из них долго не просуществовала [3: 84].

В начале XX века в Эфиопии возрастает число живущих в ней европейцев, которые стали господами положения. Европейцы, в особенности французы, проявляли постоянное высокомерие к цветным расам. В свою очередь, простые жители Эфиопии, как подметил русский врач А.И. Кохановский, «стали глядеть на европейцев не только как на своих политических врагов, но и как на вообще ненавистных им людей, вносящих новшества, прививающих вредные идеи и чувства рабам и поработанным народам, враждебных самому духу и строю абиссинского феодального государства и подготавливающих экономический переворот» [3: 85].

Итак, по свидетельствам, оставленным иностранцами, можно составить достаточно полное представление об уровне социально – экономического развития Эфиопии в начале XX века. Как видно, они обращают внимание на важную роль торговли в жизни государства, на процесс расширения и социального расслоения городов, появление первых школ европейского типа, на привилегированное положение европейцев в стране и негативное отношение к ним местного населения.

Примечания.

1. Аддис-Абеба глазами французского путешественника // История Африки в документах, 1870-2000. В 3 тт. Т.1. М., 2005.
2. Гумилев Н.С. Африканский дневник // Гумилев Н.С. В огненном столпе. М., 1991.
3. Из донесения врача российской миссии А.И. Кохановского // История Африки в документах, 1870-2000. В 3 тт. Т.1. М., 2005.

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ В ТУНИСЕ
(20 – 30-Е ГОДЫ XX ВЕКА)**

Макарова Н.П.

*Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир,
Россия, makarova-nataliamakarova2011@yandex.ru*

Изучение истории русской колонии в Тунисе немаловажно в контексте дальнейшего расширения культурных связей между нашими государствами. Особенно значимым нам представляется период становления русской колонии в Тунисе (20–30-е годы XX века). В настоящее время имеется довольно много работ, посвященных истории Русской эскадры в Бизерте, главным образом, прибытию кораблей в тунисский городок, судьбе русского флота. Но повседневной жизни русской колонии в Тунисе внимания уделено, на наш взгляд, недостаточно. Без описания условий, в которых проживали русские

эмигранты, их досуга невозможно воссоздать полную и яркую картину жизни русских эмигрантов в Тунисе. Источниками для нашего исследования являются воспоминания А.А. Ширинской-Манштейн [7], Жоржа Бортоли [1], В.В. Романовского [5], Родда Балека (Каве) [2], С.А. Степанова [6], а также доклад И.М. Шадрин [7] и письмо О. Каминад К.В Махрову [3].

И.М. Шадрин отмечает, что жизнь в Тунисе была спокойная, всего много для питания и недорого [7:132]. Среди продуктов, в первую очередь, можно отметить арабский, итальянский и французский хлеб. Мясо, рыба и овощи были свежими в любой сезон. В изобилии были цитрусовые, виноград, персики, абрикосы, сливы, финики, гранаты, миндаль и др. [3: 158]. Продукты могли доставляться на дом, а также предоставлялся кредит, чтобы все это оплатить. Среди напитков можно отметить недорогое вино местного производства, а также мускатное вино и водку из инжира. Столица и близлежащие территории были снабжены лучше глубинки и полупустынной южной части страны в силу доступности транспорта и благоприятного климата.

Ситуация с жильем обстояла следующим образом. Еще до 1924 года людям, не желавшим оставаться в лагерях, было трудно с поиском квартиры или комнаты. «Но когда потребовано было вывешивать в каждом доме снаружи о свободной квартире, под строгую ответственность за сокрытие, сейчас же оказалось много свободных квартир», – сообщает И.М. Шадрин в своем докладе о русской колонии в Тунисе [7: 132]. Одинокие снимали жилье у частных, чаще всего, без удобств. Семейным парам даже с детьми поначалу приходилось жить в одной комнате, которую они снимали или сами, или вместе с другими семьями. Русские в основном селились в арабской части города Туниса, так как здесь жилое помещение было дешевым. Местность, конечно, была красива и живописна, но чужда русским порядкам и нравам. Иногда жилье предоставлялось работодателем, например Компанией фосфатов и железных дорог в Гафзе, металлургическим заводом Пенаройа, Ботанической и агрономической службой Туниса.

В конце 20-х – начале 30-х годов ситуация с жильем намного улучшается. Большая часть русских обретает стабильность благодаря государственной службе или работе, приносящей приличный доход. Теперь они могли себе позволить более достойные условия. В европейской части города русские жили в трех- или четырехкомнатных квартирах в многоэтажных домах или виллах. В пригородных виллах кроме трех или четырех комнат была еще терраса, окруженная цветами. «У нас получился приятный садик. Отец также засадил огород», – вспоминает В.В. Романовский, описывая виллу в Хаммам-Лифе [5: 150]. Значительно облегчали покупку жилья долгосрочный займ или покупка участка по льготной цене [5: 149].

В центральной и южной части страны жилищные условия были намного хуже, чем в столице и близлежащих территориях. Русские люди, оказавшиеся среди чужой природы и в незнакомой среде, страдали от жестокой жары (40 градусов в тени летом) 4 месяца в году [6: 55]. Занятые на топографических или сельскохозяйственных работах, они жили в четырехместных палатках. Также была отдельная палатка, которая служила кухней и местом для хранения провианта, инструментов и материалов.

Сведения об одежде русских беженцев начала 20-х годов находим у Каве: «Это было время, когда на тунисских улицах смешались пиджаки, джелабы и бурнусы – необычные костюмы многочисленных жертв и революции: потертые мундиры с многочисленными наградами, балахоны, русские фуражки, импровизированные женские туалеты» [2: 134]. На фотографиях 30-х годов русские выглядят прилично одетыми. У мужчин – костюм с галстуком или бабочкой, у женщин – платье и шляпка. Летом мужчины носили костюмы из светлой ткани, на голове панама. А женщины носили легкие платья с коротким рукавом.

Транспортное сообщение было достаточно хорошим. Например, в городе Тунис транспортный узел находился в европейской части города, откуда шли трамваи в пригороды – Карфаген, Мегрин, Сен-жермен и Хаммам-Лиф. Кроме того, на трамвае, проходящем вокруг медины, можно было добраться до

площади Казба, на которой расположены основные административные учреждения. До пригорода можно было добраться за полчаса, как например, до Хаммам-Лифа, а вот на самом скоростном поезде того времени в Тунисе можно было за 5 часов преодолеть 500 км от Габеса до Туниса, останавливаясь только в Сфаксе и Сусе [5: 148].

У некоторых русских с 30-х годов имелись автомобили, хотя в то время они были мало распространены. В воспоминаниях эмигрантов мы находим упоминания о наличии «Пежо 201» у семьи Тихменевых, «Рено» кабриолете «трилистнике» у Романовских, который они переделали в четырехместный [5: 151], а также «Рено» у семьи Самохотовых [4: 67].

Свободное время для русских, живших в Тунисе, заполнялось по-разному. Отдых на море был для всех свободным и бесплатным. Некоторые семьи снимали домик у моря на летний период. Русские путешествовали по Средиземному морю, посещали Францию, детей иногда отправляли на лето в горы или на Лазурный берег. Можно было совершать прогулки к римским развалинам или к подножиям гор, например, к горному массиву Бу Корнин, возвышавшемуся на 530 метров над уровнем моря [5: 147]. Гулять была возможность и в городе, например, в парке Бельведер, расположенный в столице. Занятие спортом было доступно как зимой, так и летом. Молодые русские особенно отличались в спортивных соревнованиях: легкая атлетика, плавание. Похвален финальный пробег Николая Юргенса, ставшего чемпионом Туниса в велосипедном спорте [1: 180].

Итак, повседневная жизнь русской колонии была отмечена большим разнообразием и благоприятными условиями. Достойные жилищные условия, изобилие продуктов и хорошее транспортное сообщение (исключение – южная полупустынная часть страны), приличная одежда европейского стиля, наличие у отдельных семей автомобилей. Русские, жившие в Тунисе в 20-30-е годы, отдыхали на море, гуляли в городских парках или у подножий гор, занимались спортом, путешествовали по Средиземному морю в европейские страны, преимущественно во Францию.

Примечания.

1. Жорж Бортоли. Воспоминания о Тунисе // Русская колония в Тунисе. 1920 – 2000. М., 2008.
2. Каве. Проблемы в Тунисе после 1921 года// Русская колония в Тунисе. 1920 – 2000. М., 2008.
3. Каминад О. Из письма // Русская колония в Тунисе. 1920 – 2000. М., 2008.
4. Крылова Н.Л. Детство между бараками и церковью. Из тунисских воспоминаний Никиты Шполянского // Восточный архив. 2012. №1 (25).
5. Романовский В.В. Мои первые годы в Тунисе. 1921 – 1933 // Русская колония в Тунисе. 1921 – 2000. М., 2008.
6. Степанов С.А. Африканские воспоминания // Морские записки. 1959. № 49.
7. Шадрин И.М. Русская колония в Северной Африке // Русская колония в Тунисе. 1920 – 2000. М., 2008.
8. Ширинская А.А. Бизерта. Последняя стоянка. М., 1999.

РЕФОРМЫ ПАПЫ ЛЬВА XIII КАК ОСНОВА СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ.

Орлов С.К.

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,

г. Владимир, Россия, osk-vds@rambler.ru

В современной историографии большое внимание уделяется изучению социального развития современного европейского общества, влияния на этот процесс не только государственных сфер, но и Католической Церкви, имеющей значимое положение в мире. Основу социального учения католицизма составляют реформы Папы Льва XIII. Несмотря на то, что первые работы по проблеме исследования данного вопроса появились в начале XX века, тема в настоящее время до конца не раскрыта, что обусловлено трудностью в изучении данного фактора. Эту проблему начали изучать еще современники

Льва XIII: итальянский социолог Л. Стурцо, французский социолог Э. Фульгие, иезуитский теоретик Ф. Лелотта, К. Маркс и Ф. Энгельс.

В зарубежной историографии данный вопрос затрагивался, как часть и общего исторического развития Католической Церкви у М. Звизвалда, К. Я. Веруша, С. Романо. Есть работы, которые представляют официальную позицию Католической Церкви по социальному вопросу – это труды кардинала Й. Хеффнер «Христианское социальное учение» и Ю. Майка «Социальное учение Католической Церкви». Можно отметить также В. Ферроне и его статью «Церковь, тоталитаризм и права человека» в книге «Религиозный фактор и проблемы национальной идентичности в России и Европе нового и новейшего времени», где рассматривает политический аспект реформ папы Льва XIII. Нельзя не упомянуть о «Компедиуме социальном учении Церкви» (2004), который является официальным письменным источником современной социальной политики Католической Церкви, указывающего постоянно на своего основателя - Папу Льва XIII.

В отечественной историографии изучение данной темы проводилось еще в досоветский период. Это работа Карсавина Л. В. 1918 года «Католичество», в котором он рассматривает основные направления учения Католической Церкви, в том числе и реформы Папы Льва XIII. В советской историографии данный вопрос рассматривался как часть общей картины исторического развития Католической Церкви (Григулевич Р., Шейнман М. М., Мчедлов М. П., Цецилия И. К., Лозинский С. Г., Рашкова Р. Т.). Хотелось бы выделить Федотова Георгия Петровича с его статьёй «Quadragesimo anno» в журнале "Новый Град" №1, 1931 г., где он затрагивает рассматриваемую нами проблему в связи с выпуском энциклики Папы Пия XI «Quadragesimo anno». В современной отечественной историографии имеют место монографии не только светских ученых, но и церковных деятелей (протоиерей Максимов (Козлов) и Огицкий Д. П.).

Целью представленной работы стал анализ реформ Папы Льва XIII, заложивших основу социальной политики Католической Церкви. Изменения в

социальной политики Католической Церкви имели следующие причины: ухудшение политического положения в Европе самой Церкви (данный факт отмечали Папа Пий IX [5] и Отто фон Бисмарк [1: 119-131]); съезд II Интернационала в конце XIX в., который способствовал распространению новых социально – политических учений (социализма, коммунизма), и изменению среди рабочего класса представлений о его значимости в обществе и государстве. В ответ на это Папа Лев XIII написал более 60 энциклик, посвященных социальным вопросам, но наиболее важную роль сыграла энциклика «*Regrum Novarum*». Её значимость отмечается современным компендиумом социального учения Церкви, Папами Пием XI, Пием XII, Иоанном XXIII, Павлом VI и т.д. [2: 69-71]. Она была написана во время массовых забастовок, возникших среди рабочих в Италии 15 мая 1891 г., и имела лишь одну цель – привлечь рабочих к мирному урегулированию социального вопроса. Данный документ возбудил широкий резонанс в обществе и в дальнейшем его развитии. «*Regrum Novarum*» разделяется на пять частей: введение, Церковь, государство, профессиональные союзы, заключение. В содержании данного текста отмечаются следующие вопросы: о рабочих, о бедных, о богатых, о земле и частной собственности, о социальной защите населения [3]. Они на протяжении всей истории проходят одной линией социального учения Церкви [7].

Причиной рассмотрения вопроса о рабочих являлось ухудшение их положения, которое привлекало все общественное мнение. Выдвигались различные общественные теории решения данной проблемы (социализм, коммунизм), и, естественно, что Церковь не могла остаться в стороне, когда требовалась её помощь нуждающимся. Ухудшение рабочих представляли следующие аспекты: огромная бедность народных масс, падение нравственности богатых. Решением данной проблемы Папа Лев XIII видел в улучшении отношения к рабочим со стороны государства и высшего общества, и в стирании границ неравенства между богатыми и бедными. Выполнение данных целей возможны были при проведении следующих задач: улучшение

положение рабочего через государственное законодательство; забота о благосостоянии рабочего класса общественным управлением; защита прав рабочего государством: право на труд, право на отдых, защита личности, охрана справедливой заработной платы рабочего, ограждение рабочих от «спекуляторов», право на создание профсоюзов, охрана детского и женского труда; изменение понятия рабочего не как раба богатых, а как равного в правах человека.

С вопросом о благосостоянии рабочих связано решение проблемы бедных, которое заключается в переводе бедных в класс рабочих. Папа рекомендовал давать работу бедным, т. к. это способствует улучшению благосостояния общества и обогащению государства за счет дешевого труда. С правами рабочих тесно связана проблема частной собственности и её охраны. Рассмотрение этого вопроса являлось очень важным фактором в жизни Католической Церкви, поскольку социалисты, организовавшие восстание в Италии 15 мая 1891 г., предлагали уничтожить частную собственность, для улучшения бедственного положения рабочих. Если бы данные планы осуществились, то эти реформы коснулись бы и Церкви, лишив её земли и законных прав на неё. Лев XIII в противовес своим оппонентам предложил государству наделить землей простых рабочих и узаконить частную собственность. Такое решение земельного вопроса, по мнению Папы, дало бы стабильность государству, благополучие населению, и всеобщий мир и взаимопонимания разных слоёв общества, т. к. простой человек, имеющий собственную землю, будет усердней работать, и не будет думать о революции. Частная же собственность богатых, по мнению Папы, хоть и принадлежит им по праву, но по своей природе является общим достоянием, и поэтому должна быть направлена на служение обществу. Говоря об охране прав рабочих «*Regum Novarum*» затрагивает вопрос о социальной защите населения, заключающейся в охране прав семьи. Во-первых, Церковь защищает право каждого человека создавать семью, подчеркивая её важность, как часть общества, организующее государство. Во – вторых, каждая семья имеет

собственные права, которые должны охраняться государством: права на частную неприкосновенность, право на труд, право на государственную помощь, поскольку это совместимо с общим благом и интересами других [3].

Некоторые идеи Папы Льва XIII сохраняются до сих пор в современном социальном учении католической Церкви. Это учения о праве на труд человека, о правах трудящихся, о важности профсоюзов, о мирных забастовках и т. д. [2: 186-214]; идеи об общественной природе частной собственности богатого человека [2: 222], о важности семьи и обладание ею определенными правами в обществе [2: 150], о личностной свободе человека [2: 97].

Кроме непосредственного влияния на развитие Католической Церкви социальное учение Папы Льва XIII оказало влияние и на политическую жизнь Европы. Как писал об этом Папа Пий XI: «Под влиянием и руководством Церкви, многие ученые, церковные и светские, с энтузиазмом занялись социальными и экономическими проблемами в духе требований времени ради того, чтобы в неизменном и вечном учении Церкви найти ту действительную силу, с помощью которой удалось бы решить сложные вопросы нашего времени» [6]. Одним из таких ученых стал знаменитый социолог, священник и богослов – Луиджи Стурцо, который пятнадцать лет будет занимать пост мэра Итальянского города Кальтаджироне. Такому же примеру последовал и священник Игнац Зейпель, который в 1922 году становится канцлером Австрии. Благодаря политике Папы Льва XIII образовалось множество христианских партий: партия «Центр» в Германии, ставшая основной до прихода нацистов к власти; «Бельгийская Демократическая лига», которая являлась федерацией всех рабочих объединений, носивших характер групп взаимопомощи и профессиональных союзов, и известная «Христианская демократическая партия» в Италии, проявившая себя на протяжении всей истории совей страны и т. д. [4: 314].

Таким образом, политика Папы Льва XIII затронула все социальные аспекты того времени и стало основанием для дальнейшего социально-политического развития Католической Церкви.

Примечания.

1. Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Том II. М. 1940.
2. Компедиум социального учения Церкви. М., 2004.
3. Лев XIII Папа Римский. *Regum novarum*. [Электронный ресурс] – URL: http://www.unavoce.ru/library/rerum_novarum.html/. (Дата обращения 01.01.2015).
4. Майка Юзеф. Социальное учение Католической Церкви. Рим-Люблин. 1994.
5. Пий IX Папа Римский. *Levate*. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.unavoce.ru/library/levate.html>. (Дата обращения 01.01.2015).
6. Пий XI Папа Римский. *Quadragesimo Anno*. [Электронный ресурс] – URL: http://traditio-ru.org/wiki/Quadragesimo_Anno. (Дата обращения 01.01.2015).
7. Хеффнер Йозеф кардинал. Христианское социальное учение. [Электронный ресурс] – URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/bogoslov/Hoff_HrSoc/Index.php. (Дата обращения 01.01.2015).

ПУТЬ К ВЛАСТИ И ПЕРИОД РЕГЕНТСТВА ЦЫ СИ

Шаповалова А.Э.

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г.

Владимир, Россия, E-mail: alike-199@mail.ru

В истории Китая особое место принадлежит последней правительнице из династии Цин – императрице Цы Си. Она родилась в 1835 году в знатной, но обедневшей маньчжурской семье. При рождении ей дали имя Ланьэр, что в переводе означает «Орхидея» [7]. Для маньчжуров рождение девочки могло быть как счастьем, так и горем – в зависимости от того, какое будущее хотели для нее родители. Единственная "карьер", которую могла сделать такая девочка – стать наложницей в императорском дворце. Каким же образом ей удалось прийти к власти? Чем отметился период регентства Цы Си? На эти вопросы мы постараемся ответить в данной статье.

В 1853 году объявили очередной набор девушек во дворец Сына Неба, и императорские евнухи принялись искать китайских красоток. Одни специально уродовали себя, лишь бы не угодить в роскошную тюрьму, а 18-летняя Орхидея приложила все усилия, чтобы там оказаться [6].

По некоторым источникам, помимо законной жены император имел до 280 наложниц [4: 62]. Они делились на пять классов. Цы Си относилась к самому низкому рангу наложниц.

Избрание Цы Си стало небольшой сенсацией, потому что императоры в эти времена предпочитали девушек китайского происхождения [5]. Считалось, что они по-настоящему изысканны: у них округлые лица и крошечные ножки, которые с детства специально пеленали. У Цы Си была гигантская, по китайским представлениям, нога, удлиненное лицо и жгуче-черные глаза.

Первая встреча Цы Си с императором не увенчалась успехом, так как будущая императрица не смогла произвести впечатления, но ее это не остановило. Историки приводят многообразные примеры того, каким образом императрица завоевывала расположения Сяньфэна.

Орхидея все свои украшения и скудное жалование отдавала на обучение жрицам любви [1]. Кроме того, Цы Си училась танцам, пластическому движению, много читала, тщательно ухаживала за своим телом и подкупала близких к императору придворных. Однажды ей удалось подстроить так, что ее шатер оказался на пути следования стареющего императора Сяньфэна, который услышал дивный женский голос, певший прекрасную песню. Обнаружив в шатре свою забытую наложницу, император был настолько потрясен ее искусством соблазнять, что провел с Орхидеей несколько дней [5]. Так девушка обрела новое имя и новое положение, став одной из императорских жен.

Цы Си получила неограниченный доступ к сокровищам и власть над людьми. Жизнь во дворце и идеальный уход позволили расцвести ее красоте, о которой сохранилось немало исторических свидетельств [2: 7]. Побывавшие во дворце европейцы утверждали, что Цы Си была необыкновенно хороша и

всегда казалась моложе своих лет – в пятьдесят ей нельзя было дать больше тридцати, в семьдесят лет она выглядела сорокалетней [3].

Но положение Цы Си все еще оставалось шатким. Тогда она придумала новый план для укрепления своих позиций. У старшей жены императора Цы Ань было бесплодие, а вопросы престолонаследия для всех правителей было делом государственной важности [4: 65]. Тогда 1856 г. Цы Си родила мальчика, которого назвали Тун Чжи [5]. Статус матери будущего императора сразу же упрочил положение Цы Си при дворе. Она сама теперь отбирала наложниц для императора и немедленно убивала тех, кто становился ему близок. Она же заменила всю прислугу и даже самых преданных императору слуг - гвардию из евнухов.

В 1860 г. шла Вторая опиумная война, Сяньфэнь со своими дамами и сыном скрывались от войск противника в провинции [7]. Там произошел несчастный случай с Сяньфэнем, в котором опять обвинили Цы Си. Во время прогулки по озеру император, переходя из своей лодки в лодку Цы Си, упал в воду, отчего заболел и вскоре умер [7].

После смерти императора Сяньфэна, вдовствующие императрицы Цы Ань и Цы Си получили права регентов. Политическая власть должна была в равной степени принадлежать обеим императрицам, но Цы Ань мало интересовалась политикой, поэтому она предоставила Цы Си возможность управлять государством [4:68]. Однако такая договоренность устраивала далеко не всех. Не обошлось без заговора с целью убийства регента-наложницы. Цы Си ответила на это быстро и жестоко, она приказала уничтожить около пятисот человек, в том числе и богатого феодала Сю Шена, который стоял во главе заговорщиков [4: 75]. Достаточно быстро элита поняла, что «в центре политической жизни Китая встала женщина, которая по твердости характера и беспощадности воли превышала десятки мужчин» [4:75].

Когда сын Цы Си Тун Чжи стал совершеннолетним, императрица издала высочайший декрет, в котором говорилось, что ее регентство окончено, и начинается правление ее сына [3]. Вскоре Тун Чжи решает жениться, но

императрица относилась к этому событию не благосклонно, опасаясь соперничества со стороны будущей невестки. Однако сразу после издания декрета о передаче власти император Тун Чжи умер. Ходили слухи, что Цы Си убила собственного сына.

Цы Си назвала очередным императором своего юного племянника Цзай Тяна, которому дали императорское имя Гуансюй, что в переводе означает "бриллиантовый наследник" [3]. Цы Си становится полноправной регентшей и на долгие годы полностью подчиняет себе Китай. Мальчику в то время было четыре года, и он не представлял опасности для императрицы. Цы Си выбрала императора сама, а это было нарушением древнего закона. Нашлись недовольные, те, кто по праву кровных уз и родовой наследственности мог претендовать на трон. Десять придворных выразили возмущение решением императрицы [7]. На все важные должности она поставила своих родственников. Чтобы предотвратить проникновение в круг власть имущих постороннего человека, Цы Си объявила о помолвке наследника с его двоюродной сестрой [4: 76].

В 1889 году Цы Си была вынуждена оставить регентство, так как молодому императору исполнилось девятнадцать лет. Но от власти императрица отошла ненадолго. Гуансюй стремился к проведению реформ, которые не одобряла Орхидея.

Император решил упрятать Цы Си под замок и таким образом избавиться от ее опеки. Случайно его планы стали известны приближенным императрицы. Замысел молодого императора был обречен на неудачу. Когда Цы Си узнала о планах племянника, «лицо ее превратилось в холодную маску, только ярость в глазах выдавала истинные намерения жестокой властительницы» [4: 79].

Цы Си заставила своего племянника, императора Китая, отречься от престола. Его личные слуги были обезглавлены. Императора посадили в тюрьму на одном из озерных островов. Он жил бедно и уединенно под охраной евнухов. Возможно, протесты со стороны ряда иностранных дипломатов в Пекине заставили императрицу одуматься. После того как Гуансюй провел в

тюрьме год, ему было разрешено жить под домашним арестом в загородном особняке.

Итак, путь к власти будущей императрицы Цы Си был долгим и непростым. Благодаря своей хитрости и уму, она смогла добиться тех государственных высот, к которым стремилась. Орхидея не боялась вступать в борьбу со своими соперниками, так как главное для нее было - достижение своих целей.

Примечания.

1. Анчи Мин. Императрица Орхидея [Электронный ресурс]. – Электрон. книга – М., 2007. – URL: <http://knigosite.org/library/books/13769>.
2. Кузнецов В.С. Императрица Цы Си // Вопросы истории. 2003. № 12.
3. Перл С.Б. Императрица [Электронный ресурс]. – Электрон. книга – М., 2007. - URL: <http://coollib.net/b/133964>.
4. Пу И. Первая половина моей жизни. Воспоминания последнего императора Китая. М., 1968.
5. Сидихменов В.Я. Маньчжурские правители Китая [Электронный ресурс] – Электрон. книга. – М., 1985.– URL: <http://proхy.flibusta.net/b/337556/read>.
6. Семанов И.С. Из жизни императрицы Цыси. 1835-1908 [электронный ресурс]. – Электрон. книга – М., 1979. – URL: <http://romanbook.ru/book/6626994/>.

Раздел III. ВУЗ и школа: первый опыт научных изысканий.

Реализация идеи непрерывного образования возможно только в условиях тесного взаимодействия между школой и вузом. Педагогический институт ВлГУ и МБОУ СОШ № 15 г. Владимира имеют давние связи и большой опыт сотрудничества в рамках воспитательного и образовательного процесса. С 1995 года в школе при поддержке вуза действует инновационная площадка по созданию единого воспитательного пространства «школа-вуз». Сегодня мы пытаемся развивать и другие сферы, среди которых особую привлекательность представляют научные изыскания.

Изменения образовательной парадигмы ставят перед современной школой задачу формирования исследовательской компетенции учащихся. При этом образование не должно сводиться к сумме готовых застывших знаний: оно становится процессом бесконечного поиска и приближения к истине. Однако в школе ценность приобретает личная актуальность уже известного знания, хотя существуют предпосылки для выхода на другой уровень – подлинного поиска научной истины. Именно это зачастую и становится целью исследовательских работ учащихся МБОУ СОШ № 15 г. Владимира. Основопологающей в такой работе становится идея классического университета, когда преподаватель и его ученики не только объединяются для совместного поиска, но и равны перед лицом науки. Проходя все ступени исследования вместе с преподавателем от постановки целей и выбора методов до формулирования выводов и оформления работы, школьники наравне со студентами приобщаются к основам исследовательской деятельности, что соответствует метапредметным результатам образования.

Достойным завершением проведенной серьезной работы является ее презентация. В школе традиционно проводятся Дни науки, искусства и творчества, но уровень исследований иногда значительно выше и требует оценки научного сообщества. Поэтому вуз становится той площадкой, на которой ребята могут представить свои изыскания и получить рекомендации от признанных ученых. Кроме того, общение в совершенно другой атмосфере

мотивирует на дальнейшую работу. Выступление на различных вузовских конференциях становится событием для учащегося и несет в себе значительный образовательный и воспитательный потенциал. В свете этого сотрудничество МБОУ СОШ № 15 г. Владимира и ВлГУ становится приоритетным направлением. В заключение хочется выразить слова благодарности историческому факультету ВлГУ и кафедре всеобщей истории за поддержку молодых талантов и создание условий для развития науки в школе.

*Курасов С.А.,
аспирант кафедры истории России ВлГУ,
учитель МБОУ СОШ № 15 г. Владимира*

СПОРТ И ПОЛИТИКА

Кованов Д.С., Кованов Е.С.

МБОУ СОШ № 15 г. Владимира, Россия, kurasov-serg@mail.ru

Спорт и политика во все времена имели тесную связь между собой, несмотря на известное суждение «спорт вне политики». Наиболее ярко эта взаимосвязь стала проявляться в XX веке и особенно на современном этапе, поэтому сегодня необходимо проследить на историческом материале различные формы взаимодействия этих сфер.

В первую очередь хотелось бы отметить древнегреческие Олимпийские игры, которые впервые в истории имели политический характер. Во время проведения игр прерывались все войны, и устанавливалось перемирие, что служило объединению всех городов-государств и подчеркивало единство греческого мира. В настоящее время международные спортивные соревнования не только объединяют стран-участниц неким «духом спорта», но и способствуют сплочению всего общества на фоне переживаний за успехи и поражения сборной команды страны. Примером этому служат наши ощущения во время проведения Олимпийских игр в Сочи и Чемпионата мира по футболу в Бразилии.

В истории известны случаи, когда спорт в противоположность объединению государств и наций выступает средством доказательства превосходства. Например, Суперсерия хоккейных игр СССР – Канада в 1972 году, когда состоялось 8 матчей между двумя сильнейшими на тот момент сборными в этом виде спорта. Как ни странно, причиной этого события был не просто спортивный интерес, а некие политические цели, которые преследовала каждая страна, чья сборная принимала участие в этом спортивном событии. Одной из таких целей было доказательство превосходства социалистического или капиталистического уклада жизни. Кроме того, игры стали проявлением «холодной войны», как и бойкотирование Олимпийских игр 1980 года в Москве рядом капиталистических государств. Стоит заметить, что столкновение социалистической и капиталистической идеологии в спорте началось еще в

1945 году, когда футбольный клуб «Динамо» совершил турне по Великобритании.

Соперничество между различными идеологиями в спорте на международном уровне дополняется политической борьбой в отдельных государствах и регионах. В Глазго (Шотландия) с XIX века известно футбольное дерби (соревнование между непримиримыми соперниками из одного города или региона) Old Firm между клубами Рейнджерс и Селтик, имеющее политический и религиозный подтекст между болельщиками: католицизм и протестантизм, а также вопросы единства Великобритании (судьба Ольстера).

Еще одной формой взаимодействия спорта и политики выступает формирование политической элиты государства. Высокие достижения спортсменов служат причиной любви и уважения со стороны народа, что использовалось при голосовании в Государственную Думу РФ. Среди депутатов нижней палаты российского парламента значатся российские гимнастки, олимпийские чемпионки Светлана Хоркина и Алина Кабаева, легендарная фигуристка Ирина Роднина, известный боксер Николай Валуев, дзюдоист Дмитрий Носов, теннисист Марат Сафин, борец Александр Крарелин и т.д. Многие спортсмены, завершая свою спортивную карьеру, пытаются найти себя в политической сфере и продолжают поддерживать ценность спорта в российском обществе.

Развитию спорта способствуют и увлечения политических лидеров. Первый президент РФ Б.Н. Ельцин увлекался теннисом, отчего этот вид спорта получал широкую поддержку в 1990-е годы. Нынешний российский президент В.В. Путин занимается дзюдо, а с подачи Д.А. Медведева была разработана программа развития бадминтона. Во Владимирской области при поддержке губернатора С.Ю. Орловой возрождается игра в городки. Популяризации среди населения отдельных видов спорта формирует ценностное отношение российских граждан к здоровому образу жизни, что также является одной из задач государства на современном этапе. Спортивные успехи или неудачи

подвигают правительство на строительство и открытие новых спортивных объектов: школ, комплексов, площадок и т.д.

Кроме того, проведение международных соревнований способствует развитию инфраструктуры отдельных регионов, что становится еще одним важным средством в политике. Особо показательными являются изменения Казани в связи с проведением Универсиады в 2013 год: построены большие спортивные комплексы и новый микрорайон, ставший кампусом Казанского федерального университета, изменениям подверглась транспортная система города (появились новые маршруты, сменился автобусный и трамвайный парк, реконструирован аэропорт международного класса, были открыты новые станции метрополитена, построен новый вокзал), увеличился поток туристов, создан Международный образовательный центр Международной федерации студенческого спорта, высажено свыше 47 тысяч деревьев на улицах города и т.п.

Очевидно, что спорт и политика, начиная с античности, приобретают систему взаимосвязей, причем в современном мире эти понятия практически не делимы. С одной стороны, спорт без поддержки политических сил не может эффективно развиваться, а с другой – он становится действенным политическим инструментом. Остается только надеяться, что исторический опыт поможет вынести уроки из этих связей, и такое взаимодействие будет носить только положительный характер.

ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННОЙ МОНАРХИИ ЛИХТЕНШТЕЙНА

Краскин М.Р.

МБОУ СОШ № 15 г. Владимира, Россия, kurasov-serg@mail.ru

Монархическая форма правления в Европе на первый взгляд стремится к общепризнанной формуле «монарх царствует, но не правит». Однако политическая система карликовых государств¹ говорит об обратном. В СМИ мы встречаем утверждения, что Лихтенштейн – это абсолютная монархия [3, 7, 8], а официальные документы признают конституционное правление в княжестве [1,4]. Это противоречие заставляет задуматься о действительном положении монархии в Лихтенштейне, поэтому цель настоящей работы – проанализировать особенности формы правления в Лихтенштейне на современном этапе.

Главным источником исследования является основной закон княжества [2, 6]. Конституция Лихтенштейна была принята в 1862 году. Ныне действует Конституция принятая 5 октября 1921 года князем Иоганном II с дополнениями.

Лихтенштейн – карликовое государство в Центральной Европе с населением около 37 тыс. человек. Показатель ВВП – один из самых высоких в мире, т.к. «щадящий» налоговый и регистрационный режим привлекателен для зарубежных инвесторов. Особо развит банковский сектор экономики. Главой государства считается князь из династии Лихтенштейнов.

Законодательная власть принадлежит однопалатному парламенту – Ландтагу. Ландтаг состоит из 25 депутатов, избираемых всеобщим равным, тайным и прямым голосованием на четыре года. Парламент разрабатывает и принимает законы, которые подписываются князем. Однако в соответствии со статьей 65 Конституции «для действительности всякого закона необходима кроме участия Ландтага, подпись князя, которая санкционирует его,

¹ К карликовым государствам относятся страны, не превышающие по площади и население Люксембург (площадь составляет 2 586,4 км², а население 473 тыс. человек): Люксембург, Лихтенштейн, Монако, Андорра, Сан-Марино, Ватикан, Мальта.

контрассигнование ответственного главы Правительства или его заместителя» [6], т.е. без подписи главы Правительства закон не может вступить в силу, что значительно ограничивает полномочия монарха. Стоит также заметить, что правом законодательной инициативы кроме Ландтага и князя обладают граждане при особых условиях, обозначенных в статье 64 Конституции.

Разговоры о возвращении к абсолютной монархии в Лихтенштейне начались после конституционной реформы в 2003 году. Князь Ханс-Адам II сумел провести референдум по изменению основного закона, в результате чего у него увеличились полномочия.

Во-первых, стоит отметить право князя наложить вето на любое решение парламента или референдума. За последние десятилетие князь старался не особенно использовать свои особые полномочия, ограничиваясь угрозами их применения. Так, например, случилось в 2011 году, когда на референдум был вынесен вопрос о разрешении абортв. Ханс-Адам II напомнил своим гражданам, что если им все же захочется разрешить искусственное прерывание беременности, то он наложит на него вето [5]. В отношении парламента князь может единолично принять решение о его роспуске (статья 48 Конституции).

Во-вторых, князь может распустить правительство (статья 80 Конституции). Без его подписи ни одно решение не может вступить в силу шесть месяцев, а Ландтаг должен выразить доверие исполнительному органу. Правительство подотчетно монарху. То есть князь может оказывать существенное влияние на работу исполнительной власти.

В-третьих, согласно статье 96 Конституции князь входит в состав Гремюма (Gremium) – органа по назначению судей. Причем он не только определяет кандидатуры, но и имеет решающее слово при их утверждении в должности.

Все вышесказанное говорит о том, что князь Лихтенштейна имеет рычаги воздействия на все ветви власти, что противоречит основам конституционной монархии. Такая форма правления близка к дуалистической монархии, но особенности принятия законов (контрассигнация председателем

Правительства) и коллегиальное формирование органов исполнительной власти выделяют Лихтенштейн. Вместе с тем более 1500 граждан могут выступить с инициативой отмены монархии как формы правления в княжестве (статья 113 Конституции). Этот факт свидетельствует о демократических основах государства.

Таким образом, в Лихтенштейне исторически сложилась особая форма правления, которая включает в себя элементы абсолютной монархии при сохранении основ конституционного строя.

Примечания.

1. Staatsform und Verfassung [электронный ресурс] // Официальный сайт княжества Лихтенштейн. – URL: <http://www.liechtenstein.li/de/land-und-leute/staatswesen/staatsform-und-verfassung/>. (Дата обращения 8 ноября 2014).

2. Verfassung des Fürstentums Liechtenstein [электронный ресурс] // WIPO Всемирная организация интеллектуальной собственности. – URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=234654. (Дата обращения 9 ноября 2014).

3. Бараулина А. В Лихтенштейне восстановлена абсолютная монархия [электронный ресурс] // Газета.ru. – URL: <http://www.gazeta.ru/2003/03/17/last80076.shtml>. (Дата обращения 8 ноября 2014).

4. Княжество Лихтенштейн. Справка Министерства иностранных дел России // МИД России (официальный сайт). URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-reuro.nsf/348bd0da1d5a7185432569e700419c7a/df8972e44d342e9c43256b2c00276897!OpenDocument>. (Дата обращения 8 ноября 2014).

5. Князь Лихтенштейна сохранит право вето [электронный ресурс] // Наша газета. Швейцарские новости на русском языке. – URL: <http://www.nashagazeta.ch/news/13808>. (Дата обращения 8 ноября 2014).

6. Конституция Лихтенштейна [Электронный ресурс] // Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова – URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/147>. (Дата обращения 2 ноября 2014).

7. Народ Лихтенштейна выбрал абсолютную монархию [электронный ресурс] // Деловая пресса. – URL: http://www.businesspress.ru/newspaper/article_mId_40_aId_256338.html. (Дата обращения 8 ноября 2014).

8. Саморуков М. Лихтенштейн на грани антимонархической революции [электронный ресурс] // Слон. – URL: http://slon.ru/world/likhtenshteyn_na_grani_antimonarkhicheskoy_revolyuutsii-749943.xhtml. (Дата обращения 8 ноября 2014).

НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ХОЛОКОСТА

Матросов Е.О.

МБОУ СОШ № 15 г. Владимира, Россия, kurasov-serg@mail.ru

Проблема Холокоста в исторической науке изучена весьма хорошо. Стараниями международного фонда Холокост и института Яд-Вашем проводятся исследования на самые разнообразные темы, одной из которых является отражение трагедии XX века в искусстве. Одним из видов искусства, особенно популярных сегодня, является кинематограф, где уже с 1940-х годов Холокост является одной из важных тем. За десятилетия было снято более 250 художественных фильмов, в центре внимания которых находится судьба еврейского народа в середине XX столетия. Этот богатый материал необходимо осмыслить для понимания места Холокоста в современном мире. И целью данной работы является анализ достаточно специфического исторического источника как художественные фильмы о Холокосте. С помощью Интернет-ресурсов был составлен список игровых фильмов по данной проблеме [1, 2, 4]. В виду большого числа фильмов и невозможности их просмотреть была проанализирована основная информация (год и страна выпуска, жанры и затронутые в них темы), что позволяет дать характеристику этим источникам.

Среди первых проблему кинематографа как исторического источника в отечественной науке поднял Марк Ферро [6] в начале 90-х годов XX века. Хотя уже с 1926 года в СССР работает архив кинофотодокументов (РГАКФД), а в работе по источниковедению Р.С. Мнухиной [5] кино и фотодокументы указаны как особая группа источников, но исследователи практически не обращались к этому материалу. В 2004 году в свет вышла книга «История страны/история кино» [3]. Это первая попытка российских историков «прописать» историю страны, как она видится через кинематограф.

Марк Ферро, определяя фильм как «продукт культуры, связанный с обществом, которое его производит, с обществом, которое его получает и потребляет» [6: 49], приходит к мысли о том, что фильм может выступать не только как источник (отражая определенную эпоху), но и как фактор истории. Нам важно понять, что художественные фильмы о Холокосте, сохраняя память об этой трагедии, формируют ценности современного общества.

Кино как исторический источник имеет свои особенности. Во-первых, каждый фильм достаточно субъективен, т.к. отражает взгляды его создателей (сценарист, режиссер, актеры, иногда заказчики). Во-вторых, существуют свои законы этого вида искусства, с присущим только ему своеобразным кинематографическим языком и образностью. В-третьих, любая кинолента создается для своего зрителя и должна быть доступной для его понимания. В-четвертых, не всегда режиссер может передать все исторический тонкости эпохи. И наконец, самому исследователю трудно оставаться беспристрастным по отношению к фильмам. Учитывая эти особенности, рассмотрим фильмы о Холокосте.

Для начала обратимся к внешней характеристике источников. Отражение проблемы Холокоста в киноискусстве, как отмечено выше, началось еще в 1940-е годы, однако тогда было снято всего четыре фильма. Уже в 60-е годы их число возросло до 22, а в 80-е – до 46 фильмов. В последние два десятилетия (1990-2000-е) было снято около 150 картин, что подчеркивает повышение интереса к теме. Безусловно, большинство кинолент

американского производства, т.к. США является центром киноиндустрии. Очень важно, что немецкие режиссеры не обходят эту тему стороной. Также большое значение она имеет для польского искусства. В СССР трагедия еврейского народа вызвала меньший резонанс, потому что в исторической памяти нашей страны одно из центральных мест занимает трагедия Великой Отечественной войны, хотя и Холокост тоже остается важной проблемой.

Интерес представляет историческая основа кинолент. Кинематограф затронул все этапы трагедии, начиная от ограничения прав евреев Нюрнбергскими законами («Герника», «Перласка: итальянский герой», «Ханнусен» и т.д.), заостряя внимание на проблеме гетто («В присутствии моих врагов», «Еще только за тот лес», «Кусочек рая», «Гетто») и выживания в концлагере («Без судьбы», «Игра на время», «Капо»). Некоторые фильмы отражают всю историю Холокоста с середины 1930-х до разгрома фашистской Германии («Вкус солнечного света», «Холокост»). Послевоенное время и судьбы людей, переживших весь ужас, тоже не остались без внимания («Почти спокойный мир», «Розовый сад», «Розенштрассе»).

Отдельно освещаются самые трагические страницы истории Холокоста: лагеря Освенцим («Аушвиц», «Отвага матери», «Последний поезд»), Собибор («Побег из Собибора»), Лидице («Лидице»). Особняком стоит история Варшавского восстания («Варшава Год 5703», «Восстание», «Кольцо с орлом в короне»). 29 сентября 1941 года в местечке Бабий Яр за один день было расстреляно около 34 тысяч человек. Этот факт не мог не попасть на киноплёнку: «Бабий яр», «Дамский портной», «Непокоренные» и т.д.

Интересно отметить, что ряд сюжетов разворачивается в определенном историческом пространстве. В основном действие происходит в Германии («Давид», «Между вчера и завтра») и Восточной Европе: Польша («Выбор Софи», «Жестяной барабан»), Югославия («Баньница»), Венгрия («Забастовка/ Восстание Иова», «И скрипки перестали играть»), Чехия («Прага», «А пятый всадник Страх ...»), Словакия («Магазин на площади») и оккупированная территория СССР («Восточный коридор», «Вызов»). Истории спасения от

окончательного решения еврейского вопроса, как правило, разворачивались в западноевропейских странах: Австрия («Может быть в другой жизни», «Дружба в Вене»), Дания («Только путь»), Италия («Перемирие»), Норвегия («Мендель»), Франция («Свободная страна»), Швейцария («Лодка полна»), Швеция («Грипсхольм»). Один фильм показывает историю евреев, эмигрировавших в Африку («Нигде в Африке»).

Режиссеры также затрагивали политические аспекты трагедии, показывая на экране истории нацистов – преступников против человечества: Менгеле («Ничего, кроме правды»), Р. Гейдрих («Рейнхардт Гейдрих - руководитель террора»), Эйхман («Эйхман», «Борьба»), – а также такие события, как Ванзейская конференция, на которой было принято окончательное решение еврейского вопроса («Заговор») и Нюрнбергский процесс, где вскрылись преступления нацистов («Нюрнберг»). Позиция католической церкви по отношению к истреблению евреев была отражена в фильме «Аминь».

Особо стоит сказать о целом направлении фильмов, основанных на историях реальных людей. Только семь фильмов имеет общее название – «Дневник Анны Франк», что говорит о популярности и ценности истории девочки Анны Франк, оставившей после себя дневниковые записи. Судьба пианиста Владислава Шпильмана стала основой всемирно известной киноленты «Пианист». И, конечно же, большое количество фильмов посвящено праведникам мира. Известен Оскар Шиндлер, спасший около 1200 человек, чья история легла в основу фильма «Список Шиндлера» режиссера Стивена Спилберга. Спасительнице около 2500 еврейских детей Ирене Сэндлер посвящен фильм «Храброе сердце Ирены Сэндлер». Шведский дипломат Рауль Валленберг также удостоился внимания кинематографа («Рауль Валленберг: история героя»). Примеры этих людей служат нравственными ориентирами в современном обществе.

Все эти фильмы играют большую роль в создании системы общечеловеческих ценностей. Особенность данного исторического источника заключаются в демонстрации этих ценностей через художественные образы.

Киноискусство о Холокосте всегда затрагивает проблему межнациональных отношений. Толерантность проявляется в сюжетах, посвященных сочувствию евреям представителей другой нации («Весна жизни», «Далекое путешествие», «День, когда клоун плакал», «Мсье Кляйн»). Весьма трогательным является фильм «Мальчик в полосатой пижаме», в котором показана дружба восьмилетнего немца Бруно и его ровесника - еврейского узника Шмуля. Вообще, детская тема, как в искусстве, так и в исторической науке сейчас достаточно актуальна. Судьба детей, затронутая в фильмах («Все мои близкие», «Дом Нины», «Европа, Европа/ Гитлерюгенде, Саломон», «Лики смерти»), имеет большую эмоциональную напряженность, что показывает ее особую важность для человека. Наряду с отношением к проблемам детства, в современном мире можно выделить проблему семейных ценностей, что также затронуто в кинематографе («Звук и тишина», «Из ада в ад», «Оставленный багаж», «Поезд жизни»). Традиционной для кино является тема любви, поэтому часть фильмов о Холокосте содержит любовную линию («Любовная линия фронта», «Воспоминания о любви» «Человек, который плакал», «Враги: история любви»). Но самая главная ценность – это ценность человеческой жизни без принадлежности к какой-либо нации.

Таким образом, кинематограф дает большой материал для исследования различных проблем XX столетия. Тему Холокоста, как одна из важных проблем, можно рассмотреть через призму кино. В фильмах нашли широкое отражение исторические события середины XX века, связанные с трагедией еврейского народа. Особенностью источника стоит признать его эмоциональность и образность, которые помогают формировать систему ценностей в современном мире. И самая главная их задача - это сохранение памяти о катастрофе как одной из страшных страниц в истории человечества.

Примечания.

1. Интернет база кинофильмов. Internet Movie Database (сайт). – URL: <http://www.imdb.com>. (Дата обращения 29 октября 2014).

2. Историческое кино (сайт). – URL: <http://historymovies.ucoz.ru/>. (Дата обращения 5 ноября 2014).
3. История страны. История кино / Под ред. С.С. Секринского. М, 2004.
4. Кинопоиск (сайт). – URL: <http://www.kinopoisk.ru>. (Дата обращения 5 ноября 2014).
5. Мнухина Р.С. Источниковедение истории нового и новейшего времени. М., 1970.
6. Ферро М. Кино и история // Вопросы истории. 1993. №2. С. 47-57.

Сведения об авторах.

Агафонов Антон Романович – студент 5 курса очного обучения Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Алексеева Екатерина Вадимовна – студентка 4 курса очного обучения Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Анчикова Юлия Анатольевна – студентка 5 курса очного обучения Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Аронина Наталья Викторовна – к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории Владимирского университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Афонькина Екатерина Владимировна – ассистент кафедры всеобщей истории Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Гайкин Виктор Алексеевич - старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

Гуреев Михаил Сергеевич - к.и.н., НОО ВПО НП «Тульский институт экономики и информатики».

Данилова Валерия Юрьевна – к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории Владимирского университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Дэвис Дон Е. – доктор наук, Почетный профессор Университета штата Иллинойс, г. Нормал, США.

Еропова Екатерина Владимировна – студентка 4 курса очного обучения Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Живулько Евгения Олеговна – студентка 5 курса очного обучения Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Журавлев Дмитрий Анатольевич - Генеральный директор Института региональных проблем, г. Москва.

Ионова Екатерина Николаевна – старший преподаватель кафедры второго иностранного языка и методики обучения иностранным языкам Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Ищенко Анна Андреевна – преподаватель кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Кеткова Ида Владимировна – доцент кафедры зарубежной истории Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского.

Ковалев Максим Александрович – учитель истории и обществознания МБОУ «СОШ № 29», аспирант кафедры всеобщей истории Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Кованов Дмитрий Сергеевич – ученик 9 класса МБОУ «СОШ № 15» г. Владимира).

Кованов Евгений Сергеевич – ученик 9 класса МБОУ «СОШ № 15» г. Владимира).

Краскин Михаил Романович – ученик 9 класса МБОУ «СОШ № 15» г. Владимира.

Кумсков Виктор Викторович – старший преподаватель кафедры методики преподавания истории и обществоведческих дисциплин Ярославского государственного педагогического университета имени К.Д. Ушинского.

Курасов Сергей Александрович – учитель истории и обществознания МБОУ «СОШ № 15», аспирант кафедры истории России Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Лабутина Татьяна Леонидовна – д.и.н., ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор кафедры всеобщей истории Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Лапина Ирина Константиновна – д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Ловягин Николай Витальевич - аспирант кафедры отечественной и всеобщей истории МГОСГИ, Коломна.

Макарова Наталья Павловна – студентка 5 курса очного обучения Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Макеев Дмитрий Алексеевич – д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Матросов Егор Олегович – ученик 10 класса МБОУ «СОШ № 15» г. Владимира.

Никонов Олег Алексеевич – д.и.н., профессор кафедры новой и новейшей истории стран Запада и Востока Московского педагогического гуманитарного университета.

Новиков Сергей Степанович – д.и.н., доцент, профессор кафедры международного права и внешнеэкономической деятельности юридического института Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Орлов Сергей Константинович – студент 5 курса заочного обучения Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Осяев Александр Геннадьевич – аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Портнягин Дмитрий Игоревич - к.и.н., доцент, доцент кафедры европейских исследований СПбГУ, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет.

Портнягина Наталья Александровна - к.и.н., доцент кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах СПбГУ, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет.

Скоробогатых Наталья Сергеевна - к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Стрелец Михаил Васильевич – д.и.н., профессор кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета.

Усманов Сергей Михайлович - д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета.

Черемных Светлана Анатольевна - доцент кафедры международного туризма и межкультурной коммуникации Муромский филиал Московского психолого-социального университета.

Чернопёров Василий Львович - д.и.н., доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета.

Шановалова Анастасия Эдуардовна – студентка 5 курса очного обучения Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г.Столетовых.

Щербаков Вячеслав Юрьевич – к.и.н., доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений Южного Федерального университета.

Подписано в печать 24.07.2015 г. Формат 60x84 1/8.
Печать офсетная.
Усл. п.л. 12,8. Тираж 300 экз. Заказ № 655

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Транзит-ИКС»
600009, г. Владимир, ул. Электrozаводская, д. 2